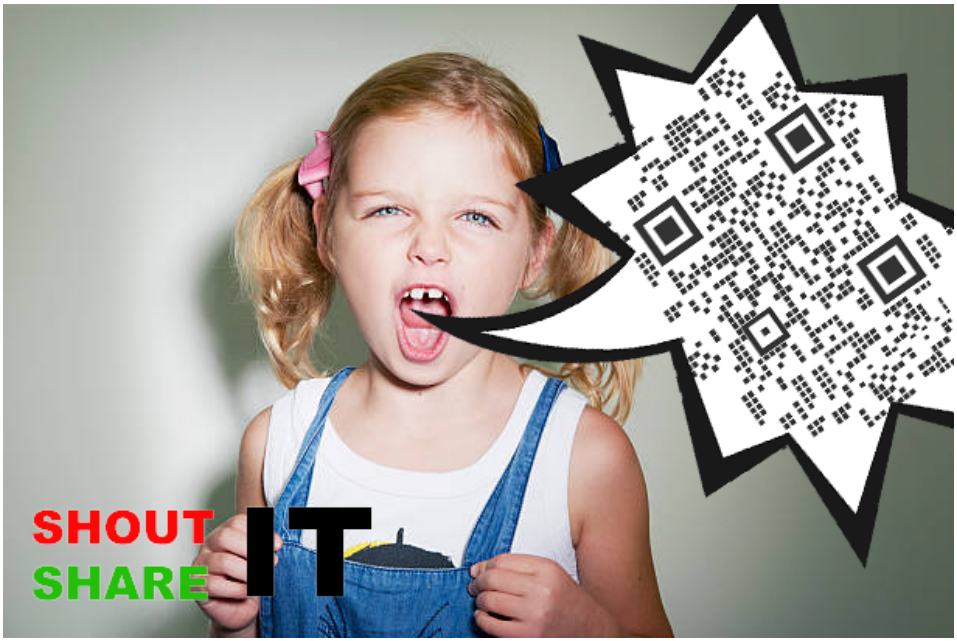
Топор хулиганиста

Александр Тюрин


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Герой создает сценарии компьютерных игры на тему альтернативных миров. Однако фирма, на которую он работает, оказывается террористической группировкой. Она ставит жестокие эксперименты по изменению рода человеческого в «лучшую» сторону и некоторые компьютерные игрушки «не для слабонервных» начинают претворяться в реальную жизнь. Герой вынужден бороться с тем, что некогда придумало его воспаленное воображение...

- Александр ТЮРИН
  - 1. Я из лесу вышел
  - 2. С понедельника новая жизнь
  - 3. Совет да любовь
  - 4. Пирожок с дерьмом
  - 5. Новые товарищи
  - 6. Подглядывание не порок, если есть глаза
  - 7. Удар хвостом
  - 8. Омут на месте лужи
  - 9. Прием больных за здоровых
  - 10. Рейс на тот свет
  - 11. Краткие итоги

Александр ТЮРИН
ТОПОР ГУМАНИСТА

1. Я из лесу вышел

Лет мне – тридцать с приличным довеском. Однако три вещи я так и не смог постичь – сколько чаю надо сыпать в заварку, сколько туалетной бумаги расходовать за один присест, и как лучше обнимать женщину, спереди или сзади.

Моя жизнь делится на три срока. Первый – до пяти лет. Впервые, еще как эмбрион, я объявился в поселке Няксимволь Тюменской области. Мама была родом из племени манси, которые также известны как вогулы и югра. Обходилась она без мужика (насчет моего отца особый разговор), поэтому питала себя и меня дарами тайги – зайцами, оленями, медведями, клюквой, морошкой. Манси вообще-то мелковаты, коротковаты, но мама имела и стать, и крепость, поэтому могла и Топтыгина завалить, и волчаре перерезать глотку. Звали ее Наташа Ростова. Это без балды. У манси все имена-отчества-фамилии – русские, и вера как будто православная, хотя колупни их немного и покажется настоящий язычник-paganus. Вот и моя мать всегда просила прощения у медвежьего духа, когда приносила домой шкуру невинно убиенного Топтыгина. А лес для нее был воротами в прошлое и будущее, большим миром, где короткие ниточки отдельных маленьких жизней сплетаются в одну-единую ткань всеобщей Жизни. Однажды она осталась в этом большом мире, не вернувшись с охоты. То ли не совладала с медведем, то ли волки перехитрили ее, то ли схватила ее тело болотная трясина.

Итак, начался второй период моей жизни. Я где-то с месяц ждал мать, вытягивал из мешка сухари и жевал их, размачивая в дождевой воде, да откромсывал себе кусочки копченого оленьего бока, висящего на крюке. Но вот стала наступать Арктика, полез морозец через оконные щели, потому что сентябрь пришел. А мне и печку растопить никак. Загрузился я в мамины унты, красивые такие, изукрашенные орнаментом "мировое древо", и отправился к соседям, пьющей семейке. Пустили они переночевать в теплом углу, а на следующую ночь в моей избенке печь раскочегарили. Но к зиме они от меня приустали. У самих пять штук ребят в соплях бегают, а отвести меня в сельсовет не догадаться было. Так бы я и околел в декабре месяце, кабы не появился отец.

Я никогда вообразить не мог, что у меня имеется второй родитель, по фамилии Шигимонт-Микитов. Как я уже говорил, мать моя была шибко самостоятельная и, похоже, шаманка: без заговоров и заклинаний шагу не делала, поэтому мужички-манси обходили ее стороной. Русские холостяки из поселка тоже ее

остерегались. Ходит, что-то нашептывает, собирает травки, корешки, грибки-поганки. И притом, женщина выглядела не страшно, как мне кажется; широко расставленные глаза были светлы (югра изревле с русскими контачила в интимном смысле). Кстати, в отличие от большинства соседей-манси мать моя срубила баньку и мылась раз в неделю, если, конечно не на охоте. В тайгу когда шла, то напяливала, само собой, малицу на голую кожу, но в поселке, несмотря на свою первобытность, носила нижнее белье и платье. Я видел у нее однажды французский журнал мод; она, естественно, только картинки разглядывала – с чтением у нее было туго.

А отец мой оказался строителем, только не практиком, а теоретиком, изучал он вечную мерзлоту – уж чего-чего, а этого в Няксимволе хватало. В одну из своих научных командировок то ли он соблазнил первобытную Наташу Ростову, то ли она его оглушила и заневолила, что маловероятнее. Но так или иначе возник я.

У отца имелось семейство в Ленинграде, двое ребятишек. Был он комплексантом, потому, наверное, не завел себе цивилизованную любовницу, а связался с таежной богатыркой. От погибели он меня спас – и на том спасибо, но в свою семейку не пустил, чтобы я не нервировал родных и близких, однако пристроил к бабушке, очень петербургской старушке.

У сына таежной охотницы и внука петербургской бабушки мог вырасти только комплексант. Хотя я вечно зубрил уроки и заранее, еще летом, прочитывал учебники, но пред учителем слова застревали в заднице, как будто я был медведем из леса. А на вступительных экзаменах в ВУЗ меня вообще медвежья болезнь поразила, все шпаргалки на сортир просадил.

Поэтому ровно полгода спустя побрили мне голову в солдаты. Ростом Господь не обделил, ну а в остальном я был лох лохом. Естественно, что призывная комиссия захотела шутку отмочить и отправила меня в довольно элитные войска, в морскую пехоту. Я первые несколько месяцев как в нирване жил, это меня и спасло. Кто меня там поджопниками награждал – я потом и вспомнить не мог. А далее мое тело из Севастополя в Герат переслали. Тот неправ, кто думает, что в Афгане не было нашей морской пехоты. Еще как была. И что интересно, открылась там у меня охотничья лесная мудрость – мамино наследство даже в горах пригодилось. Стал я чувствовать вражью силу, то есть со мной ребята не напарывались на засады, на минах и растяжках не подрывались.

После службы был какой-то занюханный институт, кажется, холодильной промышленности, думать там было ровным счетом

не о чем, поэтому стал я выстукивать на машинке истории о животных разного обличия. И вдобавок хаживал на всякие литературные семинары, где кучковались интеллигенты разной степени заплесневелости и делали вид, что они – культура.

Может, протяни я еще годик и стал бы катать книжки про разные там мафии и борющихся с ними афганцев, или что-нибудь по эротической части заделал бы, например роман "С елдой наперевес". Но в начале 1992 наступило суровое безденежье: наши "чикагские мальчики" лихо освободили карманы населения от "лишних" денег – всё, как папа Милтон Фридман прописал. Хотел я устроиться на завод, где делают любимые холодильники. Но там бросилось в глаза, что цеха смахивают на блошиный рынок, а цветные металлы, из которых мастерят важные детали, уплыли куда-то за бугор. Наверное, превратились там в виллы, на которых золотят свои тела либерализованные начальники. "Чикагские мальчики" явно толкали меня в бандиты и потому я отчалил, так сказать, до прояснения ситуации, в своего рода творческий отпуск. К папе, который проживал с новой женой уже не на Васильевском острове, а на одном иерусалимском пригорочке.

В Израиле обрачился я с одной из наших эмигранточек, но в самой стране не задержался, хоть она и солнечная. Те бабки, что тамошнее правительство отстегнуло, я проел, пропил, проплясал, ни на какой работе не прижился, папаша меня по своему обыкновению не привечал, даже гарантию пожалел дать под деловой кредит. Можно было в армию податься, но с крестом на шее не стоило. Убило бы меня, например, и никто бы не знал, что делать с моим гордым трупом. Да и вообще как-то на меня там косо смотрели: праздники их не праздную, сало ем, да молоком запиваю. Вот и палестинцы с иудеями для меня на один лад – крикливые, торговаться любят.

Потом с Канадой как-то подсиропило, подался я туда с женой Ритой и народившимся сынишкой Данькой. Поселился, если честно, в глухомани, сообразно денежному положению, до ближайшего городка Питтстаун пилить двадцать миль, а у меня и мотора нет.

Жена, в основном, на огороде тосковала, загорая с томиком каких-нибудь стишков, сынок на лужайке жуков ловил. Я осенью, в охотничий сезон, на бензозаправке подрабатывал мойкой машин и прочей ерундой, "поднеси-унеси", впрочем и сам тоже диких птичек-уточек жизни лишал. В общем, существовать можно, если жену не слушать – а она у меня филолог, кандидат наук по матерным выражениям.

2. С понедельника новая жизнь

Я, кстати, сочинять никогда не бросал, хотя последние семь лет ни одному издателю своих трудов не показывал. Естественно, что часть моих внушительных талантов осталась в родных краях, не поспев за перемещениями моего тела. Но я и сейчас измышляю всякую всячинку, иногда насильно давлю из себя, иногда же творчество как из бочки хлещет. Люблю альтернативные истории выдавать. Что было бы, коли, например, хан Батый завоевал всю Европу вплоть до Англии и английского барашка кушал бы татарский нукер. И как насчет того, чтобы ацтеки с помощью Кецалькоатля изобрели мореплавание с порохом, переправились бы в Старый Свет и давай там трахать через анал рыцарей с королями.

Посылать мне свои свитки некуда, так что никаких хлопот. Иногда пересказываю их на скверном французский местному патеру Жаку – тут, кстати, много французиков ошивается – и он, между прочим, хвалит. Специально для него придумал историю, в которой франкофоны в 18 веке наголову раздолбали британцев и теперь вся страна Америка прозывается Новым Парижем. Он же мне в знак "спасибо" разрешил пользоваться его грузовичком по воскресеньям.

А для одного щуплого индейчика-ирокеза по кличке Большой Бык я придумал индейскую страну Маниту на месте Штатов, раскинувшуюся от Атлантики до Тихого океана. Перемерли от сифилиса колонисты-англосаксы, не успели сделать свое черное дело их ружья и "огненная вода", зато по-прежнему многочисленны все племена, не погибли делавары, могикане и прочие. И стоит столичный Белый Вигвам на Потомаке. Там сидят вожди, курят трубки, и рассказывают скальпам белых людей про настоящую демократию. Ирокез мне за это садовый культиватор подарил. И, кстати, товарищ Бык первый объявил, что я на индейца смахиваю.

А Тарасу Григорьевичу с реки Сент-Джеймс живописал древнюю Украину от Тихого до Атлантического океана, где палеонтологические укры придумали колесо, сало, парус и породили все остальные народы. Малоросс, кстати, за этот бред для меня борова зарезал. Теперь полно в кладовке того самого сала и буженины.

Хорошо, в самом деле, что всякая нация претензии имеет – я на этом приработок могу получить.

Вот опять осень наступила, классная пора в здешних краях, которые чем-то на Урал похожи, только здесь дольше держится

тепло, зима легче, а сбоку еще океан незамерзающий плещется. По осени леса кленовые-хреновые в багрец и золото оделись, а я вновь подался на бензозаправку подработать. Как-то подкатил фортовый "мерседес 600", но при том непривычно заляпанный. Из кабины вышел человек гнидистого обличья, видно, что не канадец родом.

Я ему сразу по-английски и по-французски насчет того, чтобы машинке глянец придать, а он ответом меня не удостаивает и пилит мимо, в кафешку.

– Ах ты, жопа загаженная, даже не подтереться не хочешь,– в сердцах бросил я на родном языке.

Тут он оборачивается и на том же языке спрашивает:

– Так ты русский?

– Ну если без подробностей, то всё именно так. А ты, похоже, чечен?– и в самом деле у этого племени акцент не такой выраженный, как например у грузин, но все равно чуткому уху доступен.

– Ингуш,– господинчик сразу напрягся.– А что?

– А ничто. Для местной публики ты тоже русский, хотя на своей родине ты, может, из гранатомета по русским пуляешь и ножиком их режешь.

– А я давно с родины, в начале девяносто первого капитал сколотил и за кордон рванул. Так что, все дальнейшие заморочки мне по боку, хотя кто знает, чем бы я там сейчас занимался. Боюсь, что постреливал бы. У меня ведь дома безоткатное орудие и миномет остались. А все мои дядья по уши в исламе, для нашего рода лихой набег – не позор.

– Ого, я люблю альтернативные истории. И исламских всяких дядей повидал уже в Афгане, так что сплетись судьба иначе, мы с тобой, может, клепали бы друг дружке из стволов.

– Знаешь, что, друг, помой-ка ты машину, – канадский кавказец двинулся дальше, в кафе.

Обратно "соотечественник" повернул минут через двадцать. Положил он мне в ладошку пять долларов и спрашивает:

– Ну и как, кайфуешь от такой работенки?

– Я писатель, между прочим, а этим вот занимаюсь только для физзарядки.

– Ага, понял. "Альтернативные истории" сочиняешь и складываешь в большой ящик. А хочешь на этом деле заработать и даже имя свое обессмертить?

– Издеваешься, да? Мстишь урусам?– откликнулся я, не совсем еще врубаясь в суть предложения.

– У меня бизнес по части компьютерных игр. Есть классные программисты, но вот идей для писания оригинальных сценариев

не хватает. Дай нам свои идеи и мы в долгу не останемся.

Он сунул мне в руку визитку и укатил в отдраенном мною "мерседесе".

Итак, новый знакомец Хожа Усманов имел офис в Питтстауне с телефоном, факсом и компьютерно-сетевым адресом – так по крайне мере значилось на красивой бумажке с золотым тиснением.

Впрочем, к нему я приехать не поторопился. Две недели было работы по горло на бензозаправке, да и жена, которой я кое-что рассказал, выказывала чрезмерное желание познакомится с интересным брюнетом. А потом надо было копать картошку – сто двадцать ведер вышло и вся-то крупная чистая – лето жаркое случилось, даже душное, потому что лесистые вершины не пускали свежий ветер с океана. Мне показалось наконец, что мой участочек более-менее напоминает ферму и я могу с чистым сердцем напялить клетчатую рубаху и широкополую шляпу. Потом Жозе-Поль, Жополька, мордатый хозяин бензоколонки, выдал мне честно заработанную за сезон тысячу канадских баксов; хотелось больше, но я работал по-серому, без налогов, так что не пожалуешься. Тем не менее стал сколачивать сарай и купил у соседа парочку мохнатых коз да дюжину леггорнов. Появилась мысль приобресть у бензоколонщика в рассрочку поддержанный фордик с цилиндром на два литра, а потом сеpануть с высокого потолка на сочинительство баек и стать нормальным толстомясым канадцем.

Однако в конце сентября возникло неотложное дело. Надо было смотать в Питтстаун и толкнуть картоху на тамошнем базарчике. Для этого дела я побрился-почистился, перешел по тропке, обрамленной черничкой, через сосновый холм, потом перебрался по скрипучему мостику через быструю речушку, несущуюся в теснине, и скоро оказался в поселке. Залил патеру Жаку очередную историю про Новый Париж и добрый клерикал выделил мне свой японский грузовичек "Ниссан". Так что на следующее утро я уже катил в Питтстаун, жена с сынишкой обязательно со мной увязалась: себя показать, на людей попялиться. А городишко-то аж семнадцатого века, и хотя по российским понятиям численность населения имеет скромную, но, все-таки, маячит что-то типа университета на холме. А по "сити" заметно, что Питтстаун настоящий финансовый центр.

Оставил я жену вместе с ребенком в университете, где у нее завелась какая-то подружка, потом махнул на базар. Там нехило заплатил за место, с час поваландался,– у фермеров, что покрупнее меня, картоха получше выглядит, помытая и упакованная уже, – а потом плюнул на свои крестьянские

мечтания, сдал товар перекупщику-азиату за пятьсот и отправился к Усманову.

Офис-то у него ничего оказался. Небольшой, но сияющий и деловой. Парочка программистов, лохматый Миша и босоголовый Лева, наяривает на клавишах "Секстиумов". Господин Усманов подозвал своих компьютерщиков, я им выдал пару идеек – по-русски Миша и Лева рубили не хуже моего. Потом они показали мне, как надо фабулу игры вводить прямо в машину. Имелись у них специальные схемы для ввода и расфасовки по базам данных сюжета, антуража, диалогов и всего такого. Экспертная система должна была сразу проверить мою идею на новизну и закрученность. И, кстати, получил я девятки по двенадцатибалльной системе, хотя самые лучшие задумки заначил на будущее.

Программисты Миша и Лева одобрительно покачали головами, секретарша улыбчиво поднесла кофе с печенюшками.

Тут Хожа со мной договор заключает, печать ставит от имени компании "Computer's world", длинно расписывается, и под это дело сразу отстегивает триста баксов наличными.

– Я тебе на днях компьютер со всей периферией завезу,– говорит он.

– Зачем на днях завозить, я и так на машине.

Тут он сразу один свой компьютер отстегивает от розеток, к нему прилагаются и саунд-бластеры, и сиди-ром, а также всякая периферия вроде модема и принтера. А я эту аппаратуру при помощи Миши и Левы перетаскиваю в грузовичок.

– Слушай,– говорит Хожа,– коли мы друг друга нашли, как Иван-царевич избушку на курьих ножках, можно и спрыснуть это дело. Возьмем пару девочек и в кабак завалимся. Таких девочек, что даже у мумии все бы торчком встало.

– Меня уже поджидает одна девочка на холме. Если точнее, моя жена Рита. Он нее у меня волосы могут дыбом встать.

– Тем лучше. Сделай Рите приятное.– говорит Хожа с чисто кавказской заботой о чужих женах.– Тогда мы возьмем одну девочку и твою Риту.

Почему нет. Разве я дикарь какой-нибудь?

Я еще с полчасика позабавлялся с разными компьютерными игрушками, а потом мы с Усмановым поехали на холм за моей женой. На моем грузовике и его "мерседесе".

Жена моя, конечно, сразу обрадовалась предложению. Даньку на вечер сплавила подружке и стала такая возбужденная и даже аппетитная. Подобной она была, когда впервые повстречалась мне на пляже в израильской Натании. Вот что делает с женщиной сильный интерес к новому представителю мужского пола. А

девочкой Хожи оказалась его секретарша. Это мне не слишком понравилось, как будто проделывалось только для проформы. Секретарша была канадкой по имени Женевьев, дамой строгого делового вида. На кой ляд она нужна после работы кобелю Хоже?

В ресторан мы отправились не китайский и не итальянский, каких тут полно на каждом шагу, а в самый натуральный кавказский, хотя он почему-то назывался русским. Здесь все было острое, перченое, с аджигой – для луженых кишок и для дальнейшего возбуждения моей жены. А еще, как я догадался, в кавказскои ресторане обсчитывали – так что, оставь же деньги всяк сюда входящий. Хорошо, что угощал Усманов, у которого все было схвачено и оплачено. Вдобавок, в отличие от прочих местных кабаков, после девяти вечера здесь начинались песни и танцы народов СССР.

Хожа подвывал что-то свое гортанно-горное, моя моментально расковавшаяся жена выкаблучивала "фрейлехс", эти темпераментные личности были весьма довольны друг другом. Массовик-затейник тем временем травил анекдоты: "Аслан упал с кровати во время полового акта и сломал руку.– А с кем был акт?– Да с кроватью."

Мне же осталось общаться с Женевьев, Женей. Она оказалась образованной франкофонкой, которая кроме английского, французского, совсем неплохо владела русским и немного фарси – на этом языке я тоже мог изобразить элементарный разговор после Герата. На первый взгляд она была строгой и деловой, а на второй – совсем не такой засушенной и замкнутой, как англоканадки. Хотя ей было далеко до обезьянисто-попугаистых Хожи и Риты. Впрочем и мне было до них далеко. Я сразу остро почувствовал свою вину из-за того, что замариновал Риту в баночку моей землековырятельской жизни.

Мы с Женей трепались о Канаде, Афганистане, России и немного о работе Усмановской фирмы; вообще толковища "за жизнь" и душевный понос на Западе не приняты даже среди хорошо знакомых, тем паче запрещено обсасывание всяких личных моментов.

Оказалось, что Миша и Лева талантливые программисты, им удалось построить компьютерные пространства и виртуальные реальности, невероятно вовлекающие и даже "поворачивающие" мозги игроков. Напрограммировали они видеозвуковые ряды, с помощью которых пользователь спокойно попадает во внутренний или внешний мир какого-нибудь животного, растения, камня, фантастического монстра и даже бестелесного существа. С помощью Мишиного и Левиного искусства человек может постичь, что такое – быть зверем или демоном. Для этого,

конечно же надо шлем с монитором на черепушку надеть, чтобы виртуальная реальность проецировалась прямо в зрачки, а на руки – перчатки с позиционными датчиками. Ну, а Хожа Усманов проталкивает творения Миши и Левы на рынок, перенасыщенный разными программными продуктами.

Вел я тихую беседу с Женей, а тем временем Рита и Хожа буйно веселились. Не реагировала моя жена и на предложение закончить веселье – дескать, она договорилась с подружкой, чтобы Данька там заночевал на крайний случай. Надо же и разрядиться от скуки. Потом я, ослабев от кавказской кухни, отправился пообщаться с горшком, а по дороге со все большим неудовольствием созерцал воровские рожи прочих посетителей, певцов и музыкантов. В сортире я задержался несколько больше, чем требуют приличия, а когда вернулся в зал, то не нашел там ни жены, ни новых "друзей". Я обратился к кельнеру насчет исчезнувшей тройки.

– Не волнуйся, дорогой, найдутся.– кажется, его бы не обеспокоила даже проглоченная мною мина.

– Но там моя жена.

– Жену не так просто потерять, дорогой.

Я выскочил на улицу – "мерседеса" и след простыл. Впрочем, грузовичок спокойненько стоял на своем месте. Ну что тут попишешь? Не попишешь, так поиграешь. Я забрался в машину, включил двигатель и через стабилизатор врубил компьютер. И надо же, там имелась игра "пропавшая жена". Талантливо созданная Мишей и Левой. На экране жена исчезала и появлялась, превращалась в скалу и в корову, в цветок и ручеек, а программа все просила угадать, где и кто она. Когда жена находилась снова, то лишь едва напоминала исходный образец…

Неожиданно в дверцу автомобился кто-то постучал – я открыл и узрел симпампушку Женю.

– Ну вот и пришлось им снова свидеться, красавице и монстру, умнице и неучу, Красной Шапочке и Серому Волку. А где, кстати, ваш босс и моя Рита?

– Они вас искали, но не нашли, затем уехали в night-club "Минамото". А я просто гуляла, ждала вас на улице, чтобы сказать, где это находится.

– Искали они меня, наверное, как ищут гриб-поганку… Да не поеду я туда.

В самом деле, не болтаться же мне как репей на чьем-то хвосте. Для Риты я давно уже означаю некий предмет на двух ногах, так что ей выбирать – трахаться ли с первым попавшимся мужиком или переночевать у подружки.

– Я домой поеду, Женя.

– У вас большой уровень алкоголя в крови для долгой ночной езды.

– А пофиг. Алкоголь ведь это не моча.

– Вас может задержать police.

– Отдохну в камере. У меня с клопами пакт о ненападении.

– Может лучше остановиться в hotel?

– Там слишком сухо. Мне больше канава подходит.

– Тогда, Николя, переночуйте у меня.

– Не ожидал такой смелости от вас.

– Вы ведь не насильник?

Все-таки это был вопрос, а не утверждение.

– Скажу больше, Женя, я – жертва насилия со стороны женщин, особенно крепкого телосложения.

– Тогда удовольствуетесь диваном в dinner-room. Я много работала с русскими… выходцами из России, и знаю, что вы приходите на выручку друг другу.

– Да, выручку всегда пособим пропить. А когда мы скидываемся на троих – это вообще образец кооперации.

Женевьев села за руль, мы пронеслись по замершим улицам ночного Питтстауна и вскоре я оказался в гостях.

Ее квартирка на Уоллнат-корт была не просто приличная, а даже классная. Очень заковыристая планировка. Я вначале даже не мог сообразить, где тут спальня, где сортир, ванна вообще на каких-то полатях оказалась. Ходи и рассматривай как в музее. В общем, капиталоемкая квартирка. Похоже, Усманов, как и многие "князья" последнего разлива, не знал, каким еще курам клевать его деньги.

– Что будешь пить?– спросила она.

– Слушай, Женя, если уж я пью так по-настоящему, до выноса тела.

– Привыкай к нашей жизни.

– Что-то меня не шибко приучали к ней. Наверное, считали, что я испорчу ее.

– Я буду тебя приучать, Ники. Ты, кстати, немного похож на indean, на iroques. Такой же разрез глаз и нос.

– Ну да, хоть в резрвацию. Вообще, разрез глаз у меня от манси. Это сибирское племя такое. Тоже охламоны вроде ваших индейцев; только русские, в отличие, от ваших англосаксов, ничего у племен не отнимали, ни жизни, ни угодий… А нос у меня от папы–петербуржца, понимаешь, благородных кровей.

Она вышла из гостиной и вернулась не только с чудаковатыми бокалами размером с дыню, но и переодетой-переобутой. В кабаке она фигуряла в строгой одежке для деловых вечерних ужинов, а сейчас оказалась в каком-то хреноватом

кимоно, пожалуй-таки предназначенном для сильно дружественного общения. Я еще раз отметил, какая она продуманная дамочка. Все у нее волосики один к одному, сияют на свету, лицо – матово бледное, шелковая кимонячья курточка открывает лилейную шею, а чуть ниже колышется вымечко. И ноги у секретарши длинные, аж глаза между ног. Запахи же подобраны такие, что пробирают мужика до яиц.

Вот мы выпиваем и я едва с собой совладать могу, чтобы не кинуться на хозяйку с криками "даешь дружбу народов". В общем, не знаю, как дальше себя вести, чтобы было все в рамках приличий. Даже обрадовался, когда эта коренная жительница говорит мне:

– Давай поиграем на компьютере.

Впрочем, я несколько опешил.

– Каком еще компьютере?

– На том, что у тебя в машине. У меня тоже есть, но слабенький.

Вымелся я на улицу под охлаждающий дождик и давай с пыхтением перетаскивать аппаратуру. Наконец все разместил в квартире Жени, все подключил.

– Ну что, мадмуазель, теперь крестиками-ноликами займемся?

– Нет. Мы сейчас будем играть с Мишей и Левой через Supernet.

– Это какой-то вид полового извращения? Вроде секса по телефону.

– Это вид творчества. Раз, два и создается новый мир. А потом на нем еще можно заработать.

– Ну нет, Женя, у меня сейчас увольнительная от всяких заработков. Не хочу вкалывать.

– Я не понимаю последнего слова. "Вкалывать" – это производное от "кал"? Ничего такого не будет. Ты же знаешь, что у наших programmers есть готовые блоки, которые усвоят всю твою информацию… Ладно, я навожу контакт, а ты присоединяйся.

Первым на связь вышел Миша.

– Ну, давай, Коля, кинь нам какую-нибудь кость. Только не про хана Батыя, его тут не знают – мы же в Америке.

– Обязательно про Канаду?

– Можно и про Штаты – это примерно одно и тоже.– включился Лева.– И учти, мир должен быть узнаваемым, никаких там планет, населенных разумными какашками. И Америка должна быть главной – это условие номер один.

Ладно, я усек, почему эта курва французская еще не дала

мне. Видимо, не уверена пока, что я на многое способен. Хорошо, я сделаю игру, и про Америку, и все будет узнавамое.

– Назовем эту игрушку "Вторая гражданская война в США".

И я начал вдувать тему, раскидывая данные по "окошкам" и блокам. Система генерации игры сразу принялась меня обслуживать.

Вначале был напор. Напор иммигрантских толп, которыми надоело быть голодными и обездоленными у себя дома, в азиях-африках-латинских америках. Типа: мы на вас, янки, вкалывали за два доллара в день, обеспечивали вам благополучие своим дешевым трудом, теперь и вы нас обеспечьте. И через все щели в Америку – брызг. Штаты наводняются латиносами, китаезами, карибоафриканцами и прочими "шоколадками". Господа либералы по своему обыкновению облегчают всем жизнь, иммигрантам выдается пособие за безделье и зарплата за желание ходить на работу. Подскакивает уровень налогов. Поголовье прихлебателей растет быстрее поголовья исправных налогоплательщиков. Предприниматели укрывают свои производства в Африке и Азии. Поступления в казну падают, а уровень податей взлетает под небеса. Фед Резерв, конечно, баксы печет, едва успевай мешки выносить, но китайцы какую-то хитрость сделали и доллары больше никто не берет – ни шейхи, ни азиаты, всем только юани подавай… Сперва по миру идут фермеры, они сколачивают вооруженные ополчения и переходят на полное самоуправление. То есть завязывают платить налоги, грубят штатным властям, не подчиняются столичным, и все такое. Правительство для вколачивания ума-разума расшалившимся фермерам подключает национальную гвардию, но та выходит из повиновения. Тогда ФБР тайком вооружает цветных иммигрантов и насылает их на консервативных фермеров – в тех же воспитательных целях. Простоватые фермеры смыкаются с хитрожопыми неонацистами…

На экране мои сведения превращались в плоть и кость игры, картинки прямо на глазах разрастались и приходили в движение.

Образовалось два правительства, для цветных и для белых. Армия раскололась, морская пехота перешла на сторону белых властей, флот поддержал цветных, ВВС остались нейтральными, но страдают от того, что у них накопилось слишком много бомб. У лидера белых консерваторов есть девушка, которая ненавидит войну, поэтому хочет поехать к вождю "шоколадок" и остановить насилие гуманными проповедями. Но ее хватает первый же патруль цветных. Само собой, добрую деву используют не по назначению, а потом продают лидеру белых за десять миллионов баксов…

Я чувствую, как бедро Жени прижимается к моему, тактильно воспринимаю ее разгорячившееся тело и напрягшийся бюст, она переживает гораздо больше меня, даже зрачки расширились и дыхание участилось. По-моему, ей нравится то, что я измыслил, она каким-то местом переселилась в мой мир, наверное, считает меня агрессивным цветным мужчиной, а себя – невинной девой. И, действительно, в виртуальной реальности главный женский образ смахивает на Женю. Моя рука скользит под девичье кимоно, до чего гладенькая у нее шкурка, впрочем я могу долго говорить и об ее зеленых глазах. Вымечко напрягается под моими пальцами. Женя тянет мою ладонь вниз по своему животику. Ядрен батон, да она точно представляет себя не тут, а там – в программируемом мире. Шизия какая-то. Стоит ли этим попользоваться? Думай не думай, а она уже раскупорила мою ширинку, сдернула свои кимонячьи штаны, уселась сверху и пошла пахота. Секретарша совсем горячая внутри, как скороварка – вся, значит, заранее изготовилась. Что-то совсем непонятное лопочет мне по французски, кажется протестует словесно, но вещественно не отталкивает, а лишь наседает, обхватывает поплотнее, попку разравнивает. Похоже, она не против уже, что ее заполучил карибоафриканец.

А гражданская война, тем временем, в самом разгаре. Брайтон-Бич героически обороняется от воинов ислама, старушки строчат из пулеметов и поливают басурманов коктейлем Молотова. Ну это ты загнул, сообщает мне Миша. Хорошо, что он не видит, чем сейчас занимаемся секретарша Усманова. А может и догадывается о чем-то, потому что я чересчур сбивчиво бью по клавишам. Франкофонка забрасывает одну свою ногу мне на плечо, у нее хорошая растяжка. Там и сям горят фермы белых. Вдоль дорог на деревьях и столбах висят цветные. Каждая сторона кричит "мы за свободу и демократию", имея в виду: под шумок вырезать противопоположную сторону. ВВС выступает в роли миротворца и начинает бомбами шарахать по всем подряд…

У меня под сурдинку начинают активно выплывать воспоминания, связанные с боевым этапом моей биографии.

Я тащусь в заросшем ущелье с автоматом на плече. Час назад накрыли моего товарища, он вел себя слишком шумно, хрустел ветками, чихал и поэтому его легко выследили. Я осторожно раздвигаю ветви и стараюсь не сминать траву. Потом прикладываю ухо к земле. Кажется, враги сзади. Я смещаюсь в сторону от тропы и прячусь в кустах. Мхом прикрываю себе макушку. Потом вижу над травою две головы в тюрбанах – головы две, а очередь потребуется одна…

Тем временем Женя ведет свою войну: ложится на мохнатый

ковер, а меня не отпускает, тянет на себя, как бы требует, чтобы я напал на нее и кричит "no" раз двадцать пять, только не очень громко. Ножки ее разлетаются, интимные женские места разогревают меня на новые подвиги в интеллектуальной и сексуальной сферах. Надо быть шизоидом, чтобы такой цирк устраивать. Наверняка она считает, что ее сейчас пилят двадцать пять цветных дикарей-иммигрантов. Как бы в итоге не опомнилась и в полицию не зазвонила. Наконец, она меня отталкивает. Я уже и сам тому доволен. Она отдыхает на своем мохнатом ковре, вид как у наркоманки. Я раскидываюсь на диване, думаю, отдохну немного, а потом еще пообщаюсь с Мишей и Левой. Но вырубаюсь, вырубаюсь, даже при включенном свете, кажется не то что сил, даже жизненных соков во мне не осталось, язык просто прилип к небу.

3. Совет да любовь

Я встал позже, чем предполагалось хозяйкой. Хотя натикало всего лишь восемь утра, от Жени осталась только записка на французском: "Когда будете уходить, захлопните дверь". Compronez-vous?

Такая писулька могла быть оставлена водопроводчику. Ну, а с другой стороны, солидный офисный работник выступал этой ночью в виде сексуального психопата – и как ему без трепета смотреть в мои трезвые глаза. Изображать любовь? Но от этого можно окончательно сверзится с катушек.

Ладно, пора выметаться.

Аппаратуру я не собирался оставлять гостеприимной хозяйке, поэтому вынес все компьютерные причандалы в грузовичек. Хотел было заскочить за сынишкой, но вовремя сообразил, что не знаю, где обитает эта университетская подружка. Но ничего, Рита скоро проснется, покинет храпящего любовника Хожу и отправится за Даней – она все ж таки не кукушка какая-нибудь, а заботливая еврейская мамаша. До нашей фермочки можно добраться и на автобусе.

Долетел я до дому словно пернатый и как увидел свои сотки, флоксы и горошек, леггорнов и козочек, так сразу мне захотелось развязаться навсегда и с этой гнидой Усмановым, и со свихнувшейся блядью Женевьев, и с полубезумными программистами Мишей и Левой. Отошлю им компьютер, буду ковыряться в земле, вести здоровый образ жизни. А то вот, пожалуйста, сутки поработал на ниве компьютерных игр и теперь непонятно, есть ли у меня жена.

Приехала моя семья довольно скоро. Я только переправил грузовик патеру и вернулся через холм, а они тут как тут. Даже не на автобусе явились, а на питтстаунском такси. Это удовольствие не меньше чем в полусотню баксов встало.

– За вещами заскочила?– справляюсь я у супружницы.– В город, наверное, перебираешься, к чурке своему. Или ты при свете белого дня не очень-то ему нужна? Попилились и хватит? Ну, поживи тогда у подруги, может склеишь там в универе какого-нибудь сэра старпера. Да не может быть, а наверняка.

Однако Маргарита засопротивлялась моим словам.

– У нас ничего не было с Хожей, в смысле ничего интимного. Он меня в два часа ночи отвез к Хелен. Мы с Хожей о тебе только и разговаривали. Он тебя талантливым считает.

– Я себя талантливым считаю гораздо дольше, с десяти лет.

– Если хочешь знать, я благодаря ему снова тебя зауважала.

– А я благодаря ему зауважал козу Лукерью. Жаль, что это светлое чувство быстро пройдет. Я скверную рожу господина Усманова больше видеть не желаю.

– Коля, ты можешь снова стать человеком.– настаивала жена.

– Или живи со зверем или отчаливай. А я не хочу быть мягкой бумажкой у каждой задницы.

Я крепко по-мужицки пошел на выход, топоча башмаками. Стал свирепо выдирать бурьян возле забора. Понапрягался с полчасика и думаю, дай-ка поиграю. Компьютер-то не раньше, чем через неделю, к Усманову заброшу. А пока могу пользоваться смело.

Все технику подключил к питанию через стабилизатор, а автозагрузчик сразу через модем связал меня с компьютерной сетью "Супернет". Начинает у меня мультмедиа работать в какой-то сверхсовременной оболочке, тут мне и фильмы, по четыре штуки одновременно, тут и песни в стереозвуке, и компьютерные игры, и торговые предложения, и прочие информации полезли. Я побаловался слегка, и где-то минут через двадцать ко мне на экран выпрыгивают Миша с Левой и предлагают придумать какую-нибудь игрушку, потому что предыдущая – просто кайф и все от нее тащатся.

– Да нет, ребята, не хочу я с вами играть.

– Но у тебя же голова, Коля. Неужели ты хочешь, чтобы она вскоре превратилась в кочан капусты?

Это меня несколько задело и поцарапало.

– Ладно, найдется у меня пара часов, а потом надо будет коз доить, и вообще, это в последний раз. Ладно, даю тему: Союз Британских Социалистических Республик, опять-таки альтернативка.

– А потянешь?

– Обязательно. Итак, начинаем.

Ну и начал я заливать. Россия-де в 1916 году заключила сепаратный мир с Германией. Кайзеровские войска разгромили Францию и вышвырнули британские части с континента. В результате позорного поражения во французской республике пришли к власти крутые националисты – "истинные галлы", которые избавили страну от тлетворного влияния запада и востока, выгнали евреев и ввели монополию внешней торговли. Следующим ударом они покончили с немцами и стали готовится к войне с Российской империей.

У Британии же – военное поражение и национальное унижение. Индусы и африканцы говорят, зачем нам терпеть этих бездарных паразитов и гонят английских колонизаторов взашей. Колониальные доходы накрываются медным тазом. На впервые в

английской истории честных выборах побеждают левые лейбористы. Таковые победители отняли у состоятельных людей все банковские счета свыше десяти фунтов стерлингов и все имущество свыше двухсот фунтов стерлингов. Короля естественно повесили за преступления династии Виндзоров – за голодную смерть миллионов ирландских крестьян и такое прочее. Еще конфисковали имущество английской буржуазии – за разграбление Индии, приведшей к гибели десятков миллионов тружеников Индостана. Предприниматели, офицеры и прочие джентльмены возмутились и заварилась гражданская война. Левые лейбористы проиграли бы всухую, да только тут Индия и Африка присоединяются к Англии обратно, как равноправные республики. Оттуда приезжают многомиллионные толпы нищих, мстить хотят: сейчас вы, белые сахибы, ответите за устроенный вами голод в Индии и порабощение свободолюбивых африканцев. А, это ты убил из пушки моего дедушку, получи ассегай в брюхо! Левые лейбористы выдают индюшкам и африканычам разные колюще-режущие приборы и, в результате этого, имущие классы порублены в капусту. Столица переезжает из Лондона, где съели даже всех кошек, в Калькутту; совет комиссаров всех каст и племен возглавил Махатма Ганди. На месте Британской империи появляется Союз Британских Социалистических Республик – не без помощи нью-йоркских банкиров, которые таким образом устранили британских конкурентов. После этого началась революционная война с Россией за освобождение "угнетенных царизмом народов".

Обе армии столкнулись в районе Шамбалы, энергетического центра планеты. Русские коммандос, то есть казаки-пластуны, были посланы туда, чтобы направить поток темпоральной энергии в прошлое и изменить его, то есть предовратить войну Британии и Франции с немцами. Они еще не знали, что это приведет к отмене сепаратного мира Германии с Россией и к другой большой войне…

Виртуальный мир оживал, становился все краше и сочнее. На этот раз у меня не только воспоминания, но и воображение разыгралось. Я словно подключился к новой реальности: был казачьим сотником, который мчался, свистя шашкой, на батарею брито-гандистов вместе со своим эскадроном. Нас рвала шрапнель, но мы выполнили свой долг и доскакали: один из трех. Потом мы отбили орудия, однако на нас бросилась свежая кавалерия противника. Я видел красные тюрбаны, глаза-щелочки, визжащие рты, а потом устремленный мне в грудь клинок…

– Ну, как?– поинтересовался я в итоге у Мишы и Левы.

– Неплохо, но ночью получалось все-таки получше,–

отозвался кто-то из них.

– Ночью это само собой.

Я вырубил компьютер и наконец смог расслабиться и оглядеться. Одиннадцать вечера. Целых шесть часов не отлипал от экрана. Хорошо, если кто-то догадался подоить коз. Курочки тоже могли что-нибудь снести.

Тут ко мне подвалила густо напомаженная жена с чашечкой кофе и рюмочкой коньяка. Что-то я давно не припоминаю такого внимательного обхождения, хотя в принципе на сон грядущий надо кушать чай с молоком.

– Я так рада, что ты занимаешься приличным и умным делом. Ты такой красивый, когда увлечен,– проворковала Рита.

– А я думал, что у меня искаженная мыслями рожа… Что с козами?

– Я их продала. Отвела в поселок и загнала одному фермеру.

У меня сразу испарина между лопаток. Не стало моих любимых зверюшек!

– За бесценок?

– Конечно. Они нам больше не нужны. Зачем вести натуральное хозяйство, если можно заколачивать бабки квалифицированным трудом.

– Причем тут натуральное? Я ведь привязался к ним, к Маше и Лукерье. Все то вы меня под иго Усманова отдать хотите… А что ты еще провернула с такой же безмятежностью?

– Скатала на попутной машине в город и обратно. Хелен договорилась с руководством университета, чтобы мне дали небольшой курс по серебряному веку русской поэзии – для студентов-славистов, конечно. У меня же диссер по этой теме. Жить пока буду у нее. Знаешь, у Хелен целый дом.

Лесбиянки они, что ли? Видел я когда-то эту Хелен. Подзасушенная одинокая дама лет сорока, славистка – так тут антисоветчики называются, папаша ее, кажется, из советских военнопленных, что остались на западе.

– Ну, а ребенку что про маманьку рассказывать? Ушла на филологический фронт?

– Я звонила родителям в Иерусалим, они сняли двухкомнатную квартиру и готовы забрать Даньку к себе.

– Пятилетние дети в одиночку через океан не летают.

– Один хороший знакомый Хелен, тоже профессор, летит на конференцию в Израиль. Даню с ним отправлю, а там мои родители их встретят.

– Ну всех ты, Ритуля, расфасовала, взвесила и раскидала. Никому ни о чем больше думать не надо.

– Не злись. И пошли в кровать. Я так давно тебя не мяла.

– А я вот вовсю мял клопов.

Действительно, постельную активность она проявила непривычную. Но я не забывал, что экзальтация у нее, скорее всего, от вчерашней встречи с интересным мужчиной и от того, что я могу стать приличным господином. Так что, я постарался отправиться поскорее на боковую, тем более и столетняя кровать откликалась невыносимым скрипом на всякие потуги.

Сон был кошмарный и прилипчивый. Будто я где-то под Няксимволем в болотистой местности разыскиваю свою мать. Вот я вижу ее, перебирающуюся с кочки на кочку. Окликаю и тороплюсь навстречу, но тут же проваливаюсь в трясину. Мать совсем рядом со мной, с шестом в руках, даже наклоняется ко мне и смотрит широко расставленными застывшими глазами, но никакой помощи. У меня полный конвульсиум, но мама не трогается с места. Гнилая вода вливаеся в мой рот… ощущение удушья… и я снова бреду по болоту. Иногда мне кажется, что вижу мать снова, но вблизи это оказывается или Женевьев, или Рита, или даже полузатопленный вездеход.

Утром супружница уехала вместе с Даней. В доме сразу пусто, на дворе даже коз знакомых не осталось. Тут мне показалось, что кто-то насильственно повернул мою жизнь не в ту сторону. И делать ничего не хочется, особенно по части компьютера. И хотя Миша с Левой меня приглашали поиграть, я не отзывался, а потом вообще аппаратуру вырубил из электросети.

К полудню все-таки заставил себя потрудиться, но уже в огороде. Копаю остатки картошки и думаю, что еще можно Машу с Лукерьей отбить. Деньжата-то у меня завелись кое-какие. Ковыряю я лопаткой и слышу рокот мотора неподалеку от изгороди. Ну и что, бывает какой-нибудь лихач срежет себе путь до поселка и проедет по лугу, особенно если на "Лендровере" или "Паджеро". Продолжаю я спокойно рыться в землю, выискиваю мелкие клубни и вдруг вижу перед своим носом небольшую туфельку, а в ней ножку, а еще выше плессированную юбочку. Вот те на, Женевьев пожаловала. И приоделась даже, ведь западные жительницы за город мотаются как правило в шортах или джинсиках. Я-то сам в советских трениках с пузырями на коленках.

– Ты думаешь, у меня тут песчанный пляж или что-то подходящее для загара?– поинтересовался я.

– Я по делу, Nicolas. Шеф перебросил тебе более мощную машину, "Секстиум-Нексус" и кое-что для работы с виртуальными реальностями.

– Что он для перевозки не мог мужика сыскать?

– У нас маленькая фирма, поэтому каждый способен на многое.

– Это точно, успел заметить.

Делать нечего, перетащил я всю новую аппаратуру в дом, разложил ее на столе, за которым некогда, наверное, человек двадцать жратвой занималось. Теперь у меня был шлем с контактным монитором и наушниками, также большие перчатки и наручи с позиционными датчиками – для существования внутри виртуальной реальности. А Женя оказалась весьма сноровистой в "разогреве" всего этого дела. По части компьютерной она приличный навык имела, так что через десять минут я уже получил трехмерное изображение и эффект присутствия в ином мире. А потом интерес меня разобрал, ничего тут не попишешь. Нахлобучил я шлем и на связь сразу вышли Миша с Левой в виде двух престарелых монстров.

– Так, ребятишки, даю тему. Татаро-монголы распотрошили и Среднюю, и Переднюю Азию, но князю Александру Ярославичу Невскому вместе с принявшим православие ярлом Биргером удалось откинуть гадюку Батыя и сжечь монгольские осадные орудия греческим огнем. Русь, задвинув кочевников подальше, начинает господствовать на Востоке, славном наукой, ремеслами и земледелием, в том числе в Месопотамии и Персии. С каждым столетием увеличивается ее отрыв от отсталого, замкнутого, угрюмого Запада. Мы получили контроль над важнейшими торговыми путями и раньше всех европейцев проникли в Китай и Индию. Ресурсы Востока способствовали нашей индустриальной революции. Когда в Индию и Китай наконец приплыли корабли английской Ост-индской компании, там их ждали наши казаки – торгуй, но не балуй. Когда британец приплыл в Африку за рабами для американских плантаций, там уже ждал его казачий урядник: не трожь, не твое, а полезешь – запорю. У нас на сто лет раньше, чем в Европе, появились паровые машины и механические сеялки, на пятьдесят раньше – электродвигатели и унитазы, на двадцать пять – автомобили и компьютеры. Мы дальше всех ушли в области молекулярной и кристаллической механики. Этому способствовало наше умение мобилизовывать свои силы в нужный момент. Благодаря нам весь остальной мир отринул власть транснациональных финансовых воротил и приступил к дружному освоению космического пространства.

– Стоп, стоп, стоп,– прервал меня Миша.– Русь – это хорошо, только когда незаметная и ни на что не претендует. Здесь наплевать, кто там у власти, рюриковичи или татаро-монголы, лопают там человечинку или черную икру, главное, чтобы Россия не высовывалась. Понимаешь, здесь любят Россию тихую и

незаметную, а ты им какого-то колосса предлагаешь. Может ты и оскорблен, но спрос, увы, рождает предложение. Давай-ка лучше сбацаем на местную тематику. И с какой-нибудь легкой мистикой, ужасинкой.

– Ладно, уговорили. Итак, мальчики, девочки, приступаем по-новой. В центрах американских и прочих западных городов гнездится всякий иждивенческий сброд. Это отнюдь не бомжи, а офисное стадо, которые за всю свою жизнь ничего полезного не сделало. Им капает в рот от финансовых потоков, которые текут через транснациональные фирмы, они ходят в супермаркет, в бар или клуб свингеров, но им всё надоело. Они ждут какого-то Слияния, после которого настанет настоящий кайф. Их всех затягивает к себе секта Будильников – так называют себя эти сектанты, потому что якобы пробуждают все человечество к новой жизни, зовут к освобождению от всех пут и преград.

Ну, а пока Слияние не наступило, Будильники ведут двойную жизнь. Днем они ходят в офис, а ночью торгуют синтетическими наркотиками, психоделическими компьютерными играми, а также активно занимаются проституцией. А когда они занимаются этим самым, то передают партнеру дисперсный нейроинтерфейс, проникающий в мозг жертвы через дыхательные пути и кровоток, там собирающийся в паутинчатую структуру, что способна программировать мышление. От тех синтетических модельных наркотиков, психоделических игр и особенно нейроинтерфейсов их жертвы становятся хладнокровными рептилиями, без привязанностей, без чувств, поэтому вступают в секту. И первое задание новоявленному сектанту – заманить, убить и съесть человека.

Отвлекшись от работы, я предложил Жене, если проголодалась, съесть сала из кладовки и при этом не мешать мне своими проклятиями – ведь у меня ни скороварок, ни микроволновок.

– Короче, полиция пробовала с Будильниками разобраться, но сектанты

заражали патрули смертельными болезнями с помощью лазерных лучей, «проталкивающих» через воздух опасные вирусы. Армия тоже не смогла на сектантов управу найти. Несколько кварталов в результате уличных боев в развалины превратились, столько мирного люда изведено было, а сектанты то в руинах и подвалах прятались, то рассредотачивались по нормальным городским районам, то устраивали свои налеты, диверсии, взрывы, захваты заложников, снайперскую пальбу. А чего стоят взрывающиеся обои или съедобная взрывчатка, которую применяли эти башибузуки. Ты сожрешь, например, котлету,

отправишься в туалет, и там тебя разнесет по всем стенкам. А уж верх прогресса – это квазиживые пластмассы, которые по ночам обволакивали высокопоставленных чиновников или офицеров, и полностью переваривали их.

Никак войска не смогли Будильникам подгадить, даже применяя авиацию. Либеральная пресса сектантам еще больше стала сочувствовать, дескать обиженные они, несчастные, убиваемые. Да и нормальные горожане просили ничего больше не предпринимать, поскольку на них в основном ракеты и гранаты шлепаются. А сколько правительственных кризисов из-за этого разразилось, сколько министров стали политическими дурно пахнущими трупами. Оппозиция клеймила правительство за неспособность порядок навести, то за репрессии, приходила к власти, ломала зубы об этих сектантов, снова уходила на задние ряды. И так по семь раз на неделе. Либералы полюбили Будильников и предлагали сделать из них партию правящего типа, консерваторы возненавидели и предлагали сбросить на них атомную бомбу – короче, постоянно все кипело, воняло, бурлило. А Будильники плевали себе на либералов и консерваторов, ну и делали свое дело. Сектанты любили менять наружность и пол, переодеваться, чередовать сексуальную ориентацию, некоторые из них стали гермафродитами, многие питались одной кровью и приманивали к себе жертв афродизиаками и искусственной красотой. Бизнес, в общем, любил их – за обширный платежный спрос, особенно пластические хирурги…

Я уже мог увидеть на мониторе как распространяется по городу сектантская зараза. Захваченные ею кварталы помечены серой краской и эти пятна растут, сливаются, соединяются и разъединяются, словно инфузории какие-то. Гадкое чувство все это производит. Что, впрочем, нам и требуется.

А вот полицейская группа "Кобра", которой переданы в помощь парни из русской "Альфы", начинает Будильников чуть-чуть поджимать. Она занимается такой же партизанщиной и диверсионной работой, что и сектанты, скрывается и рассредотачивается, ставит растяжки, пулеметы-самострелы и мины-ловушки, срабатывающие на голос и запах, раскидывает и протягивает электронные средства слежения.

Группа "Кобра" добывает сведения и передает профессорам, а те постигают, какова структура Будильников. Имеется у них вождь, его кодовое обозначение – "лес", есть лидеры-"деревья", еще ниже располагаются "ветки" и "листья". То, что ведомо "лесу", того "деревья" не знают. Но при этом "дерево" может в любой момент стать, например, "лесом", а "ветка" – "деревом". Взаимозаменяемость полная, гибкость потрясающая, свобода и

демократия – полная; причем, при перемещении на более высокий уровень сектант быстро насыщается нужной информацией, а при сваливании на нижний – мгновенно забывает все ненужные сведения. Так что, если отловить "ветку" или "лист", толку от него немного будет, даже если еще вчера он являлся "лесом". В головах сектантов нейроинтерфейсы установлены, которые и обеспечивают такие чудеса. А вытащить этот приборчик нельзя – от мозгов ничего не останется.

Чего там задумали сектанты, даже профессора угадать не могут. Если судить по листовкам и кассетам, подсовываемым в почтовые ящики, то Будильники желают народу всего хорошего, терпимости к геям и транссексуалам, душевного общения друг с другом, с камнями, трупами, растениями, животными. Удачного всем скотоложества и некрофилии.

Но, судя по донесениям разведки, на своих сборищах сектанты грозились сломать старый мир с его закостеневшими ритуалами и сомнительными ценностями. Дескать будет вам Страшный и Скорый Суд, на котором они поработают присяжными заседателями, после чего наступит Слияние всего, мужчины и женщины, человека и машины, даже живого и мертвого воедино, к примеру соединится гражданин с трупом и получится франкенштейн.

Будильники не только вещали, но и грозились. Дескать в глубине мира пребывают "владыки судьбы", которые скоро заберут созидательную энергию времени, уже ненужную косному человеческому сознанию. И только Будильники могут общаться и договаривать с этими самыми "владыками". Во время такового "общения" сектанты благополучно пребывали в состоянии группового транса, который накручивали пептидными таблетками-стимуляторами и передаваемыми прямо в мозг через нейроинтерфейс компьютерными мультиками…

Щека Жени потерлась о мою. Она уселась на подлокотник моего старого кресла-развалюхи времен освоения континента, ее голая коленка оказалась недалеко от моих глаз. Ну и духи у нее, душу так и загребают.

Сектанты утверждают, что от Слияния мы ничего особо не потеряем. На самом деле нет у нас ни личностей, ни индивидуальностей, только общий для нас всех эгоизм. В нас живут высшие демонические сущности. Можно сказать, чо наши тела со всеми членами и причандалами, а также чувства, мысли, судьбы – это вроде одежды для Владык. Из их карманов появляются наши влечения, наша любовь, воля, ненависть. Потому так легко действует на нас реклама, поэтому таким стадом мы бросается покупать модные штучки, поэтому

объединяет нас жажда наживы, желание прославиться и похоть.

И если, например, в сборища сектантов и новообращенных призывалось воплощение Владычицы Любви, то даже крутые импотенты испытывали прилив сексуальных сил и начиналась оргия…

Я кое-что себе представил, но Женевьев вообразила нечто большее. Она улеглась спиной на стол, между монитором и системным блоком, задрала коленки, отчего юбка свалилась ей на живот и я увидел притягательные места в интимном облачении. Ну, если французская женщина просит… древнеиндийские-то жрецы строго-настрого воспрещали отказывать женскому полу. Но как всё-таки мои компьютерные игры действуют на эту психопатку!

Сектанты тем временем проводят финансовую аферу, хитро используя банковскую компьютерную сеть. В обороте появляется много лишних денег. На биржах паника, в финансовых компаниях массовое сумасшествие. В нью-йоркском мировом торговом центре беснуются десятки тысяч клерков, банкиров, финансистов. И тут сектанты внезапным террористическим ударом захватывают два этих небоскреба и берут мировую торгово-финасовую элиту к себе в заложники.

Не удалось отбить заложников силой – в зданиях, похожих на ульи, каждая пуля и граната выбивала слишком много народу. Тогда правительство начинает переговоры с сектантами и попутно сдает антитеррористическую группу "Кобра", которая успела ворваться в один из небоскребов. У сектантов губа не дура, они выторговывают себе эфирное время, газеты, бронирование рабочих мест для своих людей на разных высокотехнологических предприятиях. В головы зрителей и читателей вдувается большими порциями новая правда, исковерканное сознание быстро подключается к медитативным и оргиастическим массовкам…

Виртуальная реальность втягивает меня с потрохами, охватывает мой ум-разум со всех сторон, ее действие гораздо сильнее, чем можно ожидать от трехмерного изображения.

Сектанты не отпускают, но и не кончают заложников, "оседлав" захваченных банкиров и финансистов, начинают управлять экономикой и вообще богатствами всего мира…

Своими неловкими пальцами я снимаю и отсоединяю интимные детали одежды у Жени, потом вторгаюсь в ее зовущий организм. Программист Миша взывает ко мне, требуя уточнений. Лодыжки разнузданной дамочки у меня на плечах, шекочут мои уши. Но вскоре неловко задета кнопка "escape" и генерация игры прекращается. Женевьев кончает балдеть и, посчитав, что все

задания исправно выполнены, отчаливает.

А я еще месяц возился совместно с Мишей и Левой над генерацией игры "Секта Будильников: конец прежней жизни". Другие игрушки тоже требовали трудодней и стулочасов, но "Секта" питалась нашей энергией словно живая.

У товарищей программистов действительно имелось масло в голове. Их система усваивала предложенную мной фабулу и тему, развивала сюжет, вставляла в сценарий точки выбора и альтернативные линии. Система разворачивала диалоги, сцены, создавала завязки, кульминации, развязки. Она знала даже, как генерировать шутки – мне оставалось только просмотреть список и отсеять неудачные; умела построить разговор с женщиной, с торговцем, с полицейским; соображала, как разыграть детективную интригу. Запустив процесс, я фактически действовал как редактор.

Я подал идею, что неплохо бы сектантам еще и установить ядерный мини-реактор на ледник в Гренландии, чтобы после приличного разогрева тот нырнул в море, поднял уровень мирового океана и тем самым устроил бузу в глобальном масштабе. А система сразу раскрутила ситуации с кражей мини-реактора, с обстоятельствами сползания ледника, с цунами и наводнениями. В общем, класс. Система даже придумала, чем сектанты будут оболванивать народ, каким образом станут капать на мозги, то есть сама создавала пропагандную продукцию.

Я с трудом выносил эти сюжеты, они не только противоречили общественной нравственности, но и здравому смыслу. Естественно, я отсеивал девяносто процентов из них, но и те, что оставались, более всего походили на сны. На сны-кошмарики.

Человек раскапывает могилу и видит вместо гроба дверь, открывает ее, а там комната, где сидит его мама и смотрит телевизор.

Клерк входит в кабинет, бьет графином своего шефа, потом осколком стекла срезает кожу с его лица и напяливает ее на себя. Начальник отправляется по частям в унитаз, а подчиненный занимает его место.

Мамаша качает на руках ребенка, который на ее глазах зеленеет и превращается в большую ящерицу. Женщина в отвращении отбрасывает гадину от себя.

На уроке биологии в школе ученики внезапно усыпляют свою учительницу хлороформом, раздевают ее и начинают изучать анатомию и гастрономию, вначале визуально и пальцами, потом с помощью скальпелей, ножей и вилок.

Отмечается чей-то день рождения. Праздничный стол, торты,

вино. Гости окружают именниника. Они чуть расступаются и виден аквариум, в котором плавает живой примерно трехмесячный человеческий зародыш.

И все далее в таком же духе, в сопровождении придурочной музыки. Лишь изредка давался безобидный видеоряд вроде охоты анаконды на кролика, или акулы на купальщика, причем глазами зверя-победителя.

Я скинул ВР-шлем и обратился с претензиями к Мише:

– Что это за фигня? Она вся предназначена для поворота мозгов у тех, кто станет играть в нашу игру. Мы что дали клятву свихнуть максимальное количество народа?

– Я не очень понимаю тебя. Неужели какая-то компьютерная игра может повернуть начинку, например, в твоей черепушке?

– Еще как.

– Значит, у тебя слабая психика.

– Это у меня-то слабая. Да я в Афгане жрал змей и червяков, которых убивал голыми руками. Улавливаешь?

– Значит, у тебя посттравматический синдром. Мы, кстати, дадим по сети предупреждение, что наша игра предназначена для крепких пустоголовых парней…

Ладно, это, конечно, не мои проблемы. Если местные начальники захотят, они сами запретят такую игрушку.

А вот, кстати, за этими играми у меня руки не доходили до изготовления пищи. Только друг боров из кладовки и спасал меня от худой голодной смерти своей буженины. Разок явилась Женевьев с гамбургерами. Я как раз прокручивал очередную вставку, призванную запутать сюжет.

Прорвавшиеся в небоскреб бойцы группы "Кобра" укрываются в лифтовых шахтах и вентиляционных тоннелях. Начальство давно отказалось от них, списав в категорию "без вести пропавших", и на связь не выходит. И только одна девушка-заложница, дочь крупного финансового воротилы, доставляет им еду и патроны. Но сектанты хватают девицу и приносят в жертву Змею, Владыке Воды ("вода" символизирует чувственность и эротику)…

Женя опять не выдерживает своих страстей, укладывается на стол, а потом еще отрывается от него спиной и хватает меня за шею. Это весьма напряженно для моего позвоночника, а ей, гимнастке хреновой, все нипочем. Мне уже, считай, не до секса, боюсь за свой радикулит, пытаюсь как-то закрепиться, уцепив дамочку сомкнутыми в замок руками. В районе ее крестца я нащупываю что-то небольшое, твердое и круглое.

Я под видом любовных деяний переворачиваю Женю на живот, укладываю на стол, "булочками" к себе, а пока довожу

мероприятие до разрядки, рассматриваю странный предметец, закрепленный в районе ее крестцовых позвонков. Прямо из тела дамочки торчит небольшой цилиндрик.

Вот так дела, неужели это нейроинтерфейс в виде микрочипа? Прямо-таки мистика, вернее, научная фантастика. Я что-то в этом роде придумал для своих сектантов из компьютерной игры, только более продвинутое.

– Эй, что это, красотка? Да ты не терминатор ли часом?

Она не откликается, похоже, что в обмороке от избытка чувств. Переношу ее на бывшую супружескую кровать.

– Кто и что с тобой сделал, Женя? Я про чип, если не догадываешься.

Наконец она очухалась, как будто подыскав наконец подходящий ответ.

– Я не хотела, Ники, чтобы ты видел. Это несексуальное зрелище. Последствия автокатастрофы. Было повреждение позвоночника и иногда нижним конечностям не хватает иннервации. Микрочип наблюдает за этим делом и когда надо amplify… усиливает нервный импульс.

– Эх ты, бедолага. Но может тебе не стоит с таким энтузиазмом заниматься любовными делишками?

– Я не хочу, Николя, ни в чем обеднять свою жизнь.

– У нас в России такое утверждение обычно относится к посещениям театров и филармоний… А вот я не желаю обеднять свою жизнь по части питательных харчей. Сейчас немного еще повозимся с игрушкой, а потом я все же расслаблюсь и сбацаю ужин из экологически правильных продуктов.

По этому поводу она уже не впала в экстаз. Ее волновало другое.

– Мне кажется, Николя, что "Секта" у тебя действительно получилась.

– А что я до "Секты" сотворил, значит, уже ни в какие ворота не лезет?

Вид у Женевьев неожиданно стал серьезный, такое впечатление создалось, что она думает.

– Ники, ты поди считаешь, что тебе ничего не стоит скропать новую реальность, совершенно unusual, необычную и интересную?

– А разве не так?

– Так, но только с внешней стороны, externally. Уверена, что мы бы имели в этих мирах житие-бытие не интересное, а скучное и паршивое, как и в нашем.

– О, я вижу признаки умничанья. Наконец шикарная западная женщина демонстрирует не только хватательные рефлексы. Честно говоря, я на это даже не рассчитывал.

И "шикарная женщина" стала уверенно наговаривать, как по писанному, что и в нашем, и в напридуманных мирах суть-то одна: человече воюет со смертушкой, как и вереница его предков, вплоть до бедняжки инфузории с туфелькой. Цель одна – уцелеть и размножится. У особо умных товарищей это может иметь несколько извращенный вид – обессмертиться и растиражироваться в виде книги, картины, другого нетленного культурного продукта, или же попасть в history, в память народную, как говорят в России. Но большинство людей предпочитает самый бесхитростный вариант. "Плодитесь и овладевайте землею" – так ведь сказано в Святом Писании, и совершенно правильно. У инфузории это даже получается лучше, потому что она делится каждые полчаса и тем самым бессмертна.

– Значит, попирает она смерть своими жгутиками. Просто завидно. Однако, не умереть – это значит сохранить свое "я". И где же пребывает драгоценное "я" в бесконечно делящейся инфузории?

– Во всей их гуще. "Я" не ограничивается рамками одной особи.

– О, слышу отголоски моей недавней выдумки про Слияние. Хотя не ожидал от шикарной женщины такого потока умных фраз, я просто затоплен.

И опять "шикарная женщина" стала хорошо продуманными фразами объяснять жизнь. Дескать, это не она передирает мой сюжет, а, напротив, я уловил витающую идею. Особь, организм – временный сосуд, temporarily channel для какого-то высшего "Я". Оно может пребывать сразу во многих телах, in many species, а может и нигде. Действительно, КТО-ТО (их немало) живет нами. Они вечно под кайфом, а мы беспрерывно страждем. Им надо почувствовать наше несчастье, наше бздение, нашу смертность, чтобы узнать свое счастье, безмятежность, бессмертие. Одним Высшим больше нравятся наши эмоции, другие специализируются на мыслях, третьи занимаются нашими судьбами.

– Женечка, ты рассказываешь о бесах, вампирах, духовных паразитах, скорлупах, темных оболочках?

И доступная мне дамочка опять разъяснила, что называть этих вышестоящих товарищей можно на любой манер, только нам без них никак. Единственная наша задача, искупаться в их pleasure и кайфе, также как они купаются в нашем дерьме.

Выдав такую порцию обнадеживающих сведений, Женечка удалилась и больше уже не появлялась, ни с гамбургерами, ни сама по себе. А я еще с неделю оживлял игровой мир "Секты".

И лишь когда в виртуальной реальности все запрыгало-

забегало и дело оставалось только за шлифовкой, я понял, насколько выпал из процесса питания-выделения, после чего отправился под пламенеющими кленами в сторону бензозаправки.

Хозяин Жополька не только встретил меня остатком яблочного пирога своей мамы, но и предложил заняться помывкой машин. Отчего нет? Час прошел и мне попался в руки микроавтобус. Из него вылезло семь малопонятных людей с оловянными глазами, в том числе две черные физиономии, две желтые, одна бурая.

– Глянец наведем, начальник?– справился я у того, кто показался мне главным.

– Зачем?– меланхолически отозвался тот.

– Чтобы красиво выглядеть.

– В мире хватает красоты и без нас.

– Вы, ребята, чаем не из "Гринпис"?

– Из пис-пис,– сострил главарь и добавил по существу.– Мы – отовсюду.

– Но самим-то не противно?– настаивал я.

– Если не противно тому, кто живет нашими жизнями, то и нам тем более.

Ого, я кажется усек, куда клонит товарищ. В ту же сторону, что и психопатка Женевьев. Кто-то живет в наших телах. Может злой дух, темное ядрышко, которое кайф ловит от наших несчастий… А интересно, есть ли у этих ребят микрочипы над задницей. Но если напрямки спросить, то примут они меня за педерашку и кинутся все скопом на мою корму. Но вот, кстати, у них одна белая баба есть, в кожаной куртени и длинной юбке. Квадратная, увесистая, впрочем такие тоже годятся на чей-то вкус.

– Эта тема, ребятишки, достойна выпиванья, пенья и танцеванья. Тут подают смачный яблочный сидр. Пусть тот, кто живет вашей жизнью, тоже полакомится.– подначил я.

И, между прочим, ребятишки согласились. Я подрулил к хозяину бензозаправки.

– Эй, Жозе-Поль, смотри, сколько я тебе клиентов спроворил. Это ничего, что они вшивые и блохастые. Ты им в сидр спирта доливай, чтобы они разгулялись и все твои припасы опорожнили. Глянь, какие у них глаза, это же дуболомы чистейшей воды.

И Жополька, кажется, понял. По-крайней мере, обмен мнений с этими "оловоглазыми" у меня заладился. Заводилу у них звали Пека, был он чухонцем по происхождению. А баба именовалась Оксаной, ввиду украинской прародины, хотя родилась она уже в Виннипеге и отучилась там на маркетолога.

Главарь немного размяк и занялся пропагандистской работой. Дескать, люди тоскуют, потому что им в одиночку счастья не хватает. Надо разбить одиночество, связать ласковыми узами всех граждан, более того, собак, кошек, деревья, минералы, даже трупы и машины – так, чтобы всякая тварь жила в любви и согласии. Человек сможет понимать камень и дерево, а те, в свою очередь, охотно поймут человека. Просьбы людей будут исполняться муравьями и соснами, ну, а людям придется откликаться на запросы братьев меньших, вплоть до таракана. Для этого надо, чтобы сознания в нас всех было поровну, чтобы душой мы немногим отличались от мха и дождевых червей. Чтобы мы ничем не выделялись в едином потоке сознания, где сольются все души…

– Слушай сюда, Пека. Понимаешь, я не хочу становится как камень, крыса и, тем более, как машина и труп. Я же тогда забуду, кто я такой. Скончаюсь, как отдельно взятая личность.

– Ты не скончаешься как личность. Напротив, станешь ты личностью более высокого порядка – она и сейчас живет тобой, смотрит твоими глазами, испытывает твои чувства. Ты соединишься с ней, прежнее тело при тебе останется, но приобретешь и новые тела, человеческие и нечеловеческие.

Провалиться мне, если я чего-нибудь понимаю. То есть, от того, что я понял, мне уже хочется провалиться. Вначале я выдумываю для игры каких-то сектантов Будильников с ахинеей в голове и управляющими нейроинтерфейсами. Потом Женевьев начинает мне выкладывать бредовые идейки того же сорта и демонструет электронную приставку к своему замечательному телу. А сейчас эти бомжи "беспачпортные" уверенно продолжают заливать насчет Слияния. Просто массовый вывих мозгов. А кроме того, однотипная пропаганда выдает с головой одну общую организацию. Организацию, которая использовала мои идеи и сделала сказку былью. Естественно, что превращение теории в жизнь происходило творчески, с учетом конкретных деталей и обстоятельств… Впрочем, надо еще кое-чего проверить.

После пятой кружки сидра Оксана захотела в сортир, я это понял по ее глазам. У меня сразу созрел план, дерзкий, безумный – я ведь тоже употреблял насыщенную спиртом жидкость. Сперва я перешел на суржик, понятный только нам двоим.

– Дай я тебя провожу, кысонька, чтобы ты не шукала. Нехай они тут сидят, зенки заливают, коли мозгов нема, а мы с тобой прогуляемся туда, где тебе понравится.

И в самом деле, надо было выйти из кафешки, обогнуть бензоколонку и зайти в небольшое строение из рифленого железа, в коем имелось две кабинки и помещение с

умывальником.

Тут-то я и прижал Оксану, предварительно повесив снаружи табличку "Sorry. Out of order".

– Коханная ты моя. Не чаял побачить такэ ридно личико, а как увидел, так и полюбил. Опостылели мне уже все эти хари, английские и французские, не мае сил их терпеть, ридного мне треба. Make me happy.

Я-то думал, что застигну ее врасплох, успею куртку ей задрать и юбку приспустить, проверю крестец на предмет микрочипа и на этом все. Закричит она там: "Рятуйте, люди добры, help me please" или врежет мне по зубам сильной рукой, а я потом как-нибудь оправдаюсь перед возмущенной общественностью, дескать, перебрал бузы.

Но Оксана не стала сопротивляться, а сказала только, что я ей сразу понравился, потому что "sexy", затем впилась в мои губы как в бифштекс, так что, наверное, все соки высосала. А потом она, подражая какой-то нимфе из порнофильма, взгромоздилась на раковину, задрала юбку, оголила ноги-тумбочки, притянула меня к себе и распорядилась моим мужским достоинством как хотела. У меня даже ощущение появилось, что меня всасывает некая огромная амеба своей вакуолью. Дурно стало и блевотно.

В конце любовного происшествия раковина, не выдержав нагрузки, рухнула. Крупнотоннажная нимфа поднялась первая с улыбочкой на щеке, отряхнулась, оправилась и собралась выходить, будто от меня осталась только сморщенная оболочка как от съеденной сосиски. Тут я вспомнил, из-за чего сыр-бор, кинулся к Оксане сзади, задрал куртку, дернул вниз юбку вкупе со стрингами пятьдесят четвертого размера. Успел увидеть черный цилиндрик на крестце, тут дева меня и оглушила мощной оплеухой. Я где-то минуту спустя вышел из нокаута, застегнул штаны, кое-как приладил раковину и сполоснул физиономию. Затем направился в кафешку. Моих новых "друзей" уже и след простыл.

Этой ночью, во сне, я опять был мальцом-огольцом и искал мать по поселку Няксимволь. Вместо нее в сарае обнаружилась квадратная Оксана, которая, задрав юбку, тянула по моему адресу загребущие руки. В другом месте опять не то, вместо матери я обнаружил Женю, раскинувшуюся на столе и задирающую коленки. В каком-то покосившемся домишке не маму я встретил, а Риту, напористо пытающейся организовать секс. Даже в хлеву напоролся на самку в виде Хелен. И эта сухая дама в очках принялась что-то оголять. Я еще во сне почувствовал, что оказался один-одинешенек и нужен кому-то лишь как продукт потребления. А когда продрал глаза, то понял, что общение с

кретиноидами-сектантами на меня так дурно подействовало. Это они пропагандируют поток жизни и секса, который метет все, как листья, не обращая внимания на личности, особенности и индивидуальности. А виноват опять-таки я, моя несчастливая задумка, родившая "Секту".

4. Пирожок с дерьмом

По-маленьку в сети стали появляться игры – те, которые я клепал для Усманова. "Вторая гражданская война в Америке", "Ацтеки в Старом Свете", "Союз Британских Социалистических Республик", "Вы в Новом Париже: говорите по-французски", "Татарские кони на Темзе", "Ирокезы летят на Луну".

Я все ждал, когда моя фамилия появится в качестве автора идеи или сценария. Ладно, одну-две игры я готов подарить, если так нужно для тактики, но зачем Усманову понадобилось кругом себя выставлять как автора. Вот скотина! И еще. Игра "Секта Будильников: конец прежней жизни" так и не была предложена через "Супернет". Не спустя три недели, ни через два месяца.

Но, как известно, все делается к лучшему. Даже если ты отправляешься на тот свет, это обязательно к лучшему – по крайней мере для какого-нибудь твоего "приятеля". Игрушка, на которую я угрохал столько моральных сил, не вышла под Усмановской фамилией. Сие мне любо. Впрочем, с другой стороны – задержка совершенно непонятная. Или Усманов проводит какую-то хитрую политику на программном рынке, или имеются некие бюрократические препоны. Может, эта игра не пришлась по вкусу господам из полиции?

Страсти по фамилии вскоре отсупили на второй план, а на первый вышли мысли о деньгах. В самом деле, Усманов только раз мне выдал "in cash" триста баксов и все тут. Похоже, он посчитал, что деньги портят такого человека, как я. Пытался с Хожей связаться по сети, но Женя, Миша и Лева уверяли меня, что он разъезжает по делам бизнеса или вышел по большой-пребольшой нужде. По телефону же только автоответчик со мной общался не слишком вежливо. Посылать к Хоже Риту не хотелось, догадывался я, как он ее ублажит. Было уже ясно, что предстоят серьезные разборки. Ведь доходы мои сильно завидовали расходам. Огород я в значительной степени забросил, за телефон кучу денег задолжал – ведь не только в компьютерную сеть выходил, но и своему ребенку в Иерусалим не раз звонил. А еще не удержался и вот неделя тому, как приобрел у Жопольки подержанный форд. Пятьсот баксов я ему дал, "тонну" еще должен, кучу времени извел, чтобы машину до приемлемой кондиции довести с помощью того же Жозе-Поля. В общем, вывод такой – Усманова пора брать за яйца и как минимум одно из них безжалостно обрывать.

Сел я на свой занюханный фордешник и поехал, с тоской размышляя, как много жрет он бензина. Вначале наведался в

офис Усманова. Миша и Лева носы воткнули в экраны и ничего их не касается, ни мои деньги, ни моя фамилия – у них самих таких проблем нет. Едва удержался, чтоб не врезать им по затылкам, да так, чтобы носы по экранам размазались. Женя вела как сука бюрократическая, холодная, неприступная, с медленно тающей улыбкой вежливости – выдрессировал ее все-таки Хожа.

Сказал я тогда внушительным басом знаменитую фразу "I'll be back" и добавил "Если не найду подлюку Усманова, посажу на "винчестер" <прим. магнитный диск, служащий для накопления данных> и заставлю крутиться весь ваш дружный коллектив."

Следующим адресом была Рита, вернее дом Хелен Федорчук. Эта тетенька мне и открыла дверь.

– А Риты нет, господин Шигимонт-Микитов.

– А где она есть? Может, в университете?

– Сомневаюсь, господин Шигимонт-Микитов.

У самой лицо серьезное постное, но чувствую – смеется внутри. Попрощался я с профессоршой, вымелся с ее газона, уселся в машину и стал поджидать свою милочку. Хорошо, что не зима, задницу не холодит, высиживай хоть до завтра, тут же и прессу можно выудить из ближайшего мусорного бачка да поизучать.

Но едва я прочел про каких-то сектантов, самовольно захвативших муниципальные дома, предназначенные на слом, как появилась госпожа Федорчук.

– Я вижу, вы решительно собрались ждать. Давайте тогда ко мне.

– Да не стоит хлопот. Я привык к засадам и схронам, приходилось и по шею в сугробе сидеть.

– Ну, устройте засаду в моем доме.

Ладно уж, чего мне упираться, если человек сочувствующий попался. Перебрался я на гостинный диванчик в ее дом. Посмотрел настенную фотографию ее папаши. Не похож на советского военнопленного. Стоит молодой щекастый хлопец в какой-то странной форме с трезубцем на околыше – похоже, бандеровец. И чего это дочке украинского национал-фашиста приглянулась моя Рита Шигимонт-Микитов-Фейгина? Может, и в самом деле "розовые" они, продолжательницы дела Сапфо и женского населения острова Лесбос.

Сижу я, телек канадский поглядываю вполглаза. Там новости из Москвы, диктор нахваливает преобразования, мне же ясно, что "чикагские мальчики" обосрались. "Эффективные собственники" так народным имуществом распорядились, что заводы легли; всё, что поликвиднее утекло за бугор, а работяги сидят по полгода без зарплаты. В Америке с деньгами, конечно, получше, поскольку

она долларами снабжает весь мир, а тот, дурак, берет и дает ей за зеленую бумагу все, что она пожелает. Но либералы и здесь хотят рассупонить народ, то есть, чтоб бабы не рожали, мужики трахали друг дружку, а вместо заводов расцветала сфера услуг.

Тем временем немолодая дама принесла мне кофе с бисквитом.

– Послушайте, мисс Федорчук, кому надобна славистика, если сама Россия здесь никому не нужна?

– В конце концов, нашему или там американскому правительству важно знать, насколько можно русских прижать, когда они взорвутся. Для этого годится и изучение литературы, даже классики… Выпить не хотите ли?

– А как же. Смирновской.– я принял стопку и спросил.– А почему здесь вообще считают, что мы отличаемся от американцев и канадцев настолько, что нас надо изучать под мелкоскопом?

– Отличие большое. В Америке уважают незаметную власть, которая как можно меньше сует нос в ваши дела. В России любят власть, которое засовывает нос в каждую дырку. Это называется – забота о человеке.

– У нас территория обширно-холодная, во многих регионах просто так не посеешь, не пожнешь и продукт не довезешь; да еще регулярно разные чужеземные орды набеги на нас устраивают. Потому люди на власть надеются, что защиту обеспечит, дороги и заводы построит… И про банкиров вы забыли. Они и есть ваша истинная западная власть и им другая власть не нужна, особенно такая, что поперек их воли чего-то станет делать.

Собеседница поморщилась.

– Но есть и общее между людьми там и здесь, господин Шигимонт-Микитов. И там, и здесь люди одиноки, они боятся, что постепенно исчезают из мира, что, в конце концов, от них ничего не останется, кроме кучки удобрений.

Тут я принял еще стопку и очень мне захотелось узнать, за что госпожа Федорчук мою жену привечать стала.

– Рита вам в чем-то помогает?

Хелен неожиданно зарумянилась, хотя и самую малость. Но вместо ответа раздался звонок. Госпожа Федорчук взяла трубку и тут же передала мне.

– Это – Маргарита. Она так быстро говорит, что я не въезжаю в смысл.

Я приставил трубу к уху и услышал пьяную скороговорку. А смысл был таков: Хожа веселился с Ритой, но потом куда-то запропастился вместе с машиной, а вместо него появились незнакомые негры, которые ее не выпускают. Жена успела дать координаты и тут же связь прервалась.

– Я должен ехать, госпожа Федорчук.

– Извините, я все слышала по параллельному телефону. Как же вы управитесь с этими афроканадцами?

– Хрен его знает. Порву тельняшку на груди, а там видно будет.

Хелен вышла в соседнюю комнату и вернулась с бумажным пакетом, в котором покоился револьвер тридцать восьмого калибра.

– От друга осталось,– пояснила мисс Федорчук зачем-то.– Он погиб на Ближнем Востоке десять лет назад.

Я сунул револьвер в карман куртки, предварительно проверив наполнение барабана. Неизвестно мне, какие тут правила ношения оружия, свободные или не очень, но голыми руками разве что задницу вытирать. А вооруженной десницей я уже и покарать сумею.

– Эта хлопушка пригодится, чтобы негров распугать. А Усманову я оторву яйца без помощи револьвера, сразу оба, пусть на меньшее теперь не расчитывает.

В углу рта у дамы появилось некоторое подобие улыбочки. Впрочем, некогда было мне ее рот рассматривать – я уже отчалил по указанному адресу.

Чем дальше я отъезжал от центра, от ухоженных кварталов, тем более у меня настроение в минус. А в итоге попал я на неблагополучную окраину Питтстауна. Диспозиция была такова. Река вяло тянула свои серые воды к океану, к ним примыкали заброшенные лесные причалы, за которыми мрачнела вереница зданий, больше похожих на пакгаузы. Вскоре по обилию черных, желтых, серо-буро-малиновых физиономий, я понял, что это общаги, в каковых иммигранты проживают. Нельзя сказать, чтобы я изначально плохо относился к этим товарищам. Я сам был пришлец-беглец вроде них. Но мне не нравилось то, что канадский бюрократ не видел никакой разницы между мной и ними.

В местных газетках, что консервативных, что либеральных, принято деланное сочувствие к азиям-африкам изображать, мол, пожертвуйте доллар тамошним детишкам на молочишко; про то, как тамошние детишки работают на благополучие западного дяди, тачают для него шмотки, добывают для него редкие металлы – за гроши, об том упоминают уже куда реже. А про мою страну вообще одни гадости пишутся. Заговорили, оглушили, обчистили карманы, раздели и обосрали – такая вот схема у отношения Запада к России… Так и хотелось крикнуть западному истэблишменту прямо в холеные физиономии: вы задницу русским должны лизать за то, что мы на вас бомбу не сбросили.

Вы ее заслужили по-полной. Уж сколько гадостей вы нам сделали, не меньше чем татаро-монголы. От морей нас отрезали,от теплых плодородных краев, янычаров на нас натравливали, самураев тоже. В первую мировую мы вас спасали, без снарядов и пушек на немцев наступали, а когда немцы на нас пёрли, вы блин отдыхали, снаряды копили. В двадцатых годах скупали по дешевке русское золото и культурные ценности, которые наши интернационалисты выбрасывали на рынок, во вторую мировую Гитлера на нас натравили и столько лет мы еще дожидались второго фронта. И за последние годы сколько из нас высосали; наши суда под вашим флагом теперь плавают, наши нефтяные доходы в ваших банках лежат, наши поля бурьяном зарастают, а просроченную жратву от вас везем…

Я вошел в серый склеповидный дом. Подобные обиталища я видел последний раз в Питере, только здесь побольше всякого пестрого дерьма висело по стенкам. Кругом голопузая детвора носится, из каждой двери доносятся дикарские траляляки в живом и магнитофонном исполнении. Я заловил одного китайского пацана и поинтересовался насчет белой упитанной тети в очках.

– Белый тетя плоходить на верхний этаж. Толстый попа такой. Вначале ее обнимать белый дядя, потом большой черный Чака.

– Кто такой большой черный Чака?

– О, маленький Ли очень бояться большой черный Чака. Чака – это марихуана, это – джанк, это – хэш, это – экстази. Он – колдун. Он продавать мальчик и девочка, целиком или разрезав на органы. Однажды он поймать маленький Ли и вставить ему в попка свой длинный письпись. Так больно-больно. Затем давать малыш Ли двадцать баксов и приглашать еще. Мама и дядюшка Чжоу запретить мне больше это делать.

Я покинул маленького Ли с его безвинно пострадавшей попкой и поднялся на верхний этаж. Дальше я сам разобрался, откуда шум-гам. Открыл дверь и сперва увидел свою жену. Она валялась на "водяном" диване вместе с какими-то шоколадными мужиками и расслабленно хихикала. Юбка ее была задрана и африканцы елозили руками по пухленьким ляжкам. Глаза у них были оловянные, но губы слюнявые, если не сказать похотливые. Царила вонь, образованная газовыделением из задниц, табакокурением, какими-то кадильницами, шипящими и булькающими на плите харчами; тренькала не слишком приятная музыка, публика веселилась целованием и танцами, однако Усманов среди нее не наблюдался.

Я подошел к кровати, сгреб курчавые шевелюры в две ладони

и столкнул "шоколадок" лбами. По-моему крепко столкнул, один даже отключился. Затем я рывком поднял Риту с кровати, она хоть пошатывалась, но пробовала держаться на ногах. Я подтолкнул ее к двери и тут меня сзади окликнули:

– Эй, приятель, не торопись унести свою попку.

Это сказал большой черный Чака. Действительно, мужчина немаленького роста, по происхождению суданец или кениец. На поясе у него висел плейер с компакт-диском, в ушах торчали наушнички, сам он пританцовывал, наличность имел не свирепую, даже ласковую, как у сытой гиены. А глаза опять-таки оловянные.

– У тебя попа вместо головы. Отстань, липкий.– огрызнулся я.

– Остановись, брат мой. И не уводи сестру. Ей хорошо с нами, мы помогаем друг другу.

Я попробовал не кипятиться и не пускать пар.

– Ей хорошо, пока она соображает не больше, чем початок кукурузы. А если вы ей помогали своими "перчиками", то будете иметь дело с полицией на полную катушку. Поняли меня?

– Мы – это ты, брат. Когда мы узнавали сладость твоей жены, тоже должен был испытывать и ты. Если у тебя это не получилось, значит, ты сам воздвиг преграды. Участвуй вместе с нами и ты поймешь, что такое великая общность, поток жизни, слияние на лоне материнских божеств. Или ты маленький белый собственник?

– Я – в отношении своей жены – маленький белый собственник, а ты большая черная скотина… Топай, Рита.– я подтолкнул осоловевшую женщину к двери.

Чака цокнул языком и путь немедленно был прегражден еще более здоровенным мужиком – амбал сразу сгреб Риту, облапил ее только так.

– Ну, так потанцуешь с нами, брат?– сладко вопросил Чака.

– Настоящий танцор пляшет только под свою музыку.

Я вытащил свою пушку и направил ее на амбала, вполглаза поглядывая на Чаку.

Амбал только поплотнее заслонился моей удобной во всех отношениях Маргаритой.

– Ты же не выстрелишь, мой белый брат,– ласково протянул Чака, а его приятель полез в карман. Что же делать?

Я направил ствол чуть ниже и стрельнул между ног амбала и моей жены. Она совершенно бессознательно присела и тут я влепил пулю прямо в лоб здорового негра. Он грохнулся на пол, закатив зрачки, из его кармана так и осталась торчать рукоятка пистолета. Тут начался визг, я схватил Риту и потащил в коридор. Когда дотянул ее до лестницы, сзади уже появился человек с

пистолет-пулеметом. Я направил жену вниз, надеясь, что она не переломает себе по дороге все косточки. Надо было пальнуть несколько раз в сторону вражеского стрелка, чтобы он умерил свою прыть. Затем, скатившись по лестнице, подхватил свою жену, которая все норовила стать неподъемным мешком.

Когда я заталкивал ее в машину, поверх головы свистнуло несколько пуль, потом пяток свинцовых лепешек звякнул по бамперу. Форд на мое счастье был достаточно старым и пуленепрошибаемым. Он все стерпел, пока я выруливал на шоссе и набирал скорость. А стрелки-то выстроились чуть ли не в шеренгу и устроили настоящую канонаду. Кстати, они мне все стекла разнесли, хорошо хоть Рита оплыла по сидению вниз.

Когда я увидел, что оторвался от этих басурманов, то окончательно сообразил: теперь жена моя – дура невменяемая и я не успокоюсь, пока не разорву Усманова как газету.

Голова жены болталась на сидении, Рита то и дело пыталась стравить харчи и несла околесицу, причем чувствовалось идейное влияние Чаки и его товарищей. Я еще раз оценил и сравнил лопотание грязнули Чака, сектанта Пеки, деловой бабенки Женевьев и ленивицы Риты. Тут меня окончательно сразило сходство. Похоже, я имею дело с ветвистой системой, цели и задачи которой вряд ли понимаю, хотя и ощущаю, что она использует меня для каких-то нужд.

Я подергал жену за уши.

– Где Хожа… да не вались ты мордой вниз, задница ты этакая… где господин Усманов?

– Хоха! Усманчик! У него сегодня выхлопной… ой, выходной денек… Ты простишь меня, муж?

– У тебя теперь много мужей, Рита. Даже есть муж в юбке – мисс Федорчук.

– Они все говорили о радости слияния, о потоке жизни…

– А ты все с радостью внимала, как на симфоническом концерте… Куда мог подеваться аспид Усманов?

– Он говорил, что ему… в банк. Он туда уже ездил… Это на Дэнбери-роуд… Ты все-таки прости меня, Коленька…

– Прощу, если у тебя в голове свист один.

Я быстренько развернул форд, снова газанул, и засек Хожу, когда он выруливал на своем "мерседесе" с Дэнбери-роуд. Хорошо, что ему не была известна марка моей новой машины, так что я спокойно его преследовал и настигал. А где-то на развилке я поровнялся с ним и долбанул вбок, пытаясь прижать к бетонному ограждению. Он увильнул и стал удирать со всех колес, затем свернул на Вудгейт. Тут-то у меня и отказали тормоза, отчего я помчался навстречу реке. Но дальше был пирс,

уткнувшийся под острым углом в берег. Я прижался бортом к "мерседесу", не давая Усманову свернуть, моя машина была потяжелее и инерцию набрала приличную, так что мы вместе и влетели на пирс. Теперь надо было останавливать Хожу и как-нибудь тормозить самому. Рита не вопила в полный рот, как можно было ожидать, а довольно повизгивала, будто ее кто-то щекотал.

Бросив руль вправо, я столкнул "мерседес" с пирса – видимо, сцепление на мокром бетоне было не ахти. Хожа перелетел через полоску воды, разделяющую причальную стенку и судно. Речная посудина сидела низко, так что автомобиль только задел ее борт, чуть крутанулся вокруг продольной оси и шлепнулся на палубу между фальшбортом и комингсами трюмов. Естественно, что инерция еще потащила со скрежетом и визгом железную тушу машины, пока она не застряла где-то в районе форпика. Можно было представить, как дрищет от страха господин-товарищ Усманов. Впрочем, мне было не до того, я сам не слишком веселился.

Ведь мой тяжелый форд ехал, опираясь левыми колесами на причал и притираясь правой стороной к борту судна, соответственно правые колеса висели над водой. Хорошо, что расстояние между посудиной и причалом не превышало метра. В итоге мне удалось потерять скорость, а в районе переходного трапика даже свернуть влево и прекратить эту эквилибристику. Моя машина окончательно застыла, уткнувшись в швартовую тумбу. Но лично я еще не застыл, моя свирепость только усугубилась последним потрясением. Я прямо с причала сиганул на судно, весь полыхая от зверских гормонов.

Почему-то в минуты праведного гнева человек уверен, что у него получатся все те штуки, которые не пройдут при благостном расположении духа. Я больно ударился коленками о фальшборт, но успел зацепиться за него, а затем перекинул свое напружиненное тело на палубу. Когда добежал до вражеского "мерседеса", Усманов, очухавшись, уже выбирался через дверцу, которая сейчас располагалась сверху на манер танкового люка. Я помог ему вывалиться, дернув за шиворот, а потом стал лютовать. Кавказцы, как правило, сильные ребята, то есть в среднем они крепче русских и быстрее злобой наливаются. Это я еще в армии проверил на собственной шкуре. Однако можно их скоренько разрядить.

Когда я Усманову в промежность запаял, он вообще стушевался, так что револьвер к голове уже не обязательно было приставлять.

– Ну, здравствуй, эталон вредности и поганства. Тебе не

кажется, Хоха, что ты мне слишком много задолжал?

– У меня были денежные проблемы, Николай.

– Сейчас я их тебе решу.

Я выдернул бумажник из кармана его пиджака. Как нувориш, Усманов не избегал наличных. Я выгреб банкноты – не менее "тонны". Заодно прихватил все визитки. А вот кредитные карточки оставил. С ними можно разок отовариться в шопе, а потом настоящий владелец аннулирует их и я сразу попадусь полиции.

– Николай, завтра приезжай ко мне. Отдам тысячу баксов, а за неделю еще две верну.

– О, засранство кончилось и началось сплошное благородство. Значит, не будешь теперь подличать из-за какой-то мизерной копейки? Но мы еще не разобрались со всеми твоими грехами. Куда интересно потерялась моя фамилия из титров? Неужели она как грязь, которая вымывается при первой же стирке.

– Я не самостоятелен, Николай, надо мной есть люди, которые решают,– у Усманова физиономия набралась искреннего выражения.

– Так передай им, что только гадкие мальчики писают и какают на права автора.

– Игра "Секта" обязательно пойдет в продажу и там непременно будет приведена твоя фамилия, будет указано и то, что ты являлся автором предыдущих игр. Так что, не волнуйся, ладно?

– А чего мне волноваться, я сейчас отдыхаю… Как же, пойдет "Секта" в продажу, если какие-то психи, вернее стоящие над тобой люди, решили воплощать ее в жизнь.

– Я ничего про это не знаю, – вид у Усманова стал откровенно недоумевающий. Может, он и в самом деле не причем.

– Ладно, отложим это в сторону и вообще будем считать, что по двум пунктам я тебя простил. Но по третьему вопросу спрошу с тебя сполна. Зачем тебе, барану горному, понадобилась моя жена? Чтобы мне досадить?

Не удержался я и снова смазал Хоже по физиономии.

– Мне приказали, я должен был слушаться, чтобы меня не ликвидировали. Да и тебя тоже. Я сам себе не командир.

– Значит, я тебе командир, какашка ты этакая. Возьму сейчас и спущу тебя в унитаз.

Вместо этого я снова стал молотить его – вот гад, хочет навязать мне мысль, что кто-то сверху велел рокировку произвести. Мне – Женю, ему – Риту. Не знаю, как бы его разукрасил, но мне показалось, что КТО-ТО орудует моими

руками и ногами, КТО-ТО получает большое удовольствие от процесса биться. Опять "слияние"? Нет, это просто кажется. Вот если бы у меня была электронная приставка вроде того самого чипа, я бы шизанулся всерьез и надолго. Однако что затевают командиры Усманова, не психотронный ли террор? Я могу прикончить сучару Хожу, но он все равно не расколется, видно, что запугали его навеки. Ладно, пусть живет – надеюсь, что между ног у него теперь большое-пребольшое "слияние".

Оставил я господина-товарища в никудышном виде – так сказать, сопля его блистала как алмаз. Когда вернулся к своей машине, то нашел жену дрыхнущей на заднем сидении, кофта ее задралась и можно было узреть повязку в районе крестца. Под повязкой был тоненький цилиндрик микрочипа. Прямо с причала отвез Маргариту в психиатрическую больницу на Чэйнсери-лэйн. Около часа я там выяснял по какой благотворительной программе канадское правительство будет оплачивать исцеление. Как пролечить наркомана и эмдэпэшника в этой психушке знали, но врач отпал, когда узрел чип на крестце пациентки.

Риту протащили через рентген и доктор Деларю стал сумрачно вглядываться в снимки. А потом начал елозить по ним указкой.

– Этот наружний микроаппарат содержит не только чип, но и источник питания, а кроме того от него тянутся проводки под кожу. Проводки ведут к чипу, смонтированному прямо на крестцовом позвонке и выпускающему электроды, которые проникают через межпозвонковые щели прямо в спинной мозг, похоже, что в нервные центры.

– Ну, так уберите эту штуку, чтобы полегчало нервным центрам.

– Не так все просто, господин Шигимонт-Микитов. Это серьезная операция. Вы же понимаете, что перво-наперво мы должны не навредить пациенту. Понадобится длительное обследование с привлечением специалистов по электронике. Кроме того еще неясно, кто будет все это оплачивать.

– Это означает, что мне надо обратиться в другую клинику?– попытался выведать я.

– Ну что вы, господин Шигимонт-Микитов, я уверен, мы решим все вопросы. Только требуется время и терпение. Сейчас вам лучше поехать на службу или даже домой. Вид у вас нелучший, как будто вы упали с лошади,– неформально заметил доктор Деларю.

– Да поцеловался на машине со столбом.

– Господин Шигимонт-Микитов, заезжайте к нам завтра или послезавтра.

На следующий день меня допрашивала полиция, двое верзил, констебль Робинсон и еще один, приехали прямо ко мне на "дачу". Хорошо, что я успел закатать револьвер под огород, впрочем ордера на обыск у них тоже не было. От полисменов узнал, что Усманов уже не живой, а мертвый. Его нашли на дне трюма одного речного судна с расколовшейся башкой. Естественно, что ради такого финала он или сам упал, или его уронили. Конечно же, сотрудники Усманова показали, что я живо интересовался их начальником. Полицаи уже узнали про автомобильные состязания на речном причале и достаточно было одного взгляда на мой форд, чтобы догадаться о моем участии в них.

– Да, я поцапался с Усмановым, потому что он нагрел меня по части денег и, так сказать, авторского права. Но когда мне удалось прихватить его и потолковать по душам, то мы уладили большинство вопросов. Он погасил наличными часть долга, твердо пообещав вернуть вскорости остальное, и мы расстались. При этом он был явно живой. Да и не нужен он мне в трупном виде!

Пришлось еще позаливать насчет дружества и побратимства с Хожей. А вот про заморочки с женушкой я решил пока не сообщать. Ведь ревность посчитается образцовым поводом для убийства Усманова, да и может потянуться ниточка к перестрелке в общаге. И неизвестно сойдет ли мне с рук дырка во лбу черного амбала.

– Когда вы расстались с господином Усмановым?

– Примерно в половине четвертого. Если на судне присутствовал хоть один член команды, он должен был это заметить. Еще я проезжал мимо пакгауза – меня и там обязаны были зафиксировать.

– Усманов умер в промежутке от трех-двадцати до трех-сорока. У вас плохо с алиби,– напомнил констебль.

– Но когда я был на судне, люки всех трюмов были закрыты. Чтобы открыть люк и сбросить товарища вниз головой тоже время требуется.

Полицейские немного задумались, а потом захотели посмотреть компьютерные игры, которые я придумал. Особенно констебля заинтересовала "Вторая гражданская война в Америке". Он даже спросил, не связан ли я с правоэкстремистскими группировками в Канаде или США. Я ответил, что рад был бы познакомится и узнать, насколько благодушно они относятся к помеси манси и славянина.

Когда полисмены убрались, я естественно испытал большое облегчение – на предмет трупа в общаге не прозвучало вопросов.

Облегчение облегчением, но мне по-прежнему требовались бабки – отдать за ремонт форда и такое прочее, вдобавок излечение жены может встать в копеечку.

Кроме того, надо разбираться с этим микрочипом. Если знать всю его схему, то Риту сможет освободить любой коновал. Такая штука имееется еще у Женевьев и Оксаны. Только что я могу с этого иметь? Допрашивать Риту насчет чипа совершенно бесполезно, она натурально в придурочном состоянии. Оксану хрен достанешь. А из Жени ничего не выжмешь, попробуй надави на нее и сразу окажешься в полиции, как хам и насильник.

Но потребовать свои кровные бабки на бочку я пока в состоянии. Усманов фигурял от лица компании, которая еще не ликвидирована. Кроме того, у него наверняка имелись за спиной партнеры или там совладельцы. Недаром же он лопотал, что есть люди поважнее его, которые все решают. Да, похоже это страшные люди. Но волков бояться, с деньгами не знаться. И вовсе не обязательно переться к ним прямо в логовище с распахнутым кошельком. Надо побольше разузнать про них, а потом "наехать" вместе с своим адвокатом.

Так что, все равно предстоит для начала пообщаться с Женей. Сделаю козью морду и грозно заявлю дамочке, что буду разбираться с ней через суд, что она должна выложить мне на блюдечке партнеров Усманова.

Я порылся в визитках, отобранных у Хожи. Среди них одна меня заинтересовала, где насчет г-на Муталиба Эминова, представителя корпорации "Marine Computer Systems", MCS Corp, в Нью-Йорке, с офисом на углу сорок второй стрит и Лексингтон-авеню. Солидное место. По-крайней мере, лишние сведения не повредят, когда я буду дружески беседовать с Женей.

Для начала наведался в контору "Computer's world". Я ожидал изменений, но не думал, что они окажутся такими быстрыми. Офис уже отсутствовал, ни Миши, ни Левы, ни техники. Ко мне, заглядывающему через окна, подошел какой-то седовласый джентльмен, очевидно домовладелец, и сообщил, что прежние арендаторы съехали в течение дня, а помещение уже нанято какой-то фирмой под зоомагазин.

– Тут и раньше был зоомагазин,– грустно откликнулся я.

А вот исчезновение Женевьев с ее квартиры вызвало у меня нервный срыв в виде икоты.

На мой звонок распахнула дверь какая-то бабка с постным лицом, которая ничего знать не желала о предыдущей жиличке. Когда я уже собирался уматываться, она сказала, что на автоответчике ее телефона зафиксирован звонок из китайской прачечной – дескать, ваше бельишко, мадмуазель, готово. Уж

ясно, что эта старая перечница никак не мадмуазель. Скорее я – балерина.

Я мигом оказался в прачечной с иероглифами на вывеске и выпалил, что меня прислала Женевьев Жильбер с Уолнат-корт, чтобы забрать ее бельишко. На это китайцы мне застрекотали, что уже отправили сверток в отель "Картье", откуда звонила Женевьев Жильбер.

В отеле, вернее в гостиничном холле, я встретил Женю на выходе из лифта. Она сделала вид, что меня не знает и не замечает, но я энергично пристроился сбоку.

– Не думай, что мы незнакомы, иначе я объявлю всем присутствующим, на какой ягодице у тебя сидит родинка.

– Чего тебе надо?

– Мне много надо, Женечка. Кто со мной будет рассчитываться, киса?

– Никто. Нет никаких документальных свидетельств насчет того, что ты чего-нибудь сделал для "Computer's world" и получал от нее за какую-нибудь работу. No completion of contract, no payment.

И это правда – никаких актов приема-сдачи я не подмахивал и никаких записей в финансовых ведомостях на мой счет нету. И триста, и тысячу баксов я получил из лапы в лапу.

– Все равно, хочется знать, кто сейчас распоряжается продукцией вашей фирмы. Я вполне в состоянии договориться с этими наглыми мордами. По-хорошему или по-плохому получится, это уже отдельный вопрос.

– Владела и владеет совсем другая компания. Она давала order заказ, Усманов исполнял его. Как это делал Усманов, ее не колышет, по его недоработкам она отвечать не будет. И уж, конечно, она не просила меня, чтобы я присылала ей для разборок каких-то непонятных людей.

– Ты знаешь много русских слов, молодец, а я знаю, что эта компания зовется "Marine Computer Systems", MCS. В Нью-Йорке ее представляет Муталиб Эминов, а в Питтстауне – понятно кто.– Конечно, насчет "понятно" я блефовал, но ведь главное произвести впечатление на девушку.– Ну, как тебе мое ясновидение, Женевьев?

Она остановилась. В глазах ее явно читалось беспокойство.

– Ну, хочешь, Николя, я тебе лично заплачу пару тысяч долларов, и ты отцепишься.

– Странно, мадмуазель Жильбер, что тебе не жалко своих родных денег и ты готова платить за каких-то жлобов. А им, в свою очередь не жалко твоих денег, и они тебя подставляют. У вас слияние, да? И, может, не пожалеют они ни твоего здоровья, ни

жизни, все равно того и другого в природе очень много. Жены моей им тоже не жалко было. Ведь все мы – сопливые сосуды для мощного потока жизни. А согласно теории сообщающихся сосудов, в одном месте убудет, в другом прибудет. На этой теории построена вся канализация… Слушай, как захомутали тебя и Риту? Что, нравится быть куклой? И что это за хреновы микрочипы? Кто за них отвечает, не MCS ли?

После очереди моих вопросов Женя явно растерялась, она полезла в сумочку, как будто за зеркальцем, и вытащила оттуда… Я много спустя понял, что меня обработали не газом, а порошком. Он сразу застил мне зенки и вначале я ничего не различал, кроме непонятных цветных пятен, а затем полностью потерял ориентацию. Каким-то макаром нащупал кресло, уселся в него и еще, наверное, с полчаса витал в облаках. Когда наконец все утряслось и я стал замечать торчащих подле меня администратора и нескольких бабушек, то было поздно. Женевьев уже съехала.

5. Новые товарищи

Когда домой курс держал, все размышлял, как мне заловить аспидов из MCS. А потом допер: кто-то же по-прежнему продает программные продукты, то есть компьютерные игрушки, созданные в "Computer's world". Скорее всего этим занимается искомая фирма MCS, возможно ее представитель по Питтстауну. Я отыскал с помощью сетевой рекламы нужный электронный адрес и вышел на связь с продавцом. Он мне сразу послал демонстрационные блоки игр.

Я выбрал "Ирокезы летят на Луну" и поинтересовался, как купить игрушку. Мне ответили, что оплатить можно кредитными карточками, или кодированной телексной передачей со счета со счет, или переслав чек по указанному адресу. Я отстучал, что у меня нет кредитной карточки и счета, нельзя ли съездить и отдать наличными. Мне сообщили, что это не выйдет, по почтовому адресу наличные не принимаются.

И действительно, я съездил и без толку. Почтовый адрес оказался просто абонентским ящиком, который по всей вероятности кто-то иногда опорожнял без свидетелей вроде меня.

По пути домой я навестил в клинике Риту. Супружница была в полном ауте. Как она утверждала горячечным шепотом, в ее тело вселилась какая-то богиня по имени Индомба, одновременно эта высшая сущность дает ощутить свое могущество. Теперь Рита носится вместе с ураганами и падает вместе с дождями, поднимается в верхний мир, где живут души всех тварей в виде змей и спускается в мир нижний, где хранятся семена жизни, а еще видит глазами богини и слышит ее ушами. Рита поинтересовалась у меня, зачем я облачился в панцирь и водрузил шлем с рогами на свою голову, зачем сопротивляюсь любви и слиянию…

Доктор Деларю меня потом утешал, дескать схема микроаппарата скоро станет ясна, а переговоры насчет бесплатного проведения операции завершатся полной викторией.

Поехал я домой совсем огорченный, размышляя для утешения о том, как бы мне самому поторговать компьютерными игрушками. Ведь все они у меня на "винчестере" как ягодки. А если зайдет речь о лицензиях на торговлю, то я проверну дело через какую-нибудь фирмочку.

Приезжаю, а ягодок на веточке нет. Кто-то побывал у меня дома, порылся, поразбрасывал шмотки, но самое главное – стер все интересное с "винча". Все игрушки. Я конечно ринулся в подполье, проверять целы ли дискеты. Целы – погромщики не

слишком дотошными оказались. А впрочем они все рассчитали. На дискетах у меня только сырые блок-схемы помещались, не более.

А компьютер цел остался, при полном комплекте. Это, наверное, называется гуманным ограблением. Сел я, вперился в мерцающий экран и впал в тоску, аж душа заныла, впервые с лета 1991 года.

Похоже, это люди из MCS поставили меня на место, выпотрошили полностью и без остатка. А что если Усманова тоже убрали они? Я ведь и так на подозрении у полиции, достаточно эмсиэсовцам подкинуть еще пару улик и меня можно сажать за мокруху. То есть, смахнув меня как пешку с шахматной доски, эти гады могут беспрепятственно использовать мою "Секту" для своих смелых экспериментов над людьми и прочими тварями. Если же люди из MCS понаблюдали, как я грохнул черного амбала – а они явно за мной следят и вообще могли всю колллизию организовать – то светит мне электрический стул за два убийства. Или как тут в Канаде казнят? Пожалуй, виселица мне больше нравится, чем электростул.

Сижу в скрипучем кресле, страдаю, как невротик последний. Достал тут заначенную бутылочку виски, приложился как дите к материнской груди и чуть-чуть исцелился. Кроме того, на экран через сеть мне как раз бросили извещение. Дескать, некая фирма "Stairway to heaven Ltd" желает пообщаться со мной на предмет совместных трудов, потому что уверена в моих весомых способностях. Беседы разводить по незащищенным каналам, дескать, было бы неправильным делом, оттого завтра по утрянке приглашен я в контору, потому и адрес оставлен.

Как все это понимать? Может, хитрюги из MCS меня заманивают? Или же на самом деле, именно "Stairway to heaven", а не MCS является владельцем всем моих игрушек и распорядителем моей жизни. Я сам явлюсь на какую-нибудь помойку, там мне сделают пиф-паф по чайнику и оставят на закусь крысам. Так сказать, полная утилизация.

А если "Stairway to heaven" совсем другая ни в чем неповинная компания? Кто-то ей напел про меня, например, Миша или Лева, вот и хотят бизнесмены привлечь мой разум к полезному высокооплачиваемому труду.

Не стерпел я и на следующий день уже трясся в направлении Питтстауна. Жополька поменял мне неработающие тормоза на полуработающие, но тут еще добавились сломанные амортизаторы, и уже казалось, что мой форд в любой момент может превратиться в несущуюся кучу мусора. Вид был, конечно, непрезентабельный – а в здешних краях внешняя приличность в

цене. Не оказалось у меня даже костюмчика подходящего, хорошо, что хоть чистая рубашонка нашлась.

Поставил я машину подальше от указанного адреса на Кингсроуд, поднялся на двенадцатый этаж, стараясь по пути приосаниться и сделать из кривой ухмылки лучезарную улыбку. И попадаю я в солидную контору. То есть, никакой вычурности и блесток как в имигрантских лавочках. В конторе встречает меня секретарша не длинноногая, а вежливая и строгая как Цербер, такое впечатление даже, что у нее под блузкой кобура. Повсюду за стекляными перегородками сидят кореша в строгих костюмах а-ля викторианская Англия. Секретарша заводит меня за самую непрозрачную перегородку с надписью на двери "чиф" и там оставляет.

За широким захламленным столом торчал мужик без пиджака, но в галстуке, а сзади меня оказалась какая-то баба в брючном деловом костюме. Все природные канадцы, как я догадался. Неужели они жить без меня не могут? И вообще немного такое ощущение, что я к следователям попал. Конечно, я не знаю, в чем заключается ментовская атмосфера за океаном, но что-то подобное чувствовалось – судя по освещению и расположению персон. Впрочем, встречающие постарались это пакостное ощущение развеять.

– Хэмфри Блэйр,– представился мужик за столом, сияя словно новый пятак.– Как поживаете?

Я вначале подумал, что он издевается, но потом вспомнил, что это обычная формула вежливости.

– Так же как и вы. Лучше некуда.

Мужик не подал виду, что удивлен.

– Нам известно, мистер Шигимонт-Микитов, о вашей работе в "Computer's world". Я не могу сказать от кого, это в некотором роде деловой секрет.

– Тогда вы знаете и о том, как меня там нагрели. И по части денег, и по части фамилии.

– Действительно знаем,– подключилась женщина, которая назвалась Ребеккой Коэн.– Вы чувствовали себя обиженным?

– В некотором роде, да. Это и без психоанализа понятно.

– Расскажите нам о том, что вы делали для "Computer's world"– предложил Блэйр.

– Рад стараться.

Ну я и порассказывал, какие толкал идеи и как они разрабатывались. Без излишних подробностей, конечно. Может я опять нарвался на воров интеллектуальной собственности. Впрочем, я немало наплел про "Секту", которая не собиралась появляться в продаже. Очень хотелось, чтобы моя игровая идея

засияла до того, как воплотится в нашу жизнь благодаря активным мероприятиям MCS. Правда, про сами мероприятия я не стал распространяться, ведь существование Будильников покамест доказать не могу.

– А вы пробовали договориться с мистером Усмановым?– мисс Коэн стала ворошить старое, хотя я думал, что мы будем больше общаться на предмет совместного бизнеса.

– Конечно. Но он все избегал меня. А когда вроде готов был уже раскошелиться и выпустить игрушку под моим авторством, тут его и трахнули, в смысле уронили вниз головой.

– Мы понимаем, что это несколько не входит в нашу компетенцию, но все же – кто это мог сделать и почему? Как никак наша фирма работает в той же сфере,– весомо сказал Блэйр.

– Да, наверное, хозяева у Усманова были, то есть головная фирма. Я подозреваю, что это "Marine Computer Systems". Ну и не сошлись ребята по части бабок. Усманов-то жмот был знаменитый, вот его партнеры вначале попридержали "Секту", а потом взяли и хлопнули его.

– Вы сообщили эти сведения полиции?– поинтересовалась мисс Коэн.

– Как бы не так. Мне дела нет до канадской полиции. Копы сразу покатили на меня бочку, пусть сами и колупаются.

– В нашей стране к полиции относятся иначе,– вежливо, но твердо произнес Блэйр.

– Я такой житель вашей страны как бобер или белка, у меня даже гражданства нет. При этом я с уважением отношусь к великому канадскому народу, особенно к количеству потребляемых им чипсов, поп-корна и туалетной бумаги.

Наконец, мисс Коэн застопорила эту щекотливую тему.

– Ну, ладно, мы совсем уж уклонились в полицейскую область.

– По вашему хотению, должен заметить. Давайте в самом деле работать, я весь киплю от идей. Сядем рядком за компьютер и начнем кропать на живую нитку.

Как бы не так. Блэйр смехотнул в ответ, кажется он находил меня забавным малым.

– Мистер Шигимонт-Микитов, у нас солидная фирма с пятидесятилетним стажем. Некрупная, но устойчивая, которая никогда не порет горячки. Мы познакомились с вами и прекрасно. Дома вы составите тезисно пять-шесть сценариев, что-то вроде развернутых заявок на ваши идеи. Послезавтра у нас будет агент по авторскому праву и мы все оформим наилучшим образом. Успеете?

– Я напрягусь.

– Уверен, что послезавтра мы заключим контракт, мистер Шигимонт-Микитов,– закруглился Блэйр.– Я думаю, что в финансовом отношении мы сойдемся. Мы даже превысим обычные наши ставки. Мы ведь понимаем, что вам надо обживаться в нашей стране.

Я хотел сказать, что прежде чем обживаться, мне надо расплатиться за лечение-починку Риты, но потом понял, что как раз на эту тему трепаться не стоит.

Я покинул новых товарищей, свернул за угол, сел в свой автомобиль, проехал десять метров и встал. Прочно встал, на этот раз полетел подшипник из коробки скоростей. В кармане ни доллара, сижу я и тупо смотрю туда, где за тучей белеет гора.

Вдруг рядом останавливается "кадиллак" и мисс Коэн машет мне ручкой. Вот неприятность. Она застукала меня в столь гадкой конфузии.

– Вас подбросить, мистер Шигимонт?

– Я далеко живу, двадцать миль от города, как-нибудь доберусь.

Короче, она меня уговорила и всю дорогу вела светские ля-ля. А я думал, как не подпустить ее к своему огороду. Наконец придумал: дескать, у меня срочные дела на бензозаправке. Там мы и распрощались.

Сутки я трудился как башенный кран, перетаскивая мысли из головы на бумагу, а затем мисс Коэн явилась ко мне прямо на "дачу".

– Я решила заехать за вами, а хозяин бензозаправки дал мне ваш адрес. Мы должны же быть внимательными друг к другу.

– Здесь это не принято…– буркнул я, тем более, что был облачен лишь в трусы "маскхеровочного" цвета. Впрочем, одна дама говорила мне, что без одежки я лучше, чем в оной. А дамочка знала толк в этом деле, потому что работала в буфете тюменского клуба нефтяников.

– Мистер Шигимонт, я обещаю, что обстоятельства вашего быта не станут известны мистеру Блэйру,– и мисс Коэн подмигнула мне заговорщически.

Достаточно, что они стали известны тебе, канцелярская крыса. Я нисколько не верю в твой дружеский тон. Да, ты прилично владеешь собой. Посмотрим как ты заотказываешься, когда я предложу тебе искушать в этом свинарнике.

От сала она действительно отказалась, однако не побрезговала цыпленком, до поры до времени бегавшим в углу комнаты. Мисс Коэн была явно сложнее и крепче, чем казалось поначалу.

Она подошла к фотокарточке, пришпиленной к стене.

– Это вы с мамой?– спросила она.

– Это я с женой,– пришлось уточнить мне.

– А где она сейчас?

Вот такой невинный и такой нежелательный вопрос. Но отвечать надо.

– В больнице. В психиатрической клинике.

– Извините, что я вмешиваюсь в вашу личную жизнь, но миссис Шигимонт давно болеет?

– Несколько дней. Она поехала в город за покупками и все-такое, а немного погодя я нашел ее на улице в совершенно невменяемом состоянии. Кажется, ее накачали наркотиками. В общем, совсем крыша съехала.

На этом любопытство мисс Коэн по счастью было удовлетворено. Она доставила меня на место назначения, там мистер Блэйр почитал мои сценарии и отложил бумажки в сторону.

– Все это очень хорошо,– лицо его не отразило ничего.

– А "Секта"? Как вам эта игрушка?– попытался выведать я.

– Очень забавно. Захват небоскреба даже впечатляет. Хотя эти ваши сектанты несколько недостоверны. В сценарии указано, что среди них есть колдуны с Карибских островов, гаитянские вудуисты, мексиканские брухо, какие-то черные ламы из Тибета.

– Но основная-то масса – как раз офисное стадо.

– В любом случает вы формируете отрицательный образ этнических меньшинств. Кстати, у себя на родине вы состояли членом какой-нибудь националистической или расистской организации, обладаете ли вы военным опытом?

Опять все как-то по-ментовски.

– Военным опытом обладаю. Но насчет организаций шалите.

Я еще раз расписал, что являюсь чем-то вроде индейца, представителем сибирских аборигенов.

– Мы предпочли бы, чтобы отрицательный образ формировался по отношению к правоэкстремистским группировкам,– сказала мисс Коэн.– Вы слыхали про оклахомский взрыв, про организации вроде мичиганской милиции?

– Слыхал. Но сектанты примерно одинаковы, что в Америке, что в России, а эти ваши правоэкстремистские группировки… Милиция Мичигана выступает за уменьшение вмешательства правительства в частную жизнь и экономику; это ж прямо то, что требует американский госдеп от других стран. Ну и чего ж вам тогда не нравится?.. У меня, однако, была игрушка и про правых – она называется "Вторая гражданская война в Америке". Там фермеры отказываются платить налоги и начинают вооруженную

борьбу за отделение от центрального правительства.

Я сразу заметил, что идея игры не слишком понравилась моему собеседнику, но вызвала какой-то болезненный интерес.

– И все-таки, имели вы контакты с правыми экстремистами Канады или США? Или вы, может быть, собирали материал про них, составляли какие-то каталоги?

– Да нет же. И что вы так на это налегаете? Даже странно.

Блэйр решил наконец оправдаться.

– Я не просто бизнесмен, собираюсь баллотироваться в парламент по спискам либеральной партии.

Отразил я тогда свое мнение по поводу парламентской демократии.

– Очень приятно посмотреть на такое сращивание политики и бизнеса. А я, кстати, монархист, поддерживаю доброго царя, а не каких-то то там политиканов, которые якобы представляют народ, но при том исполняют все заказы богачей. А также я не против земства, казачьего круга и, в некоторых случаях, вече.

– Извините, мисс Коэн сообщила мне о вашей жене. Мы могли бы помочь вам с оплатой лечения.

– Но вы и так собирались подписать контракт со мной. Хочешь помочь человеку, дай ему работу – это еще в древних книгах сказано. От себя добавим – "высокооплачиваемую".

– Контракт обязательно подпишем, мистер Шигимонт-Микитов. Но сумма аванса не столь велика, и мы могли бы предоставить вам, так сказать, кредит.

Неужели этот темнило в яме считает, что я такой простофиля.

– Кредит в нашем физическом мире выдается под что-то. Например, свинье кредитован пятачок, поэтому ожидается, что она без устали станет рыхлить почву. А чем буду я обязан?

– Я хотел бы воспользоваться вашими источниками информации. Не могли же вы придумать игру вроде "Второй гражданской войны", ничего не зная. Напомню, что я – кандидат в депутаты, и в предвыборных выступлениях должен освещать все вопросы…

– Но, мистер Блэйр…

– Зовите меня просто Хэм.

– Хэм, я готовился к роли сценариста компьютерных игр, а не платного информатора. Знаю, у вас стучать принято, но я никогда этим не занимался, хотя поводы имелись. В общем, для меня это ново. Мне нужно долго уговаривать себя. Надеюсь, за это время вы подыщите себе иного осведомителя.

Я повернулся и гордо покинул офис. Хоть это могу себе позволить. Спустился вниз и подошел к своему форду. Так и

стоит тут, никто не спер, и не потому что все честные, а оттого, что такая развалюха может только навредить похитителям. Но вот, что они упустили – это магнитолу. Я подозвал какого-то мальчонку иммигрантского вида.

– Видишь эту штуку, козлик? Сколько дашь за нее?

Малыш сунул мне двадцать баксов и мы разошлись, причем он унес магнитолу, а я отправился в бар неподалеку.

Я мирно уминал гамбургер, запивая вином и пивом, думая, с какими гнидами меня свела старуха-судьба – а ведь так надеялся на какой-нибудь позитив. Блэйр вообще пакостник, а Ребекке Коэн лучше бы яйца прицепить и считаться мужиком.

И вдруг меня посетила мисс Коэн, легка на помине. Ну, просто кругом слежка.

– Извините, мистер Шигимонт, что так получилось. Мистер Блэйр действовал из лучших побуждений.

– Для меня он Хэм. А я – Ник. А вы – Бекки. Точно?

Она сразу согласилась.

– Я прочитала твои сценарии, Ник. Все отлично, развлекательно, занимательно, за небольшими исключениями. Я сделала Хэму втык, пусть занимается предвыборными делами в свободное от работы время.

– Ого, ты можешь делать ему внушения. А ставить на вид и объявлять выговор с занесением?

Мисс Коэн вполне уловила мою феню.

– Я могу ему делать внушения, потому что мы совладельцы. Кстати, он согласился со мной. Давай все же пообщаемся на тему сценариев. Сейчас мы кое-что с тобой утрясем. Потом я отправлюсь к Блэйру и выбью из него контракт.

Мисс Коэн тоже захотела в игре "Секта" поменять черных и цветных сектантов, весь колдовской интернационал – водуистов, лам и брухо – на правоэкстремистскую белую организацию с религиозной ориентацией типа секты Кореша. Ладно, если дама желает, пусть так и будет. Правда, я приметил, что деловая женщина иногда пытается все-таки забросить удочки на предмет моего знакомства с осточертевшими мне экстремистами. Но я это списывал на издержки избирательной компании крутого либерала Блэйра.

Балабонили мы балабонили и, никто нас к тому же не выгонял, хотя я давно уже все съел и выпил. Впрочем под конец мы немного расслабились с помощью сладенького ликера – в этих краях таки сильно чувствовалось французское влияние.

Под конец она, впрочем, опять заговорила о моей жене. Однако это было сделано с достаточным тактом и элегантностью.

– Нам нравится, Ник, когда у нас работают люди, не

отягощенные большими личными проблемами. Мы, в самом деле, непрочь помочь тебе, и в лечении жены, и в расследовании уголовной стороны этого дела. Я знаю, многие имигранты не желают и бояться связываться с полицией, опасаясь предвзятого отношения и мести со стороны одноплеменников. Мы же, как натуральные канадцы, были бы тут кстати.

– А с чего такая забота?

– Но ведь мистер Блэйр говорил, что он политик и либерал вдобавок. Я в принципе тоже. Между прочим, буду его помощником и по предвыборной кампании. Ты, кажется, к либералам относишься не очень. А мы сможем тебе кое-что доказать и показать… Так где все-таки нашлась твоя жена?

Послать, что ли, мисс Коэн вместе с ее вопросом подальше русской бани? Или же мне пора искать союзников и требовать открытия "второго фронта"?

– У реки обнаружилась… неподалеку от зернового элеватора.

– Кроме того, что она была накачана наркотиками и перевозбуждена, имелись ли еще какие-то особенности? Может, следы сексуального насилия?

– Точно не знаю… У нее в районе крестца был микрочип, с проводками уходящими к позвоночнику.

– Микрочип?– тут даже сдержанная мисс Коэн продемонстрировала округлившийся рот и слегка отвисшую челюсть.

– Ну да, как у терминатора. Врач оповестил, что не знает пока, как его убрать, чтобы не навредить и не рассердить Гиппократа. Надо дескать изучать, изучать, изучать, а это опять же в баксах выражается. Я как-нибудь догадался, за чем дело встало… И, между прочим, я уже не раз встречал людей с такими аппаратиками. И все они были страшные обалдуи.

И я рассказал про микрочип у якобы порядочной дамы Женевьев Жильбер и у Оксаны, которая сильно смахивала на бездомную собаку. Умолчал, конечно, про интимные детали того и другого знакомства. Однако Ребекку Коэн я не провел.

– Ты вступал с ними в связь? Иначе как бы ты добрался до их крестцов?

– Ну, вообще было дело,– мужественно признался я, заиграв желваками.

Деловая дама оказалась дотошной.

– И легко это у тебя? Я про секс.

– Тяжело, с скрипом. Впервые со дня вступления в брак. Я немного пошел вразнос, с тех пор как у меня начались заморочки с женой из-за Усманова и его "Computer's world"… Ладно, это личное. Ты же не станешь обсуждать свои подобные дела… Давай

лучше про "Marine Computer Systems". Я установил, что эта компания – головная для фирмы Усманова и распоряжается всеми его программными продуктами. Изъятие "Секты" имело какой-то смысл для MCS. Ведь у персонажей игры имеются вполне реальные плотские двойники в нашем совершенно неигровом мире. Вот это действительно жуткие люди, в отличие от каких-то правых-неправых экстремистов. А поскольку именно я придумал Будильников с чипами, то MCS рано или поздно попробует вычеркнуть меня их списка живущих…

– Ты говоришь об этой MCS, как о преисподней.

– Это в самом деле серьезная контора, достойная моего страха и ужаса. Ну подумай, кто мог смонтировать микроаппарат на госпожу Жильбер? Она же не бродяжка, не иммигрантка. Почему она так скрывает MCS? А потому что трусит. Почему MCS орудует исподтишка и втайне? "Computer's world" вообще была как прикрытие – даже не фиговый листочек, а настоящий гульфик, простите за сравнение. Это означает, что MCS затевает большое и хреновое дело.

Мисс Коэн слушала внимательно сбивчивые речи, но степень сочувствия моим мыслям не поддавалась учету.

– А твоя жена имела какое-то отношение к MCS, хотя бы через Усманова?

Опять неприятная тема, но что толку брехать?

– Могла иметь через эту гниду… но насколько тесное отношение – я не в курсе.

– Ник, чтобы копать под MCS надо вначале пособирать материал. Тут полиция действительно может и не управится. Сперва я хочу взглянуть на твою жену, давай съездим в эту клинику.

– Благое желание, да только вас не пустит дальше порога доктор Деларю – он не очень-то мне нравится. Вдобавок моя супруга,– если у нее вдруг случится проблеск сознания,– будет недовольна, что я уже под ручку с другой дамой. Рита же не знает, что между нами ничего нет, кроме чисто человеческих симпатий.

– Слушай, Ник,– сказала она,– посиди еще тут. На тебе двадцать долларов – да ладно, давай по-русски, без всяких церемоний – подожди меня за рюмкой, а я забегу к Блэйру ненадолго. Мы махнем, куда надо, но вначале мне санкцию получить надо. Мы все-таки с ним коллеги.

Она вернулась через час с какими-то пакетами.

– Блэйр согласился, но ему, конечно, под это дело правые экстремисты нужны,– сообщила мисс Коэн.

– Будут ему и правые экстремисты, и левые уклонисты, и

троцкисты, и гегемонисты – все, что есть в меню. Навесим ему лапши на уши, или как это по-английски звучит.

Строгая мисс Коэн меня не одобрила.

– Мне экстремисты тоже нужны, Ник. Это реальная сила. А в твоих сектантов я не очень-то поверила. Но в MCS есть, действительно, какая-то загвоздка. Мы весь час происками эту фирму по компьютерной сети. То есть, по электронному адресу выясняли местоположение.

– И облом?– спросил я по-русски.

– Да,– откликнулась она и тут же поправилась.– Ты сказал что-то?

– Ну и нашли вы?

– Как же. В "Супернете" на узловом сервере известен только пароль пользователя, с которым ведется обмен данными. Можно, конечно, узнать номер пользовательского телефона, если добраться до сервера и подключить определитель. Но и дальше возникают вопросы. Пользователь, скорее всего, является абонентом мобильной сотовой связи. И, чего доброго, этот абонент не терминал, а всего лишь ретранслятор. Кто и как с ним общается, это нам, конечно же, будет непонятно. Естественно, что через бюрократические инстанции можно разыскать офисы MCS и в Штатах, и в Канаде, но это потребует времени, серьезных обоснований и я уверена, с бумажками у этой фирмы все в ажуре… Ладно, сейчас мы махнем в психушку. Представишь меня как компьютерщика, который может протестировать этот чип. Аппаратура у меня с собой.

– Но ты разве разбираешься в электронике, Бекки?– посмел усомниться я.

– Я изучала компьютерные науки в университете.

– Вопрос исчерпан.

В самом деле, почему все должны быть такие же неучи, как и я?

Я помог даме донести пакеты до ее "кадиллака". Увесистые, с чем-то довольно длинным внутри. Машина тронулась, такая же объемная, как и мой форд, только куда более сильная и ловкая. В чем-то она смахивала на мисс Коэн. Женщина была статной и к тому же рыжей. Предыдущие же мои дамочки были маленькие черненькие, как Рита и Женевьев, хотя и отличались по комплекции. Несмотря на то, что мы с Бекки как бы стали накоротке, чувствовалось, что лишнего она не допустит и вообще самцы для нее играют нулевое значение. Особенно самцы вроде меня. Она, наверное, была хорошим товарищем и коллегой, но только для таких сухофруктов как Блэйр.

Сейчас я узнал от нее, что психиатрических лечебниц в

городе несколько. Дурдом на Чэйнсери-лэйн, где оказалась Рита, был не муниципальным, а частным, однако принимал больных, оплачиваемых из разных правительственных фондов.

Сейчас я мог оценить архитектуру психушки – это был мрачновато смотрящееся кирпичное здание в стиле викторианской неоготики. Мы подъезжали со стороны правого крыла, когда от левого вдруг отъехал белый микроавтобус. И тут меня посетила, вернее поразила мысль.

– Давай за этой машиной. Там Рита. Деларю догадался, что я могу предпринять резкие действия, поэтому увозит ее.

– Ты уверен?

– Больше чем.

Я окончательно запсиховал. Если бы мисс Коэн не повернула бы сама за микроавтобусом, я бы попробовал выкинуть ее из "кадиллака". Но она как будто поддалась моему психозу и стала пристраиваться вслед за белой машиной.

Возможно, ее пассажиры заметили нас сразу, но не подали виду, не начали вилять, не прибавили скорость. Микроавтобус ехал вдоль реки, потом свернул на одну из окраинных улочек. Сделал один поворот, другой, третий. Петлял он по имигрантскому районичку, где кругом лавчонки, ларьки, прачечные, забегаловки, мастерские.

– Три года назад этого квартала еще не было,– заметила Ребекка и глянула на пульт сканирующего приемника.– А микроавтобус, кстати, ведет какой-то странный радиообмен.

Она дала мне послушать радио на частоте 44 мегагерц. Какие-то попискивания, потрескивания, попукивания.

– Похоже на цифровую передачу данных – скорее всего с компьютерного терминала.

Автобусик свернул под арку, обильно изукрашенную арабской вязью. Подворотня была сквозная, поэтому он не задержался во внутреннем дворике – в отличие от нас.

Там располагалась контора какой-то мелкой фирмочки. Сцена была еще та: выкинутое на улицу барахло, осколки стекла, разбитый терминал, вдрызг расколоченный компьютер с торчащими волосьями проводов. А еще на асфальте валялся труп. Вдобавок два нехороших гражданина выбивали жизнь из старпера. А третий хватал девчонку лет десяти и куда-то волок, она же истошно вопила. Подстроено не подстроено, а надо реагировать.

Бекки протянула мне пистолет-пулемет "Узи" с лазерным целеуказателем, видимо, выудила его из пакета.

– Флажок установлен на стрельбу очередями.

Сама дамочка решила воспользоваться помповым ружьем

"Ремингтон", справедливо полагая, что эта система мне не знакома.

После этого мы высыпались из "кадиллака" и укрылись за его капотом.

Одного бандита удалось сразу снять, мой лазер ослепил его правый глаз, куда я и влепил пулю. Но второй закрылся стариком, полагаясь на наш недюжинный гуманизм, и стал толково нас обстреливать. Позиция у нас была не ахти, никакого приличного прикрытия. Я стрельнул так, что пуля свистнула возле уха старика, тот естественно рванулся в сторону и подставил под свинцовое зернышко голову второго разбойника. Третий бандит приложил дуло револьвера к виску девчонки. Вид у него был сосредоточенно-дебильный, похоже это был дегенерат, так называемый "оловянный глаз" из числа сектантов. Этот тип, ясное дело, переживать не станет ни в коем случае.

– Спокойно, не нервничай, все будет как ты захочешь,– сказала ему Бекки.

Ну, сейчас он такого захочет и завоображает.

– Кладите пушки,– велел сектант.– И выходите из-за машины.

– Обязательно,– Бекки бросила помповое ружье, а я стал осторожно опускать свое оружие, одновременно шныряя глазами насчет того, чем воспользоваться.

Когда пистолет-пулемет "Узи" оказался на земле, сектант резко направил револьвер в сторону моей головы. Но я уже оценил ситуацию – и отмочил прыжок с переворотом в сторону мусорного бачка. Довольно неплохо получилось. Когда выстрелы дебила уже начали прошивать металл, Бекки успела подхватить свое помповое ружье. Пуля большого калибра разворотила бандиту дыхалку.

Я аккуратно пошел ко входу в разгромленную контору, перевернул "оловоглазого" на живот и сорвал с его крестца цилиндрик верхнего микрочипа. Потом вытащил складной нож, чтобы вырезать все остальное. Но тут меня схватила Бекки за руку и потащила в свой "кадиллак".

– Полиция будет здесь через пять минут, мы же не в нынешней России.

– Но этот кипиш неспроста случился!

– Потом разберемся,– она затолкнула меня в машину.

Мы проехали через подворотню, следом за микроавтобусом, однако несколько минут спустя, так что его и след простыл. Бекки покрутила настройку своего приемника, однако никаких интересных передач не засекла. Тогда "кадиллак" свернул на трассу, тянущуюся вдоль реки Сент-Джеймс, и покатил обратно. Я поскрипел зубами от неудачи, чуть слезу не сронил, а потом

разжал нагревшиеся десны и спросил мисс Коэн:

– Ты куда едешь?

– На Чэйнсери-лэйн, в район клиники. Уверена, что Риты в этом микроавтобусе не было. Тут ведется довольно хитрая игра… не знаю как мне втолковать об этом Блэйру. Одно выдается за другое. В медицинской машине зачем-то компьютерный терминал, а вот жена твоя совсем в другом месте.

– Ты думаешь, она еще в клинике?

– Очень вероятно, что ее увезли, только на другой машине.

– Зачем долго убеждать Блэйра? Он что кретин несносный? Вот половинка имлантируемого сектантам устройства,– я показал чип.

Напарница вдруг развеселилась.

– Когда ты занялся штанами дохлого бандита, мне пришла мысль, что мой напарничек – некрофил или педик.

– Сами вы педики, я с него шкуру спустить хотел… Не удалось даже выковырять целиком аппаратец. И теперь поведай мне, как боевому соратнику, кто вы такие на самом деле? Почему у тебя с собой пистолет-пулемет и помповое ружье? Только не говори, что они случайно в ридикюле завалялись и ты помешиваешь ими макароны в кастрюле. Отчего, в конце концов, вы с Блэйром заинтересовались моей скромной персоной? Зачем с упорством достойным лучшего применения выискиваете каких-то правых экстремистов. Вам что зарплату и премиальные именно за это платят?

Мисс Коэн помедлила, я думал даже, что она может пальнуть мне в тыкву из какого-нибудь крохотного пистолетика, скрываемого в бюстгальтере.

– А ты классно стреляешь, Ник.

– Когда мне было двадцать, я вместо того, чтобы тискать девушек, шмалял из всех стволов по мудакам в тюрбанах… Но не заговаривай мне, пожалуйста, зубы. Менты вы или бандиты?

Бекки переключила свой приемник на какую-то музыкальную волну и заголосил Элвис.

– Мы с Блэйром из ФБР,– дамочка махнула каким-то солидным удостоверением, где присутствовал ее фотопортрет.– Усманов давно у нас на примете, как мошенник международного класса. Ты, Ник, попал нам в поле зрения после того, как мы заинтересовались автором игры "Вторая гражданская война в Америке".

Ну и ладно, не обписался от страха. Я и так догадывался.

– Значит, со мной дружит американская охранка; но хорошо хоть, что не ЦРУ, которая убивает президентов в Третьем Мире, тех, что наступили на ногу корпорациям – Лумумбу и Альенде я

ей точно не прощу… А компьютерная фирма "Stairway to heaven Ltd", получается, только крыша для сотрудников в штатском.

– Это настоящая работающая фирма. Я действительно изучала компьютерные науки в MTI <$F Массачуссетский Технологический Институт>.

– А почему мы решили удрать от полиции? Нам полагается наказание за перестрелку в подворотне? Колись, Бекки.

– Согласно канадскому законодательству такое применение силы было вполне адекватным ситуации. Но могут возникнуть дополнительные вопросы, касательно, например, владения оружием и моего статуса. А в результате произойдет утечка информации, допустим, в прессу… Ну, я тебя успокоила насчет юридической ответственности?

– Мисс Бекки, я тронут заботой о моем душевном покое. Скоро я успокоюсь навек.

– Тогда признайся уж, перестрелка в иммигрантской общаге твоих ручек дело?

Ну, коли пошла такая пьянка, раз у нас день открытых дверей…

– Да. Усманов увез Риту и я нашел ее там в совершенно невменяемом состоянии в руках у большого черного Чаки и его обезьян. У них, между прочим, было оружие.

– А откуда взялось оружие у тебя?

– Дала Хелен Федорчук, преподавательница местного университета, у которой жила Рита.

– Хелен Федорчук… Проверим позже. Но ты точно не убивал Усманова?

– Ну разве что во сне. Сдался он мне, поганец. Его прикнопили другие – в том числе и для того, чтобы держать меня на коротком поводке. За этот поводок "доброжелатели" из MCS могут дернуть в любой момент. Раз и я захрипел. Я им в вольно разгуливающем виде не особливо нужен.

– Об этом мы тоже подумаем. Тебе не придется пока что возвращаться на свою дачу… Впрочем, Блэйру это не слшком понравится.

– Как он мне надоел, да закусай его бычий цепень.

6. Подглядывание не порок, если есть глаза

Психушка при более внимательном рассмотрении оказалась совсем уж мрачной – потемневший кирпич, узкие стрельчатые окна. На этот раз мы выписали кривую к противоположной ее стороне, где имелся черный вход-выход. Поблизости лепились рядком только ухоженные одноэтажные домики. Бекки поспрашивала всех встреченных граждан насчет машин и женщин, выезжавших из клиники, с обеих ее крыльев: и паренька, ковырявшегося в мотоцикле, и даму с коляской, и почтальона, и посыльного. Наконец, нарвалась она на какого-то пенсионерчика, подстригавшего живую изгородь – ему запомнилось пять или шесть машин, их марки, модели, цвет. Женщин, а тем более взволнованных дамочек ему заметить не удалось – потому что бабоньки интересовали его куда меньше, чем автомобили. Это меня, честно говоря, не вдохновило. Мисс Коэн заметила мой убитый вид.

– Мы все-таки движемся, Ник.

– Да, молекулы еще движутся, но душа уже окостенела, как при нуле градусов Кельвина… Понимаешь, Рита стала ломаться уже в Канаде, наверное, оттого что я придумал себе какое-то житие-бытие, которое целиком ее не устраивало. Но еще в Израиле она была стойкий оловяный солдатик… Вот зараза, опять вспомнились эти оловяные глаза, которые ласково паляться на меня, словно на кусок вкусной жирной колбасы… Стоило переться через семь тысяч километров, чтобы стать чем-то вроде воробышка, ищущего где бы клюнуть зернышко и не попасться при этом кому-нибудь на зубик.

– Расслабься, Ник. Зато здесь ты можешь в два счета заделаться миллионером или кем-то похлеще.

– Например, Майклом Джексоном… Стал бы еще быстрее, если бы захватил с родины килограммчик красной рути или рения там какого-нибудь.

– Ладно, Ник, не перегибай палку. Иначе я тебе посоветую обратиться в какую-нибудь ночлежку за тарелкой супа и носовыми платками.

Я понял, что перегнул по части нытья и могу потерять много очков в глазах напарницы.

– Хорошо, завязал, Бекки. Я как монумент. Мы с тобой как конный памятник со всадником и змеей под копытом.

– Работа продолжается, Ник. Мы сейчас едем к дому этой

самой Хелен Федорчук. Там ты займешься настоящей шпионской работой, то есть будешь следить за всеми людьми и машинами, которые будут приезжать и отъезжать…

– Надеюсь оправдать высокое доверие ФБР неустанным шпионским трудом.

Я, кстати, некоторые менее важные фразы по-русски говорил и мне все казалось, что гражданка Коэн кумекает по-нашему.

– Ник, я попробую в то же время объяснится с Блэйром и немного разобраться с этим микрочипом. Ну-ка, протяни ладошку и отдай его.

Мне нужна была эта штука для доказательства того, что я не гнусный выдумщик, но я отдал ее – потому что кроме Бекки доказывать было некому.

– А вот это в ответ, Ник. Алаверды, как говорят русские.

Она протянула мне портативную рацию и прибор ночного видения.

– Как только появится один из тех автомобилей, который описал старичок, сообщи мне. И вообще обращай внимание на все контакты мисс Федорчук.

Я обращал внимание на все контакты, в основном, из мусорного бачка. Есть тут такие пластиковые гробы. Я и засел в один из них. Пару раз кто-то хотел швырнуть на меня какую-то гадость, но я изо всех сил держал крышку. Примерно также держатся за дверь кабинки в общественном туалете.

Первое время ничего интересного и даже занимательного не происходило. Госпожа Федорчук отправлялась на работу и возвращалась с нее, навещала магазины. Вечером к ней наведался мужик, с виду университетский профессор, но он уже через час убрался и его машина была не из тех, что узрел зоркий пенсионер. А вот в десять вечера к Хелен явилась женщина. Интересная женщина, похожая, кстати, на мисс Коэн своей монументальностью, хотя автомобиль у нее опять был не тот. Честно говоря, что-то меня подвигло вылезти из своего укрытия и взглянуть поближе.

Я перебежками домчал до стены дома, потом с помощью подпрыгивания стал заглядывать в окна. На первом этаже было безлюдно. Но тут подвернулось какое-то дерево. Клен кажется – национальный канадский ствол, подходящий для лазанья. А потом я стал разглядывать окна второго этажа, тут мне и темнота не помеха и легкая занавеска тоже. При моем-то инфравизоре.

Эти две дамочки контактировали весьма интимным образом. Вначале наседала щуплая Хелен, зачмокивала свою партнершу повсеместно, лезла носом в интимные места. Затем напарница распалилась и буквально смяла мисс Федорчук, я думал еще

немного и разорвет ее на кусочки. В качестве контрацептивного средства эти вакханки-лесбиянки использовали искусственный хер, размером с хороший банан. Страсти закончились в полночь и вторая дама поспешно удалилась.

Если даже это все, что мне удалось подглядеть, то все равно поучительно. Сколько же изобретательности проявляют люди по совершеннейшим пустякам!

А в час ночи пожаловал еще один гость – когда я уже вернулся обратно в бак. Около дома, вернее на противоположной стороне улицы, остановился черный спортивный "порш". Оттуда вышел человек наружности неканадской и прошел к мисс Федорчук. Может тот самый Эминов. Еще один жлоб остался толкаться на улице – тут уж на дерево потихоньку не заберешься. Максимум, что я могу – это рассмотреть номер машины.

Я еще часа три просидел в бачке. Похоже, что гость активно работал с мисс Федорчук, причем без всякой интимности. По-крайней мере, свет в окнах на втором этаже горел во весь опор. Видимо, неутомимость Хелен одинаково проявлялась во всех областях. В общем, они почти уморили меня своей работоспособностью, когда, наконец, Эминов появился на выходе и укатил вместе со своим кунаком.

Суждения и наблюдения я передал по радиоканалу, после чего зевающая мисс Коэн разрешила мне сняться с поста.

Я выбрался из мусорного бачка как моряк из подводной лодки и побрел по пустынной улице, вымоченной бледным светом вывесок и фонарей. Вроде стоило порадоваться, что появилась какая-то зацепка. Но все равно паршиво было, потому что неначем и некуда спешить.

Да, на какое-то время мои интересы сошлись с интересами мисс Коэн и возможно даже Хэма Блэйра. Но завтра, когда станет ясно, что правых экстремистов тут не прицепишь, новые друзья отправят меня как использованную туалетную бумажку в надлежащее место и нажмут педаль спуска воды. Жулики из MCS меня удачно вымазали, а господа из ФБР воспользуются любезно предоставленными мной показаниями. В итоге, полиция приклеит мне мокруху по делу Усманова, ну и само собой навесит наглого африканыча, которого я уделал в общаге. Это уже два трупака. А как непринужденно фэбээровка Бекки предоставила мне пистолет-пулемет, чтобы я хлопнул еще двоих? Они были гадами, но их тоже запишут в мой актив. А что мне сказать в оправдание – оказывал, мол, братскую помощь.

Рядом со мной легонько скрипнули тормоза "кадиллака" и почти бесшумно распахнулась дверца.

– Присоединяйся,– сказала мисс Коэн,– не мог что ли

посидеть в мусорном бачке еще пять минут. Обиделся, да? Но ведь совершенно не по адресу.

Ночевал я в ее "кадиллаке", вернее в гараже того дома, где жила Ребекка. Она объяснила, что мое блуждание по улицам могло бы нанести ущерб нашему общему делу. Однако пригласить меня в свои палаты каменные дамочка не решилась – мы еще не были достаточно знакомы, как выразилась она.

Возможно она ожидала появления Блэйра или кого-нибудь еще. Или мы познакомились бы как следует, только свалившись в одной бочке с Ниагарского водопада.

А кроме того многие местные господа считают, что русским и так сойдет – и мисс Коэн не была исключением.

Блэйр в самом деле приехал – уже в семь утра и с час они там спорили. Я даже слышал, как Бекки пару раз весьма существенно повысила голос. Потом они уехали куда-то вдвоем, но вернулась мисс Коэн одна, уже к полудню и в другой машине, сером "шевроле". После чего сразу зашла в гараж.

– Черный "порш" действительно принадлежит господину Муталибу Эминову, натурализованному американцу, уроженцу города Назрани, СССР. Эминов возглавляет нью-йоркское представительство "MCS Corp."

– А Питтстаунское?

– В Питтстауне, судя по документам мэрии, находится штаб квартира MCS, причем командует фирмой мисс Хелен Федорчук.

– Ого-го-го. И где же находится эта штаб-квартира?

– В конторском здании в центре города, на Кингсроуд. Нам туда не проникнуть пока, но скорее всего там ничего интересного. MCS уже попадалась полиции вскоре после своего основания в 1991 году. Она тогда скинула большие суммы на счет фиктивной фирмы – чтобы "оптимизировать" налоги на прибыль. То есть организовала фирму, заключила с ней липовый контракт, перечислила деньги и сняла там под видом консультационных услуг. Попалась, однако успела большую часть денег увести дальше, на Каймановы острова, а благодаря хорошим адвокатам заплатила не очень чувствительный штраф. Вскрылись и другие делишки: невозвращенные кредиты, нечестные договора с парой госучреждений с завышением цен и выплатой на лапу чиновникам. Но как-то компания эта оправилась, и с тех пор всё было чисто.

– Значит, ингушские боевики начинали с отмывания денег, вырученные за какие-то ресурсы, переправленные с востока. А потом им простили, потому что, наверное, эти жулики выполнили нужную работу в интересах правительства США на территории экс-СССР: выкрали научно-техническую информацию, развалили

оборонное предприятие… Но вы хоть проследили за Эминовым и его "поршем"?

– Конечно же, не думай, что ты самый умный… И это кое-что дало. Поэтому вперед – есть что посмотреть и послушать.

– Вы, конечно, считаете русских неприхотливыми. И это мне льстит. В самом деле, я могу переночевать даже в куче дерьма, если она теплая. Но вот оставаясь без провианта больше полусуток, начинаю свирепеть. Набитый живот – источник добра, пустое брюхо – генератор зла и насилия.

И пришлось мисс Коэн привести меня в дом и потчевать овсянкой с беконом и кофе. Заодно она мне сообщила, что тестирование микрочипа показало пока одно – установлен там маленький УКВ-приемник. Это уж вообще фантастикой попахивало. Управление людьми по радио. В такое верилось с трудом. Скорее уж мои новые "друзья" из ФБР чего-то перемудрили… В любом случае, надо питаться, наворачивать.

Мисс Коэн рявкнула "хватит", когда я собрался принять душ. А потом она вытащила меня из туалета – едва успел портки застегнуть – и мы двинулись вперед.

В машине был ноутбук и всякая радиоаппаратура. Вначале на мониторе появилась карта города, на которая яркая синяя точка изображала наш автомобиль, проезжающий по Роуп-стрит. Как пояснила Ребекка, позиционирование нашего экипажа производится с помощью искуственного спутника.

На карте присутствовала и красная точка, которая была куда более размазанной, нечеткой, и даже напоминала кляксу.

– А это пятнышко, Ник, скорее всего, имеет отношение к фирме MCS. По крайней мере, оно источает весьма интересные сигналы.

Наша синяя точка, во всяком случае на карте, приближалась к красной.

– Как идет слежение за ним? Где-то порхает самолет АВАКС?

– Все проще, Ник. Через станцию сотовой связи мы определили сектор, где находится телефонный абонент, работающий в "Супернете" от имени MCS. Отсканировали его по частоте. Нашли трейлер, откуда названивает абонент. И определили, что оперирует он и в банковской компьютерной сети тоже. Однако, трейлер всего лишь являлся ретранслятором и принимал сигналы в УКВ-диапазоне, идущие с холма. А там курсировал и вещал знакомый нам белый микроавтобус, который мы быстро запеленговали. Потом сотовый абонент и источник УКВ-сигналов совместились. Отчего можно было догадаться, что микроавтобус въехал в трейлер. Но после того они заткнулись и мы их потеряли.

Красная точка на экране замерла. Мисс Коэн как раз притормозила и протянула мне бинокль.

– Ник, видишь черный "порш" на дальнем конце улицы?

– Еще бы. Я бы признал его и в черной комнате.

– Так вот, мы сумели своевременно отыскать этот "порш" и прилепить ему "жучок".

Из черного автомобиля с неторопливостью горца выбрался Эминов и прошел внутрь трейлера через грузовые двери.

Что-то начинает вытанцовываться. Большая рыба плещет хвостом неподалеку от наших сетей.

– Бекки, а на какую тему белый микроавтобус общался с банками?

– Мы с утра уже перехватили очень активный сеанс связи, проводившийся MCS. В этом деле участвовало порядка тридцати банков и финансовых компаний. Одни давали кредиты, другие хлопотали о правительственных субсидиях под разные проекты, третьи продавали гарантии крупных банков, четвертые предоставляли залоги под кредиты в виде различной собственности, материальной или интеллектуальной. Глянь-ка на экран, там как раз запись прокручивается.

Взгляд на экран лично мне ничего не дал. Какая-то ахинея, числа, кодовые словечки. Осталось только спросить по-чекистски прямо:

– И что, неужели все чисто?

– По крайней мере, сразу не подкопаешься. Мы же не знаем, например, настоящие там залоги или липовые. Другое тут важно. MCS в результате всех этих операций регулярно выходит на связь с важными и вполне определенными участниками финансового рынка. Все они составляют особую структуру.

– Что это за особая структура, мисс Бекки? С какими-такими определенными фирмами MCS общается по компьютерной сети?

Напарница была, кажется, довольна тем, что окончательно меня заинтриговала.

– Все эти солидные банки и компании заняты в процедуре "ролл-он". Они располагаются в часовых поясах нашей Земли так, что по окончанию операций одной компании – в пять вечера – в самом разгаре работа в следующей фирме. А финиширует ее рабочий день, то уже вовсю орудует третья компания. И так далее – вкруг всей планеты до бесконечности. Поэтому и называется эта круговерть "ролл-он". Операции относятся в основном к сверхкраткосрочным кредитам и нагорают по ним огромные проценты, до пятисот, до тысячи в годовом исчислении. Плюс занимаются "ролл-оновские" компании куплей-продажей разных валют, страхованием авиаперевозок, в общем теми делами, что

охватывают всего несколько часов и приносят сумасшедшие бабки. Такие сумасшедшие, что по соглашению участвующих компаний с правительствами значительная навара от "ролл-он" попадает на специальный резервные счета и лишь потихоньку, время от времени, пускается в дальнейший оборот.

– Но сама-то MCS не участвует в этом "ролл-он". В чем ты ее подозреваешь?

– Пока ни в чем осмысленном. Подозрительно лишь то, что она имеет контакты со всеми этими фирмами и то, что ее терминал находится в медицинском микроавтобусе, который заползает иногда в трейлер.

– Бекки, надо следить за ними в три глаза и мы обязательно чего-нибудь накопаем.

– Но именно этого не хочет Блэйр. У нас с ним стоит конкретная задача, и она совсем другая, поверь мне. Именно под эту задачу нам выделены время и деньги. Понимаешь, я должна сейчас выйти из игры.

Я сейчас готов был сожрать Блэйра сырым и с потрохами.

– Очень мило. Под какую же задачу вам выделены время и деньги?

– Права меньшинств, геев, иммигрантов из Азии, Африки и Латинской Америки. Мы защищаем тех, перед кем виноваты: китайцев, негров, арабов. Вспомни, как западные страны вывозили рабов из Африки и навязывали опиум Китаю.

Фу-ты, ну-ты, почему любая интересная и содержательная беседа рано или поздно прерывается какой-нибудь чушью?

– Вы бы сегодня поменьше сок сосали из Африки, Азии и Латинской Америки. Там на ваши корпорации люди за два доллара в день работают, чтобы ваш "потребительский рай" обеспечить, и дети тоже пашут от зари до зари, вместо того, чтобы в школу ходить… Геев-то чего защищать, они и так во все дырки влезут… А ваша защита на русских распространяется?

– Еще чего. Я вообще считаю, что после того, что нам Союз устроил, нечего сюда им въезжать, пускай сами у себя разберутся.

– Да не очень-то Запад дает нам самим разобраться. Крымскую войну развязал? Развязал, чтобы не дать России освободить православных от турок. Японию на нас натравил в 1904 году? Натравил. Не захотел, чтобы у нас были порты на теплом море. Царя помогал скинуть в 1917, чтобы Россия посыпалась? Помогал. Революционерам деньги давал?

– Это немцы, – отмахнулась Бекки.

– Февралисты-то с Англией были связаны и Троцкий из Америки приехал. А когда вы во Вторую Мировую до Нормандии добрались? Когда мы уже из Белоруссии на запад пошли. Небось,

ждали, пока русских погибнет как можно больше. Вот и сейчас ваши специалисты помогают "чикагским мальчикам" петушить нашу промышленность, чтобы рынок наш освободить для вашего хламья. Да пошли вы все.

Я выпрыгнул из машины и побрел, куда глазенки глядят. Но и двадцати шагов не протопал, когда "шевроле" догнал меня.

– Ты просто обижен на весь этот свет, потому что неудачник,– спокойно охарактеризовала мисс Коэн мое поведение.

– Конечно, угадала, я еще обижен на тот свет. Только с чего это мне быть неудачником? Видишь, какой молодой, красивый, умный, работящий, глазенки блестят. А не кола ни двора. И ни одна сука не борется за мои права.

Через полминуты я понял, что в чем-то ее убедил.

– Ладно, Ник. Мы еще поработаем. Я не буду ставить Блэйра в известность. Только время мое весьма ограничено. Я, можно сказать, включаю секундомер.

– Конечно, торопись, а то ведь бабок со мной не огребешь.

– Ну, это мы еще посмотрим.

7. Удар хвостом

Мы несколько дней плотно сидели на хвосте у трейлера, который был не столь вертляв, как появляющийся из его чрева белый микроавтобус. Ясно, отчего мисс Коэн пересела в "шевроле" из "кадиллак" – тот, наверняка, был уже на примете у стервецов из микроавтобуса. Впрочем, и сейчас от нас требовалась ловкость необыкновенная, чтобы не примелькаться.

Мисс Коэн показала себя неплохой компьютерщицей и радисткой. Она быстро сумела изобличить преступную сущность некоторых кодированных передач. Когда проходил сеанс связи с наиболее весомыми компаниями (ну, например, проводился возврат кредита), то в довесок к сообщению-свифту наши "подопечные" посылали кое-что напоминающее куски вирусных программ.

Скоро у умницы Бекки сформировалось мнение, что шайка, руководимая MCS, собирает большой компьютерный вирус, который должен как-то подобраться к спецрезервным счетам "ролл-оновских" фирм. Она объяснила мне, что технически это возможно, если операция хорошо спланирована и при изготовлении вирусной программы применяется передовая сетевая технология. А раз возможно, тогда речь идет о десятках миллионов баксов. Я даже взмок, когда понял это. Ой, в какую пикантную ситуацию мы попали. За десяток миллионов даже самый милый человек сделает из родного дедушки котлеты по-киевски. Трудно даже представить, что получится из дедушки неродного.

Компьютерный фокус, устроенный эмсиэсовцами, вот-вот должен был вызвать аплодисменты публики. Вирус в ближайшее время мог "ожить" и вцепиться в резервные счета. Осталось только дождаться файла-концевика. Насколько мы разбирались в этом деле, вирусная система уже впитала массу кодов и паролей. Как считала разумница Бекки, вирус в час "Х" должен был породить новую и, естественно, фальшивую информационную среду, в которой банковские компьютеры сработали бы самым поганым неверным образом.

Но неожиданно трейлер прекратил свои вредительские передачи и двинул за город.

Местность была довольно открытой и по шоссе катилось самую малость машин. Нарастали наши шансы засветиться. И похоже это, как ни юли, все же случилось. Впереди был перекресток, а деревья уже вплотную обступили дорожное полотно. И хотя со светофорными огнями все было в порядке, на

перекресток с поперечной полосы внезапно выпрыгнул бензовоз. Сообразительная Бекки и тормознула и развернулась, отчего ее "шевроле" чуть не лег набок. Все-таки вернулся бы он на все четыре колеса, если в приподнявшееся днище не долбанул другой автомобиль, ехавший сзади. Тут мы и перевернулись. Такое короткое слово, а столько в него вместилось. Удары, сотрясения, потрясения, выделения гормонов, в страдающем организме все жидкости и вещества подвергаются инерционным перегрузкам, нервные волокна несут отовсюду болевые сигналы. Если где-то небе хранятся слова, то слово "перевернуться" имеет там большой объем и вес.

Когда мы с Бекки стали выползать из автомашины, то встретили нас стволы. Прямо в мой рот уткнулось дуло сорок пятого калибра.

На меня пялился своими оловянными глазами чухонец Пека.

– Не дергайся, парень, а то скушаешь металл.

– Не сомневайтесь во мне, ребята. Я действительно не люблю кушать металлы. И поаккуратнее с дамой, это вам не Оксана.

Тут мне стали вязать руки – легкий трос, умелые морские узлы, в общем работа специалиста. Я успел заметить, что мисс Ребекке Коэн сделали тоже самое. Не хотелось бы, чтобы ее трахнули. Тогда Блэйр съест меня с говном, да и вообще неудобно, как будто я ее втравил в эту историю. Потом наблюдать стало нечего, потому что на глаза и рот легла клейкая материя. Впрочем, можно было следить за перемещениями собственного тела в пространстве с помощью вестибулярного аппарата и верхнего слоя кожи. Меня сунули в какой-то автомобиль, а потом перетащили в другой. По скрипу дверок и звуку мотора я догадался, что это фургон или небольшой автобус.

Первое, что я узрел воочию после периода затемнения – это обстановка лечебного учреждения. То есть, натюрморт состоял из непорочной белизны стен и потолков. Устройство койки и легкий запах лекарств также наводили на мысль, что я нахожусь в одноместной больничной палате. Однако решетка на окне и ничем не прикрытый унитаз в углу намекали на то, что это – камера заключения. Дверь тоже была заперта. Я быстро вспомнил, где естественным образом сочетаются больничная палата и камера заключения. В психушке. Я, похоже, радуюсь жизни в том самом месте, в коем заправляет Анти-Айболит, "добрый" доктор Деларю. Теперь в его коллекции и муж и жена Шигимонт-Микитовы.

Можно было еще поразглядывать другие малоприятные детали камеры-палаты – металлические плафоны, тумбочку, обитую поролоном, и табуретку, прикованную цепями к полу. А

вообще-то делать в этом совмещенном спально-санитарном узле было нечего. Попались мы с Бекки и всё тут – как куры в ощип. А ведь можно было уже сворачивать операцию и предоставлять информацию правоохранительным органам. Но мисс Коэн все боялась опростоволоситься перед строгим Блэйром. Бюрократы проклятые. Все им доказательства подавай. А еще недавно фэбээровцы не знали, то ли сажать меня за преступления против этнических меньшинств, то ли заниматься этими подлюками из MCS, которые хотят и бабки огрести, и побольше людей захомутать.

Я еще довольно вяло и вполголоса поругал этих подлюк, а потом дверь открылась и зашел доктор Деларю в сопровождении бугая-санитара.

– А я все слышал по долгу службы, так сказать. И ваши упреки во многом справедливы.

– Вы понимаете русский? Может, еще ботаете по фене?

– Изучал в свое время русский…

Загадочную фразу отпустил Деларю, не из этих ли он "врачей без границ", которые нам в Афгане пакостили.

– Так вот, я думаю,– продолжил медработник,– что надо было пораньше приступить к тесной работе с вами. Вы – наш человек.

Ну, пошла накачка. Надо как-то парировать:

– А тогда вы, доктор Деларю,– мой человек. Все мое – ваше и все ваше, коего намного больше,– надо полагать, мое. Я догадываюсь, доктор, что вы сотрудничаете с MCS, что соучаствуете в изготовлении этих компьютеризованных олухов – сектантов. Заранее скажу, что я не возражаю. Соучаствуйте на здоровье, только отвалите от меня и моих близких, уплатив компенсацию за моральный и материальный ущерб.

Доктор согласно совету какого-нибудь Карнеги втянул воздух носом и сплел руки.

– Ник, всё-таки вы настроены против, особенно после того, что произошло с вашей супругой.

– А вы хотели бы, чтобы я был настроен "за". Чтобы с улыбкой на устах варился в супе. И где Рита, черт подери?

– В безопасном месте. Возможно даже в клинике. Я хочу успокоить – она не подвергалась сексуальному насилию.

– Ага, значит, она занималась этим делом по собственной воле. Ведь ее волей владели вы. Хрен у вас выйдет то же самое со мной.

– Наоборот она полностью овладела своей волей. Она знает, к чему стремиться. А вот вы еще живете с шорами, которые пропускают в ваши глаза лишь узкую полоску света. И при такой подслеповатости вы еще несетесь во весь опор как бульдозер.

– Если я бульдозер, то вы танк.

– И я тоже подслеповат,– охотно согласился доктор.– В меньшей степени, но то же. Позвольте пару фраз из теории.

– Хорошо, только я в теории не силен, заранее говорю. Я ведь не Гарвардский университет кончал, а холодильный институт.

– Суть в том, что человек, увы и ах, остается без большого количества информации, каковую мог бы получить. Остальное отбрасывает его эмоциональный фильтр без всякого участия логики; он сразу определяет, что хорошее, приятное и что плохое, неприятное.

– Стоп. Откуда вообще взялся этот эмоциональный фильтр?

– Из веры, из суеверий.

– Хорошо, согласен. Но разве этот замечательный фильтр помогает нам строить и жить?

– Еще как. Он дает устойчивость вашему организму. Например, если проработав двадцать лет палачем, вы имеете хороший сон, то лишь благодаря такому фильтру. Благодаря ему человек ощущает себя не только правильным, но еще и значительным, приобщенным к большому долговечному и хорошему делу.

– Похоже, такого фильтра у меня нет. Я ощущаю себя просто микробом со жгутиками вместо рук и ног.

– Не лукавьте, Шигимонт-Микитов. Вы втайне считаете себя очень крутым.

– Пожалуй, да. Вы очень проницательны, доктор.

– Фильтр способен даже изменить восприятие внешнего мира, зрительную, слуховую, осязательную и зрительные картины. Фактически характер фильтра предпределяет судьбу человека.

– Толково, приятно слушать. Вы, наверное, как доктор, уже сообразили, что там надо поковырять в мозгу – для изменения фильтра в лучшую сторону. Или даже не поковырять, а подсадить управляющий микрочип. Угадал я?

Доктор Неболит нисколько не смутился.

– Толково, приятно слушать. Уверен, что мы с вами сработаемся.

– А я не так уверен. Благодаря всей вашей шайке-лейке у меня в кармане ни доллара. К тому же, вы лично меня обманули, пообещав вылечить мою жену и избавить ее от всяких управляющих чипов.

– Мы ее вылечили, она здорова.– отразил доктор.

Деларю нажал какую-то кнопочку на своих часах и зажегся экран в одном из углов палаты.

Мог я теперь полюбоваться своей женушкой. А вот где она

находится, поди пойми. Может, и в клинике. По крайней мере, в оранжерее, это точно. Небольшие деревца торчат в кадках, по бассейну плавают кувшинки, лианы и плющ свисают с карнизов. Я видел женщину, которая поливала и рыхлила землю, подстригала кусточки, что-то подсаживала и пересаживала. Все проделывалось тщательно, с любовью, с лаской. Меня это поразило больше всего. Даже сразило. Я ведь знал, что Рита терпеть не может возиться со всякой растительностью.

– Что вы с ней сделали, суки?

Я попробовал сразу выключить санитара и нанес ему убийственный удар в пах. Наверное, пах у него располагался не там, где положено. Не отреагировал медицинский боец на мой удар. В смысле, отреагировал не так. Его толстая длинная рука ухватила меня за шею и стала сдавливать ее, лишая грудь кислорода, а мозги притока крови. Все прочие мои тычки и пинки попадали словно в мешок с дерьмом. Потом была сирена, топот ног, меня схватили другие толстые, длинные, мышечно развитые руки и завернули, закрутили, спеленали смирительной рубашкой. Потом задница почувствовала иглу. Она сразу принесла тяжесть, вялость и дурноту, словно внутри меня образовалась какая-то гуща. Меня уложили на каталку лицом вниз, наверное, чтобы блевать было удобнее. В таком же виде мой организм переложили на стол в каком-то помещении, похожем на операционную. Там меня премировали еще одной инъекцией. Я полностью отключился как волевая личность, но при этом не выпал из реальности. Я слышал голоса врачей и вспомогательного персонала, кажется, электронщиков, понимал, что кто-то возится со мной, ковыряясь в моем крестце. Странное ощущение, ты догадываешься, что тебя режут, но тебе не больно и не обидно, как будто ты какой-нибудь пирожок с яблоками.

Заснул я уже после операции. Сон тяжелый навалился мрачный. Со мной что-то происходило, а я просто воспринимал, не имея ни мыслей, ни поведения. Какая-то малоприятная тварь торчала передо мной, она была похожа и на гражданина с паскудной рожей, и на паука одновременно. Я был вымазан в какой-то полуслизи-полупаутине, весь склеился, а гадостная тварь меня прокусила, наполнила пищеварительным соком и в итоге преобразила в слизневидное существо, которое хотело слипаться с себе подобными, поглощать их или делиться надвое.

А проснулся даже не в палате, а во вполне цивильной комнате неоготического стиля, с высоченными стрельчатыми потолками и узкими окнами. В окна потихоньку влезало закатное солнце и тени от мебели были неожиданно резкими и длинными.

Одну из таких теней отбрасывало кресло, в котором сидел

человек – спиной ко мне. Это что еще за тип? Я вырулил к нему спереди. Это был собственной персоной доктор Деларю, но дохлый. Покойник был даже не слишком свеж. Он хоть и гад, но мне не нужна провокация. Я подбежал к запертой двери и заколотил в нее кулаками. Долго стучал и обзывался, стараясь не смотреть на дохляка. Наконец, позади открылась еще одна дверь и вошел человек.

Его голос я сразу узнал. Доктор Деларю. Он шел ко мне. В кресле же никого не было. Мураши побежали по коже.

– С выздоровлением,– сказал этот совершенно живой ни капельки не подгнивший человек.

– А там-то что было?– я показал пальцем на кресло.– Кукла? Чтоб у меня в штанах мокро стало, а кто-то животик надорвал бы от смеха? Изголяетесь, значит. Игрушку, понимаешь, нашли в моем лице. Лучше бы расстреляли сразу.

– Никакая не кукла, господин Шигимонт-Микитов. Это ваше отношение ко мне. Вы теперь будете видеть свои чувства. Эта информация вам теперь доступна, пользуйтесь на здоровье. Таков теперь фильтр. Вам поневоле придется следить за своим эмоциональным состоянием. За своей верой. Тогда у вас будет правильно направленная воля.

– И тогда я сольюсь с чем-то как пиво с водкой?

– Послушайте, господин Шигимонт-Микитов, Слияние – это не какая-нибудь гадость.

– Не верю. Я ведь сам придумал это словцо.

– За что большое спасибо, мы всегда рассчитывали на ваши способности. Но и вы должны быть благодарны, что мы нашли им применение.

– Благодарствую, я еще способен не сидеть взаперти, а гулять сам по себе.

На эту реплику доктор почему-то не отреагировал должным образом.

– А гулять вам еще рано, господин Шигимонт-Микитов. Вот подправите фильтр, прозреете и пойдете. Научитесь видеть мысли, чувства, жизненные силы, может даже судьбу и тогда гуляйте на здоровье. Вы хотите увидеть улыбающуюся Фортуну?

– Каким местом она мне будет улыбаться, доктор? Не задним ли?

– Вы тогда зайдете к ней спереди. Вы сами выберете ту судьбу, которая вам нужна, а ненужную отдадите другому. Это и есть наивысшая свобода.

– Умеете вы зубы заговаривать. А где, кстати, мисс Коэн?

Доктор Деларю мановением руки включил еще один монитор. Там я увидел Бекки в компании Хелен. Экран есть

экран, но я, кажется, различал похотливый блеск в глазах мисс Федорчук – ясное дело, ее интересуют объекты того типажа, к коему относится мисс Коэн. Неприятно, но возможно именно этот факт продлит земную жизнь моей напарницы.

– Довольны, господин Шигимонт-Микитов? Ваша напарница в дружеской компании, ваша жена занимается ботаникой, ваш сынок где-нибудь на средиземноморском солнышке.

– Прекрасно, все пристроены, кроме меня. А меня куда?

Доктор Деларю перешел на русский, чтобы было доходчивее.

– Дивно устроен этот мир, в самом деле его Создатель постарался. Солнышко светит, травка зеленеет, зверье бегает, пернатые летают, рыбка плещется. И меж тем мириады существ, которые населяли и населяют эту планету, решают только две главные задачи: не сдохнуть раньше времени и успеть размножиться. И ничего другого. От микроба до человека не ставятся никакие более высокие цели. Правда у высшего разумного примата инстинкты выживания и продолжения рода дополнились некоторыми обертонами, но простая суть осталась прежней – уцепиться за жизнь. Даже самоубийцы, даже голые-босые аскеты хотят того же. Жить хотя бы в памяти ближних, жить хотя бы на том свете, размножиться хотя бы в информационном смысле.

– Вы имеете, что предложить взамен?

И тут доктор Деларю понес откровенную демагогию.

– Да, наши цели не совпадают с интересами отдельной личности, они выше ее. Нас интересует не конкретная жизнь, а общий жизненный поток, который не озабочен выживанием и размножением.

– Я кое-что слышал на эту тему, поэтому смотрю в корень – что вы собрались уничтожить?

– Цивилизацию.

Да, круто замешано. Паранойя на высшем уровне. Однако, достаточно вспомнить микрочипы, чтобы отметить хорошее техническое обеспечение современного сумасшествия. Я не порицаю доктора, ведь он столько времени работал со психами. Сапожник без сапог, а психиатр без ума.

– А что вам в ней не нравится?

– Всё нравится. Просто она подошла к концу и ее надо утилизовывать.

– Как это, к концу?

– Сколько ресурсов перемалывается зря, сколько сил уходит впустую – на недолговечные модные побрякушки, которые живут один сезон. Пародоксально звучит, но для Слияния всё готово: отдельные человеческие особи так зациклены на себе и в то же

время так похожи, так стереотипны в своем поведении.

– Отчасти согласен. Надо больше думать о других, о тех, кому не повезло. Скажите это парням с Уолл-Стрита, чтобы меньше выкачивали из Азии и Африки. И посмотрите, доктор, сколько еще есть людей, которые кладут жизнь на достижений высоких целей, сколько спортсменов, скалолазов, путешественников, которые торопятся рискнуть жизнью ради неведомого.

– Они торопятся попасть в медиа и участвовать в рекламных кампаниях. А начинают от скуки, когда успешно насытили внутренние органы и хотят внести свое имя в какую-нибудь книгу рекордов.

Вот поц. Я понимаю, вещал бы это какой-нибудь отшельник и аскет, а то ведь сидит передо мной мелкий субъект с ухоженной бороденкой и хитрыми жадными глазками.

– Религия, христианская я имею в виду, тоже говорит о личном спасении, и о продолжении отдельного существования в лучшем мире даже после смерти.

– А восточные, если вы в курсе, о растворении в абсолюте.

– Вы бывали в настоящих переделках, Деларю? Если бывали, то, наверное, заметили, что хочется и помочь товарищам, и в то же время уцелеть как особь.

– Я был военным врачем в специальном подразделении. В случае войны предстояло действовать на вашем Кольском полуострове. И я заметил, что в минуты сверхопасности человек отрешается от самого себя и начинает смотреть на все со стороны. И вы тоже наверняка это замечали, судя по вашей непростой биографии. Так вот, мы хотим, чтобы каждый существовал именно "со стороны", причем, не только в состоянии шока, но и всегда. Всегда. И тогда резко возрастет взаимосвязь каждого с живыми и неживыми элементами мира.

– Пожалуй, в этом что-то есть. Однако никоим образом не годится для массового и практического применения. Надо еще порабоать с теорией, доктор.

– Я так и знал, что ты меня поймешь, Ник.

– Ник? Мы разве уже подружились?

– Безусловно. Ты просто не заметил этого. Зови меня Клод.

У Клода зазвенело в пиджаке. Доктор-мудодей достал телефон и немного побормотал в него.

– Ну, Ник, ты – счастливый человек,– сказал он, завершая воспитательно-преобразовательную беседу.– Сейчас столь многое будет всплывать в твоей голове, появляться перед глазами, лезть в уши. Ты не борись с этим, иначе застрянешь над пропастью. Двигайся вперед.

Я подошел к окну.

– В движении вперед можно обойтись без бронебойных стекол? А, шеф?

Но шефа уже и след простыл.

Делать было практически нечего, ни тебе научно-популярных книжек, ни порнографических журнальчиков, ни телека. В такой ситуации ставить цели, задачи и вообще позитивно мыслить как-то не хотелось. Смеркалось, свет никто не включал, тени сгущались. Стало казаться, что мебель совсем не на тех местах, где была раньше.

Ощущение ужаса, желание броситься к двери и в то же время полное отсутствие воли. Просто как во сне-кошмарике.

Я посмотрел на ножки рояля и неожиданно они мне показались невероятно сексуальными. Я погладил клавиши – до чего же приятное ощушение.

Но потом я заставил себя отшатнуться. Я высвобождаю сновидению и неудержимо становлюсь ДРУГИМ. А хочу ли я становиться другим и черпать полной ложкой из новой бочки с дерьмом? А не дать ли мне деру отсюда?

Я попробовал взять стул и шарахнуть им в пуленепробиваемое окно. Не вышло. Венские стулья до одного были на крепчайших болтах и без ключа соответствующего размера не стоило к ним и подступать. Все тут было приклепано и посажено на цепь с замком: и тумбочка, и шкаф, и рояль-сука. Отломать его крышку тоже не вышло, она держалась на жутких стальных петлях. В общем, весь рояль был бутафорный, из стали, которую снарядом не прошибешь. Постукивание моего малогабаритного кулака по стеклышку ничего, конечно, не дало, также как и каратистские пинки ногами. Впрочем сейчас на ногах были не армейские боты, а легкие тапочки.

В общем бился я с металлорганическим стеклом, как Евпатий Коловрат, устал до такой степени, что слюна потекла.

Все, попалась птичка, стой. Я притиснул глаза к умопомрачительному стеклу. За бортом психушки текла нормальная жизнь. Я даже различал знакомого мне пенсионера, который опять-таки любовно стриг живую изгородь у своего домика. Везет же людям, была у гражданина честная работа, а теперь честный, хотя и несколько тупой отдых.

Вначале я позавидовал ему, а потом разозлился. Микроб же он. Человекообразный микроб в питательном бульоне. Вкусненькое поглощает, невкусненькое выделяет, задницу держит поближе к теплу, любит уют и все такое. Может, склепал пару ребятишек. И будут они такими же микробами, как и он. А я не буду.

И неожиданно преграда растаяла, и стекло, и стена. И даже

пейзаж за окном. Я видел только канатики из клейкой слизи, протянувшиеся от неба до земли, вдоль и поперек. По этим тяжам ползали слизневидные существа, соплевидные сгустки живого теста. Сгустки побольше втягивали сгустки поменьше, слипались и разлипались, выдавливали из себя гадость, делились пополам. Я теперь понимал, каков наш мир в истинном обличье и это вызывало законное омерзение. Я так хотел, чтобы дыхнуло огнем на всю эту дрянь.

Я полетел вдоль слизневых тяжей как электрический импульс. То есть, я конечно не знаю, что чувствует электрический импульс, когда разбегается по множеству проводков, но вот такое сравнение пришло на ум. Я образовывал стаю птиц. Они были лишь следствием моего движения, того изменения, каковое я производил в реальности и внереальности. Не будь меня, они мгновенно бы обратились в ничто, а так я задавал их судьбу, их время. Я озирал землю сверху, она до смешного была похожа на шлейф из хлебных крошек, тянущийся от полюса к полюсу, на бесконечную дорогу, уходящую в вечность…

Затем я как бы сорвался с большой высоты, разверзлась пустота в животе, поташнивать стало, в общем развезло…

Падение закончилось благополучно, я, чувствуя облегчение, очутился в каком-то темном зале, с широкими колоннами по сторонам. Впрочем у зала не было одной стены и в него просачивался довольно сумеречный свет. Я пошел ему навстречу и вскоре оказался в очень малоприятном мирке. Белесое плоское небо, корчиневые горы с совершенно вертикальными склонами, кубические белые холмы. Изведав минуту-другую полной растерянности, наконец въехал в ситуацию – я нахожусь в комнате, только стал слишком мелким, мышью что ли или какой-то другой крохотной тварью. А затем ощутил импульс, к которому принадлежал теперь. У меня были свои узкие тоннели, разрешенные и запрещенные пути, полюса притяжения. О, сыр и крупа, вечные объекты страсти, о бесчисленные серые подруги, источники вожделения, в вас мое бессмертие. Я и в самом деле мышь…

Потом я был стеной и шкафом, просто сквознячком. Вскоре я не мог разобраться, кто же я, что меня тянет и что отталкивает, я стал то ли всем, то ли ничем, как запутавшийся герой песни "Интернационал". Я никогда не исчезал, я был всегда и везде…

Потом зрение мое замутилось, как ветровое стекло автомобиля где-нибудь в Череповце, и я едва добрался до мягкой поверхности, чтобы опуститься на нее задницей. Когда взгляд прояснился, то первом делом вперился в работающий экран. Там показывали мне Бекки и Хелен. Мисс Федорчук что-то лопотала и

зыркала похотливыми глазами-блестками на Бекки. Та вела себя расслаблено, понимая, что от податливости зависит ее благополучие. Увы, обе бабы сейчас выглядели для меня какой-то пакостью.

Другой экран показывал жену мою Риту, она была грязной и оборванной, ползала в каком-то засраном подвале словно опарыш. Я понял, что эфир прямой. Но как не искал в себе жалость, ничего такого не нашел.

А затем спиной уловил, что не один. Обернулся и в самом деле – в кресле с высокой спинкой, что располагалось у окна, сидела мать. Как раз в той одежде, в которой ушла на последнюю охоту.

– Ты здесь? Значит, все обошлось. Хорошо, что ты добралась до этого хреновенького канадского городишки, который немногим лучше, чем Няксимволь – здесь тоже хватает шаманов.

Я подошел ближе. Какая там мать. Это была Хелен. Странно, что я их спутал.

– В самом деле, какая разница. Посчитай, сколько у тебя было мамаш за несколько миллионов лет?– предлагает Хелен.

Мне кажется это правильным. Наверное, я окончательно свихнулся.

– Как такие спорные суждения вылетает изо рта руководителя солидной фирмы?

– Более чем солидной. С полудня мы обладаем многомиллионными активами.

– Значит, ваш вирус урыл "ролл-оновские" фирмы, мисс Федорчук?

– Первая часть операции завершилась, Ник. Мы резко приблизили Слияние.

– Как же вы, мисс Федорчук, рассуждаете о Слиянии после этих лесбийских штучек.

Хелен отреагировала на упрек спокойно.

– Эти кроватные выкрутасы только для прорыва. Если что-то тебя сдерживает, прорвись.

– Отлично. Я непрочь прорваться к вам. Может, юркнем в койку?

Мисс Федорчук рассмеялась сухим почти старческим смехом.

– Вам, Микола, вам это не для прорыва надо, а чтобы взять меня под контроль.

– Да, ладно не напрягайтесь, Хелен. Во мне же одна духовность осталась.

Но тут меня поймал импульс и я кинулся на эту тетку. Даже что-то сорвал с мисс Федорчук, кажется блузку. Но мне своевременно пшикнул в физию газовый пистолет и я хорошо

поплыл.

А перед внутренним взором опять замаячило материно лицо. Умеют, суки, работать. Не зря этот микрочип мне в крестец впился. Но такие мысли недолго меня доставали.

Я ловил ее руку, руку матери и просил прощения. Лицо матери нахально сменялось физиономией Федорчук, мордой медведицы, кустом сирени, обглоданным черепом, сухим пнем.

– Поэтому мы тебя выбрали, а не прикончили.– донесся трескучий даже искрящийся голос Хелен.– Ты живешь с нами в одном лесу. Ты составляешь вместе с нами один лес, оттого твои идеи нам очень помогли. Придумав "Секту", ты как бы дал нам план действий…

В следующее просветление я нашел в своей комнате всю сектантскую шатию-братию, включая Пеку и Оксану. На этот раз их физиономии мне показались симпатичными, даже родными.

– Ну вы пришли вовремя. Надеюсь, я стал относиться к вам лучше не из-за микрочипа, а потому что вы умылись и причесались.

Мы уселись на ковре в кружок, взялись за руки и сразу все понеслось. Никто не приставал с заданиями, не лез с наставлениями; я знал, что делать. Ковер пророс цветами, стебельки и травинки щекотали голые ноги. Потолок стал подниматься, а мы начали опускаться. Я видел, что из ковра-лужайки торчат только головы, какой-то цветок щекотнул мне нос, я чихнул, а затем настала мгла. Мы были уже под землей. Иногда легкие всполохи позволяли увидеть чернозем, белесые корешки, червяков и куколок, кротовьи ходы. Следом наступили гранитные немного мерцающие толщи, дальше базальтовые, глянцево-черные. Потом была тьма, слегка подмазанная багровым излучением, в ней принялись мелькать лица и тела, они теснились все кучнее, быстро утончались, делались струйками, голоса превращалась в назойливое жужжание.

И наконец остались только вихри, искрящиеся разрядами вихри. А еще ниже стихли и вихри, была только потрескивающая пустота, впрочем присутствовали какие-то скрытые и мощные течения.

Потом я перестал их чувствовать, и сразу в меня вошла вся мощь и многомерье вихрей, и миллиарды лиц и тел, и хлопотливая жизнь корешков, червяков, бабочек, мышек, птичек. Я сразу оценил их убогое житие: еда, выделение, размножение. Но то были всего лишь вектора, по которым напирала жизнь. Стали ясны клавиши, на которых играли "владыки судьбы". И вся эта жизнь, созданная порождающей силой времени, и все машины с инструментами, созданные энергией сознания, двигались к

порче, распаду, разложению, съедаемые уничтожающей силой времени. Сейчас мы могли подвинуть этих "владык" и занять их места. Мы сделаем так, что миллиарды клеточек-особей, в которые вливается жизнь, заощущают себя частицами целого и будут сознательно служить общим целям. Вот тогда и уничтожающая сила времени будет превращена в порождающую.

Потом словно на лифте я проехался вспять, в исходную комнату. Все члены нашей команды поднялись на ноги, выдохнули и отправились в подвал. Там нас стало уже двадцать. Мы начали брать из ящиков оружие. Я подхватил автомат "Интерармс" 7,62 – это что-то вроде Калашникова – с лазерным целеуказателем и подствольным гранатометом. Люблю увесистое оружие. Скрепил клейкой лентой три магазина. Пека взял автоматический гранатомет, крупногабаритная Оксана – крупнокалиберное помповое ружье. Потом мы принялись переодеваться. Одни напялили белые халаты медработников, другие – синие спецовки техперсонала. Негры и желтолицые натянули на головы черные маски. Я облачился в спецовку и вместе с еще шестью товарищами уселся в фургончик с надписью на борту "муниципалитет Питтстауна". При этом я чувствовал почти физически, что меня как стакан наполняет новая сила и новая воля. Я ощущал себя кровеносным сосудом большого и умного организма.

Мы двинулись от клиники к центру города и остановились возле старого и приметного конторского здания на Кингсроуд. Построили его еще в сороковых годах, здесь обосновались филиалы и даже штаб-квартиры известных и крупных компаний.

Кстати, когда мы подъезжали, я заметил, что с четырех сторон у двадцатиэтажного дома пустое пространство: площадь, автостоянка, еще одна автостоянка, небольшой скверик.

Мы оставновились не с фасадной стороны. И вошли через служебную дверь, пронося оружие в ящиках для инструментов и под мешковатой одеждой. Сонный охранник ни одним усом не шевельнул. Дальше мы разделились. Я вместе с Пекой переместился в сортир последнего этажа, где мы достали оружие, я свой "Интерармс", он – коротенький пистолет-пулемет "Беретта 951Р" и автоматический гранатомет. В кармашки моей куртки легли гранаты. Еще надели мы и пояса с самохватами. К ним полагался моток тоненького, но крепкого тросика с якорем на конце. Напялили очки переменной прозрачности, наушники с микрофонами, прицепили цифровые кодирующие приемники-передатчики.

Потом открыли чердачную дверку и поднялись еще выше. В смысле, оказались на крыше. Я подошел к самому ее краю и

понял, что не испытываю никакого дрейфежа. Я, конечно, никогда не паниковал насчет высоты, но относился к удалению от почвы с достаточным уважением. А сейчас ничего такого, никакой слабости в мошонке, словно я был ростом до самой земли. Я даже немного наклонился и плюнул вниз.

Зацепили мы с Пекой тросики за печные трубы и стали спускаться на двенадцатый этаж. Когда наши ребята с первого этажа пошли в атаку на ближайший пост охраны, двинулись и мы. Сперва в намеченное окно влетела ослепляющая граната из моего подствольника. Следом ввалились и мы с Пекой. За окном была комната, где располагался второй пост охраны и наблюдения.

Там было четверо, из них двое в штатском. Они, естественно, крепко зажмурились. Тех, что в форме, мы сняли сразу. Они и испугаться не успели. Когда человек в штатском прикиде потащил ствол из своего пиджака, я засадил в него очередь. Он еще не упал, но во лбу уже появилась дырочка, другое отверстие, что под кадыком, вытолкнуло первую порцию крови. Пека, не колеблясь, прострочил последнего обитателя комнаты. Я проверил – оружия при нем не было.

А еще я заметил, что не совершил ни одного неточного движения, значит не было ни сомнений, ни размышлений.

Пека выскочил за дверь и через несколько секунд сообщил мне, что я могу выдвигаться на следующую позицию.

Кто-то стрелял из другого конца коридора, из подсобки. Я не смог точно прицелиться и жвахнул туда из подствольника. Бубухнула граната, кому-то заплохело и стрельба прекратилась. Мы с Пекой предложили быстренько залечь всем оказавшимся в коридоре. Впрочем, они сами действовали так оперативно, будто им жилы подрезали. Я перестал ощущать в ближайшем пространстве какую-либо агрессивность, кроме той, что источали мы с Пекой. Одна за другой мы открыли пяток дверей, за ними были большие конторские помещения, перегороженные невысокими ширмочками. Я чувствовал то же, наверное, что и китобои, которые наткнулись на стадо китов. Передо мной ничего, кроме беззащитного заложничьего мяса. Они могут закричать, могут испортить воздух и обмочиться, но не более того. Даже скучно стало, охота ведь еще порезвиться и поразмяться.

Но пора чистить и подметать следующий этаж.

– Дуб, Дуб, вызывает Вяз,– сказал я в микрофон человеку, который был нашей "ветвью". (А мы соответственно являлись его "листьями".)– Первая часть маршрута пройдена. Ликвидировано от четырех до пяти "заноз". Ущерб заложникам минимальный.

– Спасибо, Вяз. Продолжайте. В правом крыле на

четырнадцатом этаже внешним наблюдением зафиксировано пять "заноз". Воспользуйтесь шахтой грузового подъемника.

"Дуб" – это Эминов. Работает нью-йоркский представитель. Его мозг быстр и точен. Он чувствует реальность и внереальность гораздо острее меня. Он гораздо проще воспринимает волны и импульсы, которые должны породить пока еще маловероятные события,

Я сковырнул панельку вызова лифта и отключил подачу сигналов. Нам конкуренты не нужны. Теперь отжать дверки и вверх по тросу.

Влезать на этаж будем не возле пола, а в районе потолка, так неожиданее. Тем более, что меня окатила волна чьей-то сосредоточенной "деловой" злобы. Пека резко отжал створки двери, я шмальнул из автомата, а затем уже спрыгнул на пол.

И действительно нас ждали. Только потому, что я разместился кверху от проема, не схлопотал пару очередей в пузо. Потом Пека швырнул гранату. В этом коридоре хватало людей и помимо охранников. Через пять секунд на полу лежало семь трупов, заляпанных красным,– двое охранников и пятеро клерков, в том числе девушка. Через десять секунд до меня дошло, что можно было поступить и иначе: мне задержаться возле потолка, а Пеке швырнуть пару дымовых шашек. В этом случае я бы скорее разглядел противников, чем они меня. Допустили мы ошибочку – впрочем, моего напарника это не слишком обеспокоило.

Я бежал по коридору, по стенам которого жались перепуганные полусумасшедшие полуотключившиеся заложники. Они словно сопли были размазаны, такие же противные.

За стенами располагались компьютерные залы – я полоснул бронебойными очередями направо и налево, поверх голов, и услышал как там все попадали со страха, увлекая за собой на пол клавиатуры и мониторы. Это мне, наконец, понравилось. Похоже, я люблю ощущать запах бздения.

В конце коридора возле дверей пассажирских лифтов мы остановились. Наступил перерыв. В здании никто нам больше не сопротивлялся. Прежде чем Дуб-Эминов сообщил это, все стало ясно по потоку радости, испускаемому всей нашей группой.

8. Омут на месте лужи

Я тот, который был известен некоторым людям и официальным инстанциям как Николай Шигимонт-Микитов. В других местах и витках времени у меня иные имена. Истинное мое имя называть бесмысленно, я же не глупенькая Рита, которая считает себя воплощением африканской богинюшки Индомбы. Имен у богов еще больше чем у людей, поэтому Я для вас – просто фраваши, дух, одним из проявлений которого является мимолетный образ господина Шигимонт-Микитова. Были у меня тысячи других обличий, человекоформ. Большинство из них даже не подозревали о моем наличии, о том, что в самой их середке сижу Я, что Я похож на паука, а они – на мою паутину.

Умничающие недоноски считают, что такие как я паразитируют на мире. Это не вполне истинно – без меня мир был бы скучноват, потому что все желают только жрать, пить, развлекаться, трахаться или запечатлеваться в памяти народной. А я и подобные мне пытаются придать жизни Простейших некоторый высший смысл. Недоноски считают, что такие как я несут зло. Тоже неправда. Мириады особей зажаты в тиски пищевой пирамиды и как только, переразмножившись, начинают выбиваться из нее, то следует кровавая и страшная расплата: голод ли, эпидемия ли; война ли, устроенная теми, кто устроился на ее верхушке. А мы вмешиваемся, когда ЭТО уже случилось и стараемся, чтобы громадная энергия жизни не пропала зря. Чтобы побеждали лучшие, чтобы генералы воевали искуснее, ученые старательнее варили головой, солдаты проявляли чудеса мужества и героизма, писатели со сладострастным ужасом мастерски клеймили зверства очередной бойни.

С полудня конторское здание было целиком в наших руках. К этому времени вирусная система сгенерировала новую информационную среду, конечно же, фальшивую, которая поглотила старую истинную. Вирус мало-помалу впитал все коды и пароли доступа, протоколы и регламенты обмена данными. В нужный очень подходящий момент, вскрывая все защиты, в банковские компьютеры хлынули команды на доступ к счетам и изъятие денег.

Миллионы баксов от операции "ролл-он" теперь потекли на счета наших подставных фирм. К вечеру правительственные инстанции заблокировали все каналы утечки бабок, но, чтобы изъять их, надлежало иметь решение суда. А до того светлого момента деньги шли нам на пользу. Чтоб суд разродился верным решением, полиция должна была проникнуть в штаб-квартиру

MCS. Но штаб-квартира находилась в захваченном такими-сякими террористами конторском здании на Кингсроуд.

Рано утром полицейский спецназ "Кобра" (у меня чутье на имена) штурмовал дом. Наша удалая компания, конечно, встретила их на дальних подступах. Мы сами переоделись-переобулись в клерков и выставили заложников на окнах по примеру одного кавказского террориста, близкого нам человека. Полицейские снайпера не очень нас различали. Заложники так жалобно просили спецназовцев не стрелять. Убитых клерков мы вышвыривали из окон. Некоторым полицейским удалось проникнуть в подвал, но дальше пробиться им не удалось, помещение по периметру было заминировано. Мы с Пекой постарались. Шаг в неверную сторону и направленный взрыв разносил ретивого служителя закона в крошки. Этим зрелищем мы могли полюбоваться с помощью установленных в подвале видеокамер.

Когда шпокнутые заложники лежали под окнами в два-три ряда, мероприятие под названием штурм прекратилось. Полицейское начальство, почесав репу, дало отбой. Впрочем, те служители правопорядка, что пролезли в подвал, не сумели покинуть помещение, по-крайней мере в целом виде. Бабахнули мины по тому куску периметра, который пропустил полицейских в начале штурма. И они обмазали собой стены.

В полдень начались переговоры, а после того, как мы пообрезали уши и носы трем банкирам, то была допущена пресса. Прилежно внимающим репортерчикам было сообщено, что здание захвачено страшной и ужасной группировкой под названием "Белое ополчение Канады", то бишь крутыми правыми экстремистами. Перед телевидением белоглазый Пека заливал насчет освобождения родной Канады от засилия цветных бездельников, слетающихся сюда со всего света как мухи на дерьмо. "Хотят размножаться, пусть делают это у себя под пальмой." Ну и хохма.

Силы судьбы были на нашей стороне. Похоже, Деларю прикармливал их свежей кровью. Может быть, он различал желаемое будущее в виде каких-то не слишком далеких берегов. Заработанные нелегкими трудами бабки предстояло потратить с толком. Я знал, что с одного из среднеазиатских аэродромов должен вылететь самолет, а на его борту – приобретенные нами ядерные заряды. Не устояли господа-баи из молодого независимого государства и втихаря уступили ядерные блямбочки. Заряды же предназначались для шельфового ледника имени Фильхнера-Ронне, что в Антарктике.

"Представьте себе ровную плиту из снега и льда площадью во

много тысяч километров. Эта плита погружена в воду, возвышаясь над поверхностью океана не более чем на 20-30 метров. Толщина ее незначительная, от нескольких десятков метров у берега до нескольких сотен во внутренней части. Шельфовый ледник лишь в отдельных местах опирается своей нижней частью на грунт – подводные банки или острова. Основная его масса находится на плаву. Время от времени края ледников обламываются, порождая айсберги." (цитата)

Так вот, если взорвать в нужных местах парочку зарядов, то весь шельфовый ледник Фильхнера-Ронне превратится в очень большой айсберг, то есть сползет в море.

А в итоге прилично повысится уровень моря и волны со звучным имечком цунами пройдутся по всем уютным бухтам и эстуариям рек, а также по улицам многих городов. Достанется и Нью-Йорку, и Лондону, и Петербургу, и Гамбургу, и Осаке. Трудно будет позавидовать Голландии и Бангладеш, их просто затопит с головой. Скоро море будет плескаться и на окраине Питтстауна. Все почувствуют липкие лапки страха на своих жирных спинах, все поймут, что они мелочь пузатая, что их жранью, выделению, размножению может настать конец, что они – нолики, а не венец творения.

Прошлый потоп создал мораль, которую мы смоем с помощью своего потопа.

Но пока что здание, обложенное кольцом из трупаков – мы не разрешали их убрать – было как сияющее яйцо в море мрака.

Каждый из нас управлялся в своей вотчине.

Доктор Деларю уже покупал эфир на десятках теле и радиостанций, на них пошла крутиться агитация секты Будильников – там, где недавно прославляли кавказских террористов и радовались распаду СССР. Мне до сих пор было неведомо, он является нашим "деревом" или мисс Федорчук. Банкиры-заложники охотно открывали милой даме свои счета и коды межбанковской платежной связи. В свою очередь они вкушали правду о Слиянии, отчего их эмоциональный фильтр помаленьку менялся в лучшую сторону. Рядовые клерки-заложники хотя и не вкушали правду Будильников, но по-большей части были на нашей стороне. Ведь им не нравились пули атакующей "Кобры", они хотели жить и размножаться дальше. Поэтому наша судьба стала их судьбой. Особенно удачными в телеэфире выглядели слезы офисных женщин, которые во все воронье горло проклинали злодейскую полицию.

Комментирующая журналистка тоже перешла на нашу сторону, поэтому не раз честила полицейский спецназ на своем телеканале: "Изрешеченное трупы заложников означают

очередную благодарность от начальства для сотрудников группы "Кобра", "Плачущие старики и дети – довольные спецназовцы", "Залитый кровью дом как результат немеркнущих подвигов копов, которые еще позвали себе на помощь русских из кровожадной Альфы", ну и тому подобный кал.

Нам бы на все про все хватило трех дней. Через три дня мы могли спокойно бросить конторское здание на Кингсроуд. Процессы пока протекали тихо – мы, собирая и расходуя деньги, планировали решающий наскок. Бродячие Будильники, хотя и говорили о скором Слиянии, приковывали еще нулевой интерес и не собирали большие толпы человекомикробов. Пробные передачи на телевидении, проведенные Деларю, не имели значительного рейтинга. Пусть даже на глазах у зрителей он материализовывал мысли и чувства в виде страшных демонов или светлых ангелов, и показывал, как избавиться от тех и других. Он демонстрировал публике духов, владычествующих над стихиями, он учил как оживлять косное вещество, передавая ему часть своего сознания. Из-за Деларю табуретки превращались в ползающих каракатиц, а шкафы во что-то вроде бегемотов. Ручной кактус щекотал иголками ласкающую руку доктора. Доктор Деларю мгновенно постигал реальность, рассказывая, что лежит в животе у первого встречного и мучают ли этого господина газы. Однако публика принимала это за фокусы, дескать Копперфилд и похлеще выделывает.

Не помогло даже то, что Деларю в два счета, на пари, переформировал судьбу одного зрителя, пустив ее по другому руслу. Этого типа, преуспевающего менеджера, уволили с работы, красавица-жена ушла к бывшему подчиненному, инвалиду зрения и слуха, дети занялись проституцией, а анализ крови на СПИД, сифилис и гепатит дал положительные результаты. Причем все произошло за один рабочий день. Я, конечно, вспомнил как изменилась судьба человекомикроба Шигимонт-Микитова, однако в его случае перемена жизни оказалась весьма прогрессивной – ведь он сделался мной, достославным фраваши.

Между прочим, у заложников отношение к "фокусам" было другое. Те, кто нас ненавидел, все время находились рядом со своими зримыми негативными чувствами. Один клерк жил вместе с чудовищем, похожим на динозавра в подвенечном платье. И только когда он нас крепко полюбил, рядом с ним стала ошиваться ангелоподобная тень в легком саване. А одна секретарша все время наблюдала сцену, где здоровый мужик в красном колпаке рассекал секирой чью-то тощую фигурку. Таковы были ее мысли о нас. И только когда она облегчила душу, мужик в красном колпаке сменил секиру на перочинный нож.

Пришлось мне прочитать некоторым товарищам лекцию о гигиене чувств и мыслей, и о пользе любви к насильникам, если ничего другого не остается.

Но неожиданно вмешался еще один фактор. "Белое ополчение Канады" была вполне реальной группировкой и дематериализовать ее не удалось бы даже Деларю.

На исходе второго дня "ополченцы" притомились доказывать, что не имеют отношения к захвату конторского здания на Кингсроуд, и решили самостоятельно вышибить из нас дух. Наверное, для того, чтобы с нашими отрезанными головами в руках доказать перед телекамерами свою невинность.

Наверное, они подготовились не очень хорошо, а мы, напротив, почувствовали их приближение. Мы ведь чувствовали все, что нас касалось. Мы, и в особенности Деларю, видели злую энергию, которая должна была подпортить нашу судьбу. Вражья сила представала в виде черных птиц с красными лысыми шеями, которые пикировали прямо на макушку.

Ночью десяток удальцов из "Белого ополчения" спрыгнули с "дурижопля" и на парашютах типа "крыло" спланировали прямо на крышу здания. В принципе задумано было неплохо. Кроме того, кто-то из них раньше посещал это здание.

По крыше они прошмыгнули к чердачному окну и спустились на последний этаж. Чтобы их не засекла видеокамера наблюдения, они устроили помехи мазером. Они только в одном ошиблись – что заложники станут тихой радостной мимикой приветствовать их появление. Однако большинство встреченных клерков принялось вопить, причем возмущенно. Они правильно сообразили, что кто-то начал новый штурм, поэтому испугались за себя и, наверное, даже за нас – это благодаря нашему обаянию и эрудиции.

Пека спешно поднял недремлющих Будильников и они ударили со стороны вентиляционных ходов по "ополченцам". А те вряд ли ожидали, что мы не станем долго разбираться, где заложник и где "белый ополченец". Зря они не учли, что нам отдельная человекоформа всего лишь хрупкий сосудик, вмещающий хилую струйку из бурного потока жизненной силы.

Полиция со своей стороны ничего не выкинула. Наверное, она решила, что у нас междубандовые разборки или мы расстреливаем провинившихся заложников, поэтому лучше не усугублять ситуевину.

Я лично шпокнул двоих ополченцев. Первого уложил, когда он хотел засандалить из гранатомета в решетку вентиляционного туннеля. Второй затерялся среди заложников уже на пятнадцатом этаже. В том помещении их была целая толпа. И все на ногах.

Я шел среди людей, которые смотрели на меня как кролики на удава, и размышлял, из-под какой руки или ноги выскочит ствол и положит мне в пузо десяток свинцовых таблеток. Я опустился на колени и так мне стало уютнее. Холл превратился в лес, где из линолеума росли вместо деревьев ноги. Как правило, одетые в серую и черную брючную материю, но попадались и те, что в чулочках и даже совсем голенькие и стройненькие. Я обратил внимание, что одна из таких ножек слегка поводит и покачивает носом туфли. Что это, указующий знак или ловушка? Все решилось, когда я заметил немного странные брюки для конторского служащего: без стрелок, заляпанные. Я чуть поднял глаза – меж бортов пиджака у владельца плохих брюк показался черный глазок оружия. Но я выстрелил первым, рука Шигимонт-Микитова работала быстро. Даже испытал некоторое чувство благодарности к нему. Что касается "ополченцев", то я прикончил девятого – оказались они одноразовыми бойцами.

Хотел было позабавиться с девчонкой, столь мило оказавшей мне услугу, но оказалось, что есть еще пленный "ополченец" и его надо бы шлепнуть, чтобы другим неповадно было. Только не при людях, зачем раньше времени щеголять своей негуманностью? Лучше в подвале.

Свели его в подвал, где остатки полицейских по стенам размазаны – тут пуговичка запеклась, там шлем прилипший. Я спустился с Пекой, у каждого в руке по пушке. Пленному парню – верный каюк. Он еще старался блюсти кодекс чести, хотя самое время обосаться от страха. Но только его к стенке поставили, у меня вдруг какое-то затмение случилось. Еще когда я по лестнице шел, пару раз заплохело. А сейчас словно продернули меня через городскую канализацию на огромной скорости. И во время этого полета что-то из меня исчезло, выпало, выветрилось, а в итоге я многое забыл и сильно растерялся. Перво-наперво перестал ощущать, что я бессмертный дух фраваши, которому начхать на психический и физический комфорт гражданина Николая Шигимонт-Микитова. Поэтому для начала я решил, что не надо делать резких движений.

– Стой,– говорю напарнику,– не хочу этого парня просто так расстреливать. Что-то больно быстро у нас трибунал работает – как ларек на улице, торгующий горячими сосисками. Никакой мрачной торжественности, битья в барабаны, исполнения последнего желания.

А сам словно выплываю на поверхность и снова ныряю в омут. В глазах калейдоскоп, в голове ощущение, что я Коля Шигимонт-Микитов, простой малый, хотя и немного свихнувшийся, и зачем мне гробить какого-то парня, даже если он

не вполне хороший. А вот Пека – псих законченный и остро нуждается в смирительной рубашке.

Он, кстати, тоже не торопится, хотя имеет на это другие причины.

– И я считаю, что надо вначале расщелкать скорлупу и до души его добраться,– Пека достает нож с зубчиками и берет парня за шкирку.

– Ты меня неверно понял, дорогой друг, я хотел бы, чтобы мы его не мочили тут. Пускай идет шататься. Да он после сегодняшнего облома из своей банды сколет наверняка. Точно, парень?

– Ты что?– Пека втыкает в меня заострившийся от удивления взор.– У тебя сбой. Так, обратись к доктору Деларю. Я сам управлюсь.

И снова сгребает шиворот пленного, чтобы начать мокрую работу. Дальше я не совсем понимаю, что делаю. Одна моя ладонь ложится на руку Пеки, ту самую, что держит нож, ребром же ладони бью ему в основание носа. Напарник, наверное уже бывший напарник, ложится на бетонный пол с физиономией, залитой кровью.

– Извини, Пека, если бы я умел, то просто бы тебя загипнотизировал.

Все последующее определялось логикой бега, во время которого фраваши полностью выветрился из меня.

Я использовал незаминированный проход из подвала, а вот Пеку, конечно, зря не прибил – он, подлец, стал стрелять вдогонку, да еще с такими ругательскими воплями.

Мы с парнем проползли по узенькому дренажному тоннелю и выбрались из канализационного люка примерно на середине автостоянки, отделяющей захваченное здание от универсама. Много автомобилей заработало дыры или превратилось в обгоревший хлам во время полицейского штурма. Кое-какие были отбуксированы, но большинство осталось на месте, ожидая своих хозяев. А вот полицейские не околачивались здесь даже ночью – видимо, убоявшись снайперов, предпочли находится за оградой. Настрой у них тоже был не слишком боевой, поэтому когда мы неожиданно сорвались со стоянки на первом попавшемся "додже" и пробили заграждение, они лишь беспорядочно постреляли нам вослед. Возможно даже посчитали нас за каких-то очумевших, но сбежавших заложников. Кто-то на патрульной машине бросился за нами в погоню, но вскоре скис и потерялся.

– Кто ты такой?– спросил у меня по дороге парень.– Совсем свихнулся или работаешь на полицию?

– Если бы я знал, на кого работаю. Надеюсь, что на себя. Как

тебя кличут-то?.. Дэйв? Тоже хорошо. Давай табачком подымим.

Парень всю оставшуюся дорогу сомневался в моей личности, однако показал путь-дорогу к бивуаку "белого ополчения". Это оказался большой заброшенный гараж.

– Со мной,– бросил Дэйв, когда меня пытались задержать на входе бритые ражие ребята. В самом деле, теперь уже я с ним, а не наоборот.

Внутри гаража к Дэйву метнулся какой-то сильно бородатый и лохматый мужик.

– Где вы пропадаете? Уже час как нету связи между вами и группой наблюдения.

– Нет и не будет. Операция провалена. Все кроме меня убиты. Меня оглушили и взяли в плен. А вот этот тип помог удрать.– Дэйв указал на меня пальцем, я же раскланялся.

– Это еще что за обезьяна? Ты из заложников?– спросил лохмач.

Я отрицательно помотал головой в ответ на запрос.

– Неужто из этих самых террористов?.. Я сразу заметил, что физиономия у тебя индейская.– без всякой дружелюбности объявил лохматый "ополченец".

– Почти индейская. А насчет террористов все точно.

Тут в мою сторону стал рваться какой-то мальчуган килограмм на сто, обещая использовать меня как туалетную бумагу – потому что морда у меня шпиенская. Его все-таки оттащили, когда я едва не получил пудовым башмаком. Этот грубиян действительно был похож на сильно разбухшего малыша-дебила.

– Почему своих предал?– спросил главный, человек с грубым лицом, словно рубленным топором и слегка обработанным рубанком.

– Значит, сдается, не свои они мне. И вообще прекратите крики ваших людей, очень мне нужна ваша сомнительная банда… И откуда взялись на мою голову эти антисемиты, расисты и ку-клукс-клановцы?

– Так чего же тебе нужно? Только учти, здесь тебе не супермаркет.

– Я сразу это заметил по лицам продавцов.

Я очень вкратце рассказал свою историю и предысторию, описав преступные деяния Усманова, MCS и сектантов. Показал управляющий микрочип на своем крестце. Кое-кто из правых экстремистов этот жест неправильно понял – как оскорбление в свой адрес. Затем я добавил, что надо мчаться в психушку – спасать Бекки. Естественно, я умолчал о том, что она агент ФБР.

– Я что, похож на того, кто хочет заработать дырку в голове

из-за какой-то нью-йоркской еврейки?– отозвался главный.

– Я знал, что вы дураки, но не настолько же… Можно от вас позвонить одному ее дружку?

Главарь после недолгой паузы согласился.

– Звони, только про нас молчок.

Все-таки эти ребята восхительно глупы. Да Блэйр сразу засечет, откуда звонок и в первую очередь займется ими самими. Но мне деваться некуда.

Однако в фирме "Stairway to heaven" сообщили, что мистер Блэйр сегодня утром угодил в автокатастрофу и сейчас с сильно сотрясенными мозгами находится в больнице. Значит, придется опять капать на мозги правых экстремистов, которые едва меня выносят.

– Послушайте, командир,– обратился я снова к главному,– единственный способ отмыться от обвинений, что именно вы захватили заложников – это разоблачить всю махинацию MCS.

– О нас не беспокойтесь,– спокойно напомнил главарь.

– Я неприятен вам, вы неприятны мне, но мы должны посотрудничать. Понимаете, речь не только о вашем честном или нечестном имени, огромное количество людей висит на волоске. Намедни сектанты во главе с MCS заграбастали миллионы баксов, скоро они устроят всемирное наводнение, второй потоп. Между прочим, у них все пока на мази и кругом пруха. И вам в отличие от современников господина Ноя стоит побеспокоиться, поскольку эту катавасию замыслил не Бог… Так вот, в психлечебнице на Чэйнсери-лэйн находится гнездовье этой мафии, если мы захватим его, то…

– Я потерял девять парней в здании на Кингсроуд, здании, которое знал. Эта психушка мне вообще незнакома, сам понимаешь, я там не лечился. Так вот, я не могу уложить в этой психушке остальных своих ребят. Кроме того, насчет всего человечества ты, возможно, и бредишь. Нет, я не утверждаю, что ты врун, но после этой операции на спинном мозге ты, должно быть, не слишком отличаешь правду от завиральной фантазии. Твои сектанты это, конечно, сукины дети, и мы с ними рассчитаемся по-полной, но нас, честно говоря, мало волнуют миллионы баксов, которые они уперли. Да и на человечество в целом нам накласть с высокого небосвода, нас волнуют наши ребята, а их и после потопа немало останется в Скалистых горах и в прериях среднего запада.

– Отдай его мне, Чарли, и я узнаю, что он там замыслил,– предложил "мальчуган".

– Отстань, Курт, у тебя мозги маловато весят, так что не лезь в разговор взрослых дядей,– притормозил его главарь Чарли.

– Скоро, малыш, я буду в твоем распоряжении. Ты только заранее не тужься, а то в штаны наложишь.– посулил я разбухшему мальчику и снова обратился к Чарли.– Как насчет сетевого компьютера? Мне надо на кое-что взглянуть.

Чарли, не долго думая, кивнул одному своему бойцу, гораздо более интеллигентному на вид, чем дебил Курт. Мы с Нескенсом отошли в угол, там врубили компьютер и я начал выяснять, какие сейчас игры остались в каталоге MCS.

В конце концов, кто-то же выволок меня из-под власти господина фраваши, освободил мои мозги, то есть повоздействовал прямо на управляющий чип. Вполне возможно, что этот "кто-то" из MCS. Может, сама Хелен Федорчук поняла, что зашла слишком далеко в поисках собственного "я".

У нескольких игр оказались свежие модификации, пришлось ими заниматься, Нескенс мне на этом поприще даже пособлял. В Ирокезов поиграли, и в Новых Парижан порубились, ничего нового там не обнаружили ни в принципиальных схемах, ни в частностях, только чуть получше объемные характеристики сделались. Потом мы углубились в "Вторую гражданскую войну".

– Ну что, в детство впали?– поинтересовался подошедший Чарли.– На день рождения надо будет подарить кому-нибудь мишку Тедди?

Потом он немножко вгляделся в игру и спросил меня:

– Ты, похоже, немало уже поупражнялся в этом баловстве.

– Я сам придумывал это баловство.

– Тогда ты великий баловник. От твоей "гражданской войны" прямо оторопь берет.

Я хотел уже сказать, что именно поэтому ей заинтересовалось ФБР, как вдруг обнаружил модификацию в одном блоке.

Девушка вождя белых, стремясь остановить насилие, отправляется к цветным "братьям", ее трахают на первом же посту, а потом в качестве заложницы держат в одной из психбольниц. Вот здесь я новинку засек, раньше ее точно не было. За девицу-красавицу вождь цветных хочет огрести выкуп в сто миллионов баксов, но появилась возможность попросту выкрасть ее. На мониторе развернулся трехмерный план здания, очень похожего на клинику с Чэйнсери-Лэйн.

Можно было узреть местоположение заложницы и охранников, запираемые двери, следящие телекамеры, трассы водопровода, канализации, вентиляции и отопления. Пожалуй, трубы воздушного отопления по своему диаметру вполне годятся для вылазки.

И, похоже, это наводящие сведения. Некогда сейчас размышлять, откуда и зачем они взялись, но пропускать их

нельзя. Если сейчас их проигнорирую, то потом целый век кусать себя за локти буду, что не слишком приятно. Ну, почему не залезть в клинику на Чэйнсери-лэйн и не подпортить настроение доктора Деларю?

– Я бы туда не сунулся,– сказал Нескенс.

– Я тоже. И никого бы из своих туда бы не пустил,– добавил главарь Чарли.

– Поползу один. А вы, некомпанейские люди, хотя бы прикройте меня снаружи.

– Договорились.– сказал Чарли.

Не успел я отойти от компьютера, как поблизости оказался Курт. Я сразу понял, что он собирается меня обидеть и получить от этого большое удовольствие.

– Ну что, эта индейская морда охмурила нас?– выступил нехороший мальчик.

Кто-то из массовки поддакнул ему и некрасиво обратился ко мне:

– Эй, где стоял вигвам твоей мамы, не возле ли свинарника?

– Приятно, когда задница пытается шутить…

Надо было драться. Я ударил пряжкой ремня по физиономии Курта. Он тут попер на меня, но я сел на задницу, одной ногой зацепил его за щиколотку, другой толкнул в пузо, а уже упавшую тушу приголубил стулом.

– Извините, джентльмены, я был зол, но сейчас весь негатив обратился в позитив. Да и, кроме того, я, скорее, не индеец, а русский.

Извинение возымело действие и уже никто не полез ко мне.

9. Прием больных за здоровых

Раз за разом я просматривал на экране вентиляционно-отопительную систему клиники. Отопление было воздушно-тепловым. Теплый воздух шел из компрессорной станции, что располагалась на первом этаже, направо от холла-вестибюля, снизу же от нее имелся только полуподвальный гараж. Отопительный сезон еще не начался, поэтому можно было смело воспользоваться трубами и туннелями. Но предстояло еще проковырнуться в компрессорное помещение. Эх, если бы иметь под рукой белый микроавтобус.

Главарь Чарли на сей раз не сплоховал, его три машины с пеленгаторами неуемно сновали по городу, выискивая автомобиль клиники. К вечеру обнаружился наш белый гаденыш неподалеку от реки, припарковался он рядышком с иммигрантской общагой. По-моему это обстоятельство больше всего и вдохновило ополченцев.

Впрочем, я сразу воспротивился каким-то грубым действиям. Ведь надо было отыграть так, чтобы люди из белого микроавтобуса не успели пикнуть, то есть протрубить сигнал тревоги.

Бородатый мужик по имени Майк вполне мог сойти за иммигранта из Восточной Европы, я даже наскоро научил его словам, начинающимся на букву "е" и на букву "х". А простоватый иммигрант вполне может принять белый микроавтобус за машину скорой помощи.

И вот наша группа выдвинулась на передовые позиции. Майк, пересыпая изломанную английскую речь русским матом, подскочил к микроавтобусу и заорал про то, что его товарищ по комнате свихнулся и перерезал себе вены. Я в это время контролировал обстановку из комнаты, где проживали три веселые девушки с тихоокеанских островов. Кажется, они были людоедки. Впрочем я тоже был непрост и изменил внешность с помощью больших смоляных усов и сикхского тюрбана. Они мне рассказывали про секрет усушки отрубленных вражеских голов, а я поглядывал по сторонам, задавая наводящие вопросы. Дверь была приоткрыта и я заметил как по лестнице торопится вниз большой черный Чака с напарником такого же цвета и размера – все будто из одного инкубатора взялись. Видимо, они собирались предотвратить нежелательное развитие ситуации с микроавтобусом.

Я выскочил из комнаты и оказался у этой парочки сзади. Впрочем реакция у больших черных дядей была потрясающая.

Напарник сразу давай тянуть пистолет из-за пазухи и оборачиваться ко мне. Это его и сгубило. Я сбоку вмазал кованным ботинком ему в пах, так что он надолго отпал – скрючился, не собираясь распрямляться, и даже свалился с копыт.

– Не вмешивайся, пацан.

Впрочем, забрать пистолет у него я не успел. Чака схватил аккуратный ломик с пожарного щита и хотел пробить неаккуратную дырку в моей голове. Я с трудом увернулся и подхватил топор с того же щита.

– Ты еще не знаешь, с кем связался,– прошипел он,– я – Айдо-Хведо.

Айдо-Хведо – змей-творец у какого-то африканского племени, так что надо мне отозваться достойно.

– А я – твой капец. Следовательно, ты для меня куча говна.

Несмотря на мою психическую атаку, Чака окончательно рассвирепел, в результате чего нанес несколько кроящих махов наискось. Я подловил момент, когда его железяка была внизу и удачно блокировал ее обухом, а вторым концом топорища хряпнул негра в подбородок. Товарищ "змей" отлетел к стене и пока поднимал свой ломик, я успел засадить ему лезвие в шею. Тело Чаки сползло вниз, а голова осталась на топоре, воткнувшемся в стену.

– Это тебе за Риту. В следующий раз веди себя приличнее, Айдо-Хведо.

Я, бросив визжащую публику, которая успела полюбоваться кровавым зрелищем, направился со всей прытью к белому микроавтобусу. Мои новые друзья уже влезли туда со всех сторон. А прежний экипаж лежал на полу, среди них была и Рита, по счастью живая. Никто из канадцев все-таки не посмел насмерть ударить даму, хотя фингал под глазом у нее имелся.

– Поехали в темпе, у нас в запасе не больше часа, ведь кто-нибудь из общаги наверняка даст весточку в психушку или даже в полицию,– настойчиво предложил я компании временных единомышленников.

Микроавтобус рванулся с места и я добавил.

– Эту дамочку больше не обижайте. Она и так обиженная, ей микрочип подсадили. Кроме того, это – моя жена.

– Неужели, русский, ты думаешь, что мучаем всех подряд. Даже таких толстушек, как твоя жена?– спросил несколько обиженный Майк.– Сам-то почему кровью обрызган?

– Это было дело чести… Слышь, Рита, конец твоему похитителю, большому черному Чаке.

Тут она забилась.

– Айдо-Хведо! Айдо-Хведо. Индомба осталась одна.

– Кто это такие?– полюбопытствовал Майк.

– Божества. Каждый сектант считает, что он – человекоформа того или иного сверхъестественного существа.

Пришлось Рите впаять укол транквилизатора. Впервые жену мне стало жалко до слез. До чего довели нормальную когда-то бабу, любящую лясы поточить и приятно покушать.

По дороге к клинике мы остановились и передали Риту на автомобиль, который вел Дэйв.

– Если с ней что-то случится, твоя жизнь снова окажется в опасности.– предупредил я паренька.

Вид моей забрызганной кровью куртки произвел впечатление и Дэйв послушно закивал головой. Впрочем с курткой мне пришлось расстаться, выкинуть ее в реку, дабы производить впредь только благоприятное и культурное впечатление. А козлов-сектантов мы пока оставили при себе, на всякий случай, хотя они были и в бессознательном состоянии.

И правильно, между прочим, поступили. Въезд в гараж клиники разрешался по коду доступа – надо было притиснуть ладонь к специальной поверхности распознавателя. Так что пришлось одолжить одну из сектантских ладошек – нет, не отрезали ее, а подтащили тело вместе с рукой и приложили. Благополучно открылись автомобильные ворота правого крыла. А в гараже оставалось по-быстрому высмотреть ход на первый этаж. Таковой имелся по центру левой стены, но возле торчал охранник. Майк достал укороченную снайперскую винтовку с глушителем и быстренько убрал лишнего человека. Его тело мы по-быстрому затащили в в уже переполненный микроавтобус – у того аж колеса подогнулись.

– Ну, двигай, русский, у тебя в запасе мало времени,– сказал Майк и я побежал.

Попал я на следующий этаж без происшествий. По вестибюлю прошелся, не приковывая никакого особого внимания. У компрессорной был кодированный замок, но если верить компьютерной игре, то я его уже знал. Набрал семь цифр – и в точку. Я постарался, чтобы мой переход в тайное помещение не был замечен мужиками и бабами в белых халатах.

Теперь надо было достать гаечный ключ и скинуть кожух с компрессора. Вход в четырехугольную трубу был заделан решеткой, но я быстро разделался с ней – пистолет с глушителем помог. И вперед. Я сместил вакуумные присоски с запястий на ладони и полез по тоннелю. Десять метров по горизонтали, три по вертикали, и снова, и снова. Насчитал нужное количество поворотов и остановился возле намеченной вентиляционной решетки. Выломал ее и оказался в совершенно пустой палате. К

тому же не запертой. Кажется, пролет. Где теперь искать мисс Коэн?

Я выглянул в коридор. Пока там никого. Только ряд однообразных дверей с окошечками. Имелась однако телекамера, прямо над моей макушкой, впрочем я пока находился в мертвой зоне. Одел на "глазок" зеркальце, чтобы показывал другой конец коридора – в запасе было не более минуты. Домчал до конца коридора, а там какой-то кабинет. И вот радостная встреча, мисс Федорчук на уютном диванчике вместе с мисс Коэн. Хелен потянулась к ящику стола, где у нее вероятно лежал до поры-времени пистолет. Не вероятно, а точно. Я его нашел, после того как врезал дамочке кулаком по затылку. Превратить в трупный материал – не хватило моральных сил. Но тем не менее отключил ее, а надо было бы еще допросить.

– Халатик-то напяль,– сказал я мисс Коэн.– Сматываемся в темпе, однако не голышом.

– Ах, Ник,– только и вымолвила она. На этот раз всё было как в романе.

– Вот именно, "ах". Я даже не узнал, когда вылетает этот сраный самолет с ядерными боезарядами.

Неожиданно мисс Коэн заговорила четким телеграфным языком.

– Через девять часов. Верные сведения.

Можно было пригорюниться.

– Вот зараза! Если сейчас помчаться прямо в аэропорт, то все равно не успеем.

И опять телеграфная очередь Ребекки:

– Через одиннадцать часов у этого самолета промежуточная посадка в Джелалабаде. Если через полтора часа мы попадем на самолет, вылетающий в Нью-Йорк, то успеем на кабульский рейс из аэропорта Кеннеди. А из Кабула, если будет пруха, доберемся по воздуху до Джелалабада ровно ко времени, когда там сядет самолет с ядерными зарядами.

– А сейчас улепетывать, улепетывать,– я схватил Бекки за руку и потащил в коридор, чтобы вернуться в исходную дыру. Но тут услышал, как, загудев, заработало воздушное отопление.

Все, назад дороги нет. По крайней мере, прежней дороги. Я отпустил руку мисс Коэн и выглянул в коридор. Дела обстояли хуже, чем я ожидал. По коридору уже бежали торопливые охранники. Правда, только я открыл стрельбу из "Беретты 951", как срезал парочку из них, но остальные стали пристреливаться ко мне. Неужто капец наступает?

– Не расстраивайся, Ник. Мы выйдем через окно,– утешила меня мисс Коэн.– Только задержи их на минуту.

Я слышал, как она срывает занавеси и разбивает окно. Тоже хорошее дело.

– Пора, Ник.

Я отправил в коридор гранату, тут и шум-гам и штукатурка столбом, а мы с Бекки дружно полезли из окна. До земли связанные занавеси не доходили, но оставалось каких-нибудь три метра – так что спрыгнули и вдребезги не разбились.

Мисс Коэн предложила тут же угнать какую-нибудь машину и тикать отсюда, но я понял, что моих новых товарищей обложили в гараже. Неудобно как-то бросать.

– Жди здесь, в кустиках. Я подъеду на белом микроавтобусе.

Я побежал вдоль зеленой изгороди и вскоре заметил охранников, кучно наступающих на правые ворота гаража. Наверное они нападали и с внутренней лестницы, и с левых ворот. И тут пошел в атаку я. Застрочил, швырнул гранату, снова застрочил. Охранники, то бишь подлюки-сектанты, повернули стволы на меня. Еще немного и изрешетили бы. Но тут из правых ворот вылетел белый микроавтобус, в бортах его чернели дыры, он тяжело осел на одну сторону – видимо и камеры были пробиты. Я вскочил в открытую заднюю дверцу машины и надо мной загавкал пистолет-пулемет Майка.

– Чуть левее, ребята, прижмитесь к изгороди, там мисс Коэн с важной информацией.

– Да где же, мать твою так?– завопил водила.– Я никого в упор не вижу.

Тут прошумела очередь и Майк стал оседать. Ощутимо запахло гарью. Похоже, нас подбили. И в то же время к нашему борту пристроился шикарный бежевый форд с открытым верхом. Рулем орудовала Бекки.

– Не стрелять в женщину! Перебираемся, народ, через боковую дверь.

Вначале перепрыгнуло двое ополченцев, потом они перетянули раненного Майка. Следом перемахнул я, и наконец водитель. Немного погодя микроавтобус воткнулся в столб и взорвался – инда на нем хватало и топлива, и боеприпасов.

– Эй, Майк, говорить можешь?– справился я у раненного лохмача.

– Смотря с кем и о чем.– Похоже он заработал пробоины в плече и в руке.

– С главарем своим Чарли. Скажи ему, чтобы встречал около аэропорта. Я, мисс Коэн и парочка добровольцев из вашей команды сообща отправимся в Афганистан. Будем спасать от дьявольского потопа и цветных, и серых, и зелененьких, и белых протестантов, которые отнюдь не все забрались в Скалистые горы.

То есть, кабы и захотели бы забраться, то все не поместились бы там. Если Чарли не прочь посчитаться со мной, то я к его услугам, но после окончания главной разборки.

Майк, скривив физию, то ли от болевых ощущений, то ли от неприязни к моим словам, стал общаться с боссом, я же все озирался на дорогу, нет ли погони.

– А ты, Бекки, не хочешь покурлыкать со своим начальством?– спросил я тихонько у мисс Коэн.– Блэйр, похоже, не совсем жив-здоров, но есть же, наверное, и другие отцы-командиры.

– Кажется, мне не очень-то поверят. Потребуют время на анализ, на обдумывание – обычная бюрократическая работа. А времени-то на думы у нас нет.

– Правильно, не умеешь быстро думать, не думай.

На подъезде к аэропорту нас встретили два здоровенных "бьюика". Из одного вылез Чарли вместе со своим лицом, словно рубленным топором.

– Никто из наших добровольно с тобой не полетит, Ник,– уверенно обрубил он.– И можешь сказать спасибо, что я тебя отпускаю.

– Спасибо. Но у меня с собой ни наличных, ни чековой книжки, ни кредитных карточек. Может одолжите?

– Заработаешь.

– Но я не умею. То есть, умею лишь с помощью огорода.

– Захватишь с собой в багаже Дэйва и Курта. Они умеют стричь купоны не только на огороде. Курта можно использовать в качестве транспортного средства, он хорошо плавает и скачет как козел. В крайнем случае, продашь их в рабство к какому-нибудь активному педику.

10. Рейс на тот свет

После такого напутствия все пошло как по маслу. Через полчаса мы уже сидели в самолете и бросали в рот поп-корн. Хорошо, что полиция не успела нас достать. Можно было расположиться, протянуть ноги, руки. Справа была Бекки, которая прямо в аэропорту из камеры хранения извлекла какие-то документы на свое имя и кажется немного наличных. У меня в кармане лежала моя "гринкарта", по крайней мере попасть с ней в Афган можно. Сзади располагались Курт и Дэйв, они предпочитали жевать "Фрут энд Нат". Причем один из них прямо буравил мою спину злыми глазками. Непонятно, зачем Чарли направил его с нами? Может, мальчик-дебил и работоспособный, но уж больно противный. А может главарь отдал мне то, что ему самому не гоже. Однако, хорошо, что ополченцы купили себе билеты сами, а меня провезла с собой мисс Коэн.

В полете наконец я услышал повесть о том, как она вышла на связь с "большой землей", то есть со мной. Просто у Бекки завелась любимая подружка – Хелен Федорчук. Мисс Коэн удалось выведать, какие в ходу у мисс Федорчук пароли и коды, а на следующем этапе выпросить у подружки компьютер – якобы просто поиграть с ней через локальную сеть фирмы MCS. Отчего ж не потешиться, Хелен не отказала. В итоге Ребекка сумела запустить в торговый каталог MCS измененную версию "второй гражданской войны", в которой были означены собственные координаты.

В Нью-Йорке Бекки сразу раздобыла деньжат и кое-какое оборудование: тепловизор, две портативные радиостанции, навигационный приборчик, определяющий местоположение с помощью искуственных спутников, плюс несколько мотков крепчайшего, но тонкого троса, к нему самохват и мини-арбалетик, который способен этот трос бросать. Усовершенствован был и гардероб, пополнившийся теплыми куртками. Все эту обновку нам подвез какой-то подручный мисс Коэн в международный аэропорт имени Кеннеди.

А туда мы проехали из аэропорта Ла-Гуардия, через Квинс, мимо зоосада и идиллического парка Медоуз-Корона, и лишь где-то на востоке маячили иглы манхэттэнских небоскребов.

В международном аэропорту загрузились мы на Боинг-737, летящий в Кабул с промежуточной посадкой в римском Фьюмичино.

Курт устал сверлить спинку моего кресла свирепым взглядом и всхрапнул, Дэйв углубился в комиксы, дожидаясь ужина, а

Бекки продолжила рассказ о своих похождениях. Удалось ей собрать программную "отмычку" и, взломав защиту, зайти дальше, во внутренние каталоги, где хранились управляющие программы для носителей чипов.

– Свежо предание,– выразил я недоумение.– И с чего ты так беспроблемно хакерствовала? Эмсиэсовцы большими дружными усилиями собирали свою вирусную "отмычку" для банковских сетей, причем на протяжении нескольких недель.

– Я воспользовалась их программными модулями, те были не столь уж засекречены. Кроме того,– мисс Коэн впервые озарилась лукавой улыбкой, столь характерной для блудниц,– при мне была микросхема. Очень нестандартная микросхема со своим процессором и своей памятью, где содержалась система подбора кодов и паролей.

– В каком же уголке своего тела ты отважно хранила микросхему? Между ягодиц или промеж персей?

– Хамишь.– Бекки посуровела.

– Нет. Я просто мыслю логически. Клянусь, никаких эротических фантазий.

– Микросхема хранилась в шевелюре и имела разъем вполне стандартный. Так что никаких трудов не стоило подключить ее к материнской плате того простенького компьютера, который выделила мне эта зараза Федорчук…

Бекки прекратила объяснять "мелочи" и перешла к более волнующему и важному вопросу. Ей удалось выяснить, какой хреновой цели служит чип, впившийся в крестец каждого сектанта. Этот микроаппарат посредством электрических импульсов проводит через спинной мозг иннервацию некоторых отделов головного мозга, особенно стволовых и лимбических, отвечающих за глубинные поведенческие мотивы. В радостном итоге, мисс Коэн нашла управляющую-воспитывающую программу для моей скромной персоны и прекратила капанье на мои худые мозги.

Но ежели чип вместе с УКВ-приемником остался на мне, то, значит, кукловоды могут снова взять под контроль мой ум-разум? По крайней мере не за пределами Питтстауна, успокоила мисс Коэн.

Внезапно Бекки пожала мою руку.

– Ты оказался надежным парнем.

Не ожидал таких чувств, я гораздо больше привык к тому, что меня называют никудышным и никчемным. Окромя того, на мой взгляд, мисс Коэн должна была заглушить в себе чувствительное симпатизирующее начало, дабы не свихнуться в обществе мисс Федорчук.

В Кабул мы прилетели, когда в Нью-Йорке было утро, а здесь собиралось закатываться солнце. Через полчаса мы тряслись в кабине одномоторного самолета советского изготовления. "Кукурузник" направлялся в Джелалабад, а наш попутчик-контрабандист на смеси русского и фарси нахваливал свой товар – оружие. Оружие тоже было советским и вообще я как-то сразу почувствовал, что родина теперь дышит где-то поблизости.

Мы взяли у Саида – так звали контрабандиста – два пистолет-пулемета ПП-91 "Кедр" с глушителями, пару пистолетов Макарова, еще несколько гранат и все необходимое для производства мины, так сказать суповой набор.

К тому же наша шайка теперь сидела на скамьях друг напротив друга и могли непринужденно изведать радость человеческого общения.

– Как поразительно сошлись мы, столь разные, в борьбе за счастье всего человечества.– заметил я, потягивая дармовое пивко, Саидов подарок.

Курт отозвался в своем стиле, не переставая хрустеть чипсами.

– Я вообще не понимаю, как босс купился на ваши россказни. Нам не стоило лезть и в здание на Кингсроуд. Они специально нас заводили, эти евреи с телевидения.

– Версию о вашем участии в захвате здания, между прочим, пустила команда, в которой работают скрытые сектанты,– прилежно сообщила Бекки.

– Ну, если ваши сектанты захватывают все подряд, то за этим делом точно евреи стоят,– неколебимо отозвался Курт.

Когда долетели до пункта назначения, то узнали, что в Джелалабаде к власти пришла очередная суперисламская группировка. Кругом были выставлены бдительные посты с суровыми воинами по пояс в бороде. Однако их суровые глаза мягчали и сползали в сторону, когда руки получали мятые зеленые бумажки. В принципе за довольно умеренную сумму мы добрались до окрестностей бывшей советской военно-воздушной базы. Уже совсем стемнело и удалось незаметно расположиться в кустарнике. В инфракрасный прибор ночного видения неплохо различим был транспортный самолет, стоящий на взлетно-посадочного полосе. Большой с четырьмя винтовентиляторными двигателями. Похожий на "Ан-70", только без каких-либо опознавательных знаков. Что интересно, на фюзеляже сверху был установлен реактивный истребитель. В транспортник через кормовую дверь активно загружались тюки. Они сбрасывались на рольганговый конвейер, уносящий их вглубь отсека.

– Вот эти штуки нам и пригодятся,– прошептала Бекки.–

Сунем в один из них мину с часовым механизмом, пускай рванет над океаном. Не думаю, что ядерные заряды сдетонируют.

– А что в этих штуках может быть?– поинтересовался Дэйв.

– Может быть даже радиационная защита.

Тюки забирались со склада, оснащенного большими широкими воротами. Там была видна тройка охранников, поигрывающих ручными пулеметами. Далее тюки укладывались на поддон, который цеплял погрузчик и отвозил к самолету, где несколько вооруженных людей занималось разгрузкой.

На склад надлежало проникнуть по-тихому. Сразу захотелось подобраться к противоположной стене и юркнуть в какое-нибудь окошко.

Послали на разведку Дэйва. Он через полчаса приполз на брюхе и сообщил, что никаких окошек на стенах склада нет, цельнометаллические они, хоть взрывай. А вот трубы вентиляционной системы использовать можно для проникновения внутрь, надо только подняться на крышу. Мешает этому лишь пара патрульных, которая обходит склад с периодичностью в три минуты.

– Неплохо бы переключить внимание охраны. Может, устроим отвлекающий обстрел соседнего склада?– предложила Бекки.– У охранников глаза и уши туда нацелятся. И тогда нам хватит времени, чтобы забраться на крышу.

– Вопрос в том, кто устроит бучу и примет на себя ответный огонь всей охраны аэропорта.– пришлось мне задать резонный вопрос.

– Я,– сказала мисс Коэн.

– Нет я,– вклинился Дэйв.

– Лучше он,– согласился я.– Принцип "дамы вперед" в данном случае не годится.

– Значит, все-таки ты здесь командир,– произнесла Бекки не без смешочка.

– Конечно, советский сержант всему миру командир… Дэйв, возьми пистолет и "Кедр". Вымажи физиономию грязью, голову заверни какой-нибудь тряпкой. Помни, продержаться надо всего пять минут, потом удирай. И еще, как бы у нас не закончилось, ты будешь один из тех, кто пытался спасти человечество.

Парень был не мастак прощальные речи толкать, поэтому просто взял оружие, магазины запасные, кивнул головой и ушел.

– А ты все говоришь, правые экстремисты, правые экстремисты,– уколол я Ребекку,– не всякий твой негр пошел бы так прикрывать группу.

Ровно через пятнадцать минут, как и договаривались, Дэйв включился в дело. Загавкали его стволы, но на парня обратился

прямо-таки шквальный огонь. Однако нам некогда было слушать, мы уже бежали к складу.

Подскочили к стене, потом Бекки отстрелила из своего мини-арабалета стрелку с якорьком, за которой потянулся весь трос. Якорь зацепился за стальной уголок крыши и мы с Куртом стали карабкаться наверх, ожидая каждую минуту схлопотать очередь в задницу.

Но обошлось, успели вскарабкаться, раньше чем нас смогла бы зацапать охрана. А вот с вентиляционной трубой пришлось намучиться. Курт – откормленный канадский мальчуган – попросту застрял в ней. Но я тянул его снизу за ноги, так что получил от этого некую дозу удовольствия, да и пропихнуть все-таки удалось. Мы оказались на балках перекрытия под потолком, а потом соскользнули вниз по столбу, причем в наименее освещенный угол. Потом стрельба стихла и нам пришлось вести себя максимально тихо. Помимо белых антирадиационных тюков здесь было много всякой каки – мешки, ящики, бочки. Мы оттащили один тюк в сторонку, чуть распороли его, выкинули часть наполнителя – какой-то довольно мягкой стружки с металлическим отливом… и я получил удар чем-то плоским по башке. Тяжелая боль словно расплющила меня и отключила.

Как я уже впоследствии догадался, Курт от души долбанул по моей тыкве. Я перестал существовать в реальном времени, поэтому соратник, не спрашивая согласия, сунул меня в тюк, который затем довольно аккуратно зашил.

Мой личный тюк был брошен на поддон, а сверху навалены другие. Удивляюсь, как я не прекратил дышать, как "Кедр" с навинченным глушителем не продавил мне живот.

По дороге к самолету я был в обмороке. Наверное, благодаря этому, меня, обмякшего, без подозрений выгрузили на рольганговую дорожку, прокатили по ней и потом принайтовали к чему-то твердому. По настоящему я очнулся, когда самолет уже отрывался от земли. Тряска привела меня в чувство, болезненно влияя на полураздавленные и ушибленные члены тела. Инерционные воздействия показали мне, что я вместе с крылатой машиной набираю высоту и выполняю довольно крутой разворот. Я, невзирая на темные кляксы в голове – последствия преступной активности Курта – начал проделывать дырочку в мешковине. Ведь я хоть и понял, что лечу со свистом, но еще не знал, где и как.

Прежде всего я заметил какого-то ненужного мне мужика. Пришлось нажать спусковой крючок "Кедра". Пуля вылетела не громче, чем пробка из бутылки шампанского, но пробила голову и еще отскочила от борта. Надзирающий товарищ с легкими

брызгами отправился в страну отцов, не успев ничего сообщить по интеркому.

Я аккуратно ножичком причинил рваную рану тюку и стал выбираться, изо всех сил вращая глазами и головой. Поскольку никого не видел, то смущался и потел. Наконец стало ясно, что я здесь один.

Я находился в грузовом отсеке, возле переборки, отделяющей ее от другого отсека, вероятно рубки. К этой переборке и были прикреплены тюки. Наверное, таковые имелись и в рубке – для обороны задниц экипажа от крутой радиации. Похоже, самолет действительно собирался порхать в районе ядерного взрыва и довольно долго – может, вести там наблюдения. А у меня всей амуниции только пистолет-пулемет, граната, ножик, трос с самохватом, мина – похожая на ту, что должна была лететь одна, только радиоуправляемая. Ну и навигационный прибор, в который я заложил команду определения координат и курса. Вскоре стало ясно, что я двигаюсь над Южной Азией в сторону южного полюса со скоростью пятьсот камэ в час.

В принципе, члены команды могли навестить меня в любой момент. Ведь тот тип, которого я пристрелил первым делом, не в состоянии был откликнуться на запрос из рубки. Можно было сразу к ее двери приделать растяжку с гранатой – так что дернешь за ручку и голова улетит, но лучше не торопиться с этим делом в таком деликатном месте как самолет. Гораздо разумнее держать выход под прицелом.

Вдоль всего грузового отсека проходила рольганговая дорожка, а также леера, рейки, уголки и даже монорельсы с крановыми механизмами. Где-то посредине – для правильной центровки – на дорожке стояло два больших и длинных ящика, вернее каркаса. Внутри них лежали металлические блямбы. Наверное, те самые ядерные заряды. Каркасы были снабжены парашютными системами, от которых тянулись вытяжные тросики к центральному лееру. А на корме соответственно имелся грузовой люк, который я наблюдал еще на аэродроме.

Вот замигает синяя лампа, завоет сирена, тогда распахнутся створки люка и дорожка вывалит в пропасть две ядерные плюхи, величайшие достижения засранцев-ученых.

Парашюты раскроются, блямбы аккуратно воткнутся в лед, а немного погодя начнется катавасия. А может заряды взорвутся на пути к шельфовому леднику. Впрочем, о ледниках лучше пока не думать, чтобы нервы не трепать лишний раз.

Как я могу предотвратить все эти пакости? Взорвать мину вместе с собой и самолетом? Во-первых, жертвовать своим организмом, не попробовав другие варианты, это значит показать

себя тупицей. Окромя того, летим мы пока над вполне обитаемой сушей и как там сыграют ядерные блямбы – поди пойми.

А если как-нибудь испортить атомные заряды, превратить их в простые колобашки? Например, поковыряться в блямбе и выкрутить там взрыватели.

Первое препятствие в том заключается, что я не физик, а холодильный инженер – и сдается мне, ядерный заряд не сильно похож на холодильник. Надо учитывать и то, что снаружи у блямб никаких органов управления. Никаких там панелей, которые сковырни и дорвешься до кнопок. В носовой части у блямбы я нашел что-то вроде стыков, то есть имелся щиток и даже гнездо для вложения ключа. Ах, какой я внимательный, только радости от этого никакой.

Оставалось тогда одно – найти провода, которые подают энергию и управляющие сигналы к грузовому люку. Если я их перережу, электромоторы не смогут раскрыть его, как ни кряхти, и заряды не вывалятся наружу. Тогда из рубки выйдут надзирающие особы, которые попробуют проделать все то же самое вручную. Тут я их и постреляю. Надеюсь, фактор внезапности будет на моей стороне.

Через час я разыскал что-то вроде концевых выключателей и повыдирал из них все проводки. Осталось только дожидаться благоприятных результатов. Удивляло лишь то, что члены команды не торопится навестить грузовой отсек. Вспомнил я нехилые способности своих бывших подельников-сектантов и уверился, что люди из экипажа своевременно заподозрили неладное, но избрали хитрую тактику.

Через пять часов мой прибор-навигатор показал, что мы уже над Антарктидой. Там царило многомесячное полярное утро. Низкое-низкое солнце подмазывало зеленым, красным и голубым верхнюю кромку облаков. Что творилось под ними, можно было себе представить и задрожать.

Тут совершенно неожиданным образом створки кормового люка раскрылись и в отсек ворвался с радостным воем агрессивный и ледяной воздух. Значит, я не те проводки выдернул. Это у меня бывает.

Заработала рольганговая дорожка и потащила боезаряды на выход. Оставался в запасе один фокус. Дабы опередить каркасы, я тоже направился к корме, отражая по пути броски ветра, который хотел меня закружить и вышвырнуть вон. Истратил половину магазина у своего "Кедра", еще поработал ножом, рассекая прорезиненную ткань дорожки, ломиком потрудился, рассыпая тянущие колесики, ну и в конце концов, испортил привод. Рольганговый транспортер вышел из строя, то есть перестал

делать свое черное дело. Вот вам, дорогие мои.

Тут "дорогие мои" попробовали вылезти из рубки. Но по открывшейся двери так удобно было стрелять. Один из членов команды рухнул на пороге, товарищи пострадавшего быстро затащили его обратно и заперли дверь.

Впрочем, напасти на этом не кончились. Хотя оказались они уже невещественными и даже противоестественными.

Меня очаровал раскрытый грузовой люк, как будто в душе снова очнулся фраваши. Мгновение дурноты, затмение, я чувствовал только одно – что-то всплывает из глубины, выдавливая из меня нормальные мысли и чувства. В моей бедной голове стал восстанавливаться чужой и вредный фильтр.

Потом Он стал манить и тащить меня к выходу, и хотел, чтобы я слился с воздухом, а затем со всем миром. Я резко почувствовал несовершенство и ограниченность свой формы, саднящую и гудящую от давешнего удара башку, полураздавленные члены, ноющую печенку, я захотел снова стать великим и безграничным, знающим глубины и помнящим истоки. Я возжелал из маленькой недолговечной козявки, замученной проблемами потребления и выделения, сделаться снова возвышенным и долговечным. Моим глазам открылась дорога в вечность, которая проходила вдоль грузового отсека и через кормовой люк устремлялась к багровому солнцу Слияния.

Ну нет, фигушки, дорогие мои. Это не я стану счастливым, а фраваши, мой погубитель и растворитель. Я чуть ли не стукнулся башкой о борт, пытаясь вышибить из нее паразита и психосадиста.

– Ты будешь жить во мне,– сообщил Он.– Не сопротивляйся и станет ясно, что ты – это я. Во мне сохранится даже то хиленькое "я", которое называет себя Колей Шигимонт-Микитовом.

И мое хиленькое "я" наконец возбухло.

– Нет, это ты живешь за счет меня. Ты тянешь все, что можно, из моего "я", несмотря на его хилость, а так в тебе сознания не больше, чем в какашке.

Дав словесную отповедь, начал я выталкивать умственного паразита из своей бедной психики. И будто кто помог мне избавиться от источника вредных мыслей – величавый голос паразита, раздававшийся под моим черепным сводом, превратился в жалкий писк, а потом и вовсе стих. Дорожка в "вечность" тоже по-быстрому скрутилась и спряталась словно жабий язык. Я почувствовал напор другой Высшей силы. Для нее я опять-таки был крохотным и ничтожным, но она не собиралась уничтожать и размазывать меня. Напротив, она хотела сделать меня больше, чтобы во мне могли отразиться, приобрести смысл,

и камни, и растения, и скотинка бессловесная. Не я должен был опуститься до них, а они имели право подняться до меня.

Едва я пришел в рабочее состояние, как "дорогие мои" кое-что предприняли за ради подгадить мне. Я стал замечать, как увеличивается дифферент на корму, а нос в свою очередь давай кабрировать, то есть задираться вверх. Вот заразы. Хотят сбросить ядерные заряды просто действием силы тяжести. Опять надо думать, причем капитально.

Я выстрелом из "Кедра" разорвал один из металлических леерных тросов, проходящих вдоль левого борта. Освободившийся конец продел сквозь движущийся каркас и перекинул на кнехт правого борта. Затем снова протянул сквозь каркас и закрепил на каком-то выступе левого борта самым крепким из известных мне узлов. Ну, теперь, уважаемый трос и моя морская выучка, не подведите.

Вот каркас полностью натянул преграждающий трос и остановился. В него угрюмо уткнулась и следующая блямба. Кажется, держит!

Но командир корабля, малый не дурак, еще больше увеличил дифферент на корму. Что-то сейчас не сдюжит – или трос, или кнехты, или я. Но вместо этого случилось другое. Самолет стал "сыпаться", в смысле резко терять высоту – такое бывает при большом дифференте. Летчикам спешно пришлось выйти из режима кабрирования и выровнять нос. Каркасы перестали давить на трос. Ну, что маленькая победа; утер я сопливые сектантские носы. Впрочем можно было еще ожидать, что сейчас кто-нибудь вылезет из рубки и устроит очередной поединок Пересвета и Челебея. Поэтому я наконец установил растяжку. Об том, что может шарахнуть граната при попытке открыть дверь, я любезно сообщил по интеркому, мол, не рыпайтесь, иначе каюк.

Но они не рыпнулись. Самолет после выравнивания начал набирать высоту и я уловил их новый план. Они придумали, как устранить того, кто сидит в грузовом отсеке и вредничает. Простой способ: подняться в разряженные слои атмосферы и выключить мои мозги – кабина-то разгерметизированная. Впрочем еще прежде кислородного голодания, меня может дубак погубить – зябко-то как в попе у Деда Мороза. Резкий ветер и мороз минус тридцать отличное сочетание для летального исхода, хоть я и в теплой куртке.

Вот и конец всему. Осталась правда еще магнитная мина, но взорви я ее – и самолет запросто рухнет. Тем самым я гарантированно ускорю свой собственный конец. Опять-таки взрыватели у ядерных зарядов неизвестно как себя поведут, не исключено, что сработают – правда это случится не на той высоте,

где задумывалось. Может эффект окажется не столь грозным, но он будет. Шельфовый ледник ведь не слишком толстый и прочный.

Я поозирался. Долго озирался, от кислородного голодания плыли темные объемные круги перед глазами, а в ушах уже стучали колокола. Когда собрался заплясать последний танец, обнаружил на подволоке несколько панелей. Сковырнул одну ножом, но там только трубы гидравлической системы, от которой, скорее всего, зависит живучесть самолета.

А вот вторую панель пришлось отстреливать и за ней нашелся небольшой отсек. Каморка папы Карло. Я, поморщив лоб, сообразил, что это тот самый шлюз, который ведет к истребителю, установленному на фюзеляже сверху. Тут имелся и комбинезон пилота с радиофицированным шлемом. Пожалуй, такие подарки мне пригодятся. Я быстро скинул куртку и, скуля от холода, стал влезать в новый наряд. Эти чертовы застежки из меня всю душу вынули, но, в итоге, удалось даже использовать кислородную маску. Ну, чем я теперь не стратосферный летун? Ай да Шигимонт-Микитов, сукин сын. Потом глянул по сторонам. Наверху имелись кое-какие кнопочки и тумблеры. Я уловил идею и дернул рычажок, показавшийся мне интересным.

И тут ударил поток воздуха, чуть не расплющив меня. Сверху, оказывается, имелся люк, каковой опустился вниз и в сторону. Через открывшийся проем я увидел море бездонной сини. Это было небо. Но его заслоняла тушка истребителя. А еще я заметил выдвижной трап и направляющие для него. Непонятно, рассчитывал ли кто-нибудь попользоваться им в полете, но надо попробовать. Тем более, что у трапа имеются боковые ограждения типа бортиков. Я стал потихоньку двигать по направляющим металлическую лесенку. Едва она высунулась из фюзеляжа, как стала натужно звенеть, хотя и держалась. Стонала-звенела, но все-таки дошла до самого фонаря кабины. Я взял свой трос, крепчайшим образом обвязал себя вокруг пояса, другой конец закрепил в отсеке. И стал тащиться вверх по трапику.

Чем больше я выдвигался, тем крепче ветер придавливал меня к бортику. Каждый атом этого трапа скрипел, но все же не размыкал уз с соседними. Да здравствуют электромагнитные объятия! Моя душа почти полностью отделилась от тела, но мозг долдонил – если я сорвусь и трос не выдержит, то в итоге столкнусь с поверхностью – причем, это будет не больно. Я распадусь на быстрые молекулы намного раньше, чем нервные волокна смогут передать очень болевые импульсы. Впрочем на такой высоте скорость у винтовентиляторного самолета не была слишком большой – порядка четырехсот километров. И это

почему-то успокаивало.

Я все-таки стал отдаляться от человекоформы по имени Николай Шигимонт-Микитов и приближаться к высшему существу. Только не к фраваши, который на самом деле был злобесным паразитом. Был еще один дух, по-настоящему Высший. Он не зависел от человекоформ, но запоминал и хранил их в себе. И даже если человекоформа погибала, он мог вспомнить ее снова, дав ей новую телесную жизнь. Высший сразу объяснил, чем люди отличаются от микробов – они могут любить, не потребляя, они могут познавать, ничего не забирая. Высший предлагал не растворяться в нем без осадка, а сотворить себе место рядом с ним. Такие вот дела, только я не забыл прилепить к борту истребителя магнитную радиоуправляемую мину – пригодится в беседе с летчиком.

И вот я добрался до фонаря пилотской кабины, страх к этому времени почти полностью выветрился, осталась только работа. Зато страх – и, наверное, немалый – возник у летуна, сидящего в кабине истребителя. Еще бы: вдруг какая-то зверская рожа постучалась к нему и, пригрозив пистолет-пулеметом, предложила поднять фонарь. И в самом деле, мне удалось связаться с обитателем кабины на радиоканале. Впрочем пилот запаниковал и отказался. Тогда я выстрелил из "Кедра", пуля пробила фонарь и летчик пошел мне навстречу. Фонарь поднялся, его сразу сорвало бешеным ветром, ну, а я стал размещаться в кабине. Я естественно предупредил летуна, что помимо пистолет-пулемета есть еще магнитная радиоуправляемая мина на борту, ее-то взорвать успею, если даже смайнаю вниз. Так что пришлось летуну подвинуться.

Это было непросто, самолетик-то одноместный, то есть стульчик один. В итоге, оказался пилот у меня на коленях. Кому ж это понравится? Ни мне, ни ему, надеюсь. Однако он действовал целиком по моим указаниям: включил мотор, набрал нужную тягу, развел специальные держащие кронштейны и мы аккуратно оторвались от транспортного самолета. Поднялись над его фюзеляжем на пять, потом на пятнадцать метров, сохраняя тот же курс и скорость. От троса я не стал освобождаться, а напротив, предусмотрительно разматывал его – длины-то в нем было не меньше пятидесяти метров. Пилота звали Алик Муртазаев, был он человек наемный, не "оловоглазый", так что с ним, можно сказать, я договорился.

Потом по радио я предложил экипажу транспортника следовать в обратную сторону, куда-нибудь в Джелалабад. Мне ответили твердым отказом. Даже послали подальше, вернее пообещали отрывать от меня по одному атому до последнего и

предавать их ядерному распаду. Тогда истребитель немного клюнул носом и стрельнул из пушки по фюзеляжу транспортника. Задумывалось, что это будет предупредительным жестом, но, похоже, при том накрылось радионавигационное оборудование – большой самолет стал явно блуждать.

Впрочем, и транспортник ответил ударом на удар, прямо из пробоины застрочил крупнокалиберный пулемет и подпортил нам рули направления. Истребитель стал рыскать, давать то один, то другой крен, чтобы кое-как выдержать курс. Трос то провисал, то натягивался, угрожая меня выдернуть из кабины. Я понял, что надо решаться еще на один обстрел, авось загоню транспортник в нужную мне сторону как непослушного барана. И тут по радио с большого самолета ко мне обратился Курт.

– Не вздумай, сукин сын, палить снова из пушки. Я выбрался из тюка и держу здесь всех под прицелом.

Никак не ожидал его, подлеца, услышать. Но не мог я тратить сейчас умственные силы, чтобы осмыслить это дивное событие.

– Уводи, Курт, самолет, проваливай из Антарктики.

– Тут вообще никто не знает куда мы летим, все навигационные системы вышли из строя и даже альтиметр не фурычит.

Минуту у меня заняло размышление и измышление.

– С навигационными системами и дурак лететь сможет. Дуйте на север – уж гирокомпас-то должен работать. А теперь пункт второй. Истребителю уже никак не вернуться на ваш фюзеляж – при таком рыскании-то. Поэтому он будет лететь, пока не кончится топливо, а я соскользну обратно по тросу.

– Ну ты циркач. Ждем тебя не дождемся, Ник.– как-то больно ласково прозвучало.

Мой летун не только решал проблему с рулями, но и быстро уловил свое новое задание. Стараться, чтобы трос не оборвался и при том не фокусничать – иначе я взорву истребитель. Второй конец троса я закрепил на кресле летуна, уж оно-то нехилое должно быть. Когда переберусь на транспортник, пусть Муртазаев чешет, куда хочет. По правде же, предстоит ему катапультироваться, когда закончится топливо.

Подергал я трос – вроде держится, пристегнулся к нему самохватом и двинулся из кабины истребителя. И ничего, кстати, двигался – как на учениях. Мышцы когда надо сжимал, когда надо разжимал, никаких конвульсий и судорог. А если бы я задрыгался, то ветер, ставший гущей мускулов, мигом бы меня счистил с ниточки, почему-то называющейся тросом. Впрочем, страх тоже был, рев ветра не просто бурил мне уши, но стальной занозой входил в мозги. Внизу располагалась облачная "полянка",

образованная верхней кромкой облаков, и это почему-то успокаивало. Однако же, когда до люка на фюзеляже транспортника оставался пяток метров, трос вдруг вылетел оттуда словно укушенный.

– Как шутка это явно не годится,– пролепетал я, еще не вникнув в ужас ситуевины, в каковую попал.

– Пропадай, козел. Желаю счастья на небесах.– заревел Курт в шлемофоны, баран этакий, и обсмеял мою скорую кончину.

– Ах ты поганка. Все равно я хихикну последним…

Я висел на тонком тросе в неприятном пространстве и забраться обратно пока что не было никаких сил. И тут мы вдобавок влетели в облачную муру, в белесую мглу, похожую на кефир. Было это где-то над морем Уэдделла. Самое время обделаться от страха. Но я опять почувствовал Высшего в себе. Он словно вставил сектор своего зрения в мой глаз и я узрел сразу и море, и облачность, и льды, и дно морское, и кору земную, и ядро. И все это вместе напоминало очень вкусный, очень съедобный пирог. Оставалось воспрять и сказать своему невольному напарнику Муртазаеву:

– Снижайся, Алик, мы их посадим в лужу. Им только на тебя и ориентироваться.

Шлем мой покрылся каплями и я видел один кукиш в сметане, оставалась надеяться лишь на исполнительность пилота.

Неожиданно облака разошлись, туман тоже разлетелся на клочья и оказалось, что водная поверхность совсем рядом.

Транспортник был неподалеку. Похоже, его пилоты, козлы вонючие, действительно ориентировались на истребитель.

Так они вместе с Муртазаевым и потеряли даже минимальную высоту.

Я усек вдруг, что транспортнику уже не суждено подняться – тяжелую машину вмиг не вздыбишь – и через несколько секунд он воткнется прямо в воду. Предчувствие опередило события лишь на пять секунд. Несмотря на их краткосрочность я вполне уловил, что произошло. Транспортник столкнулся с водной поверхностью и моментально раскололся. Корпус лопнул, ядерные блямбы ушли на дно, а вот отлетевшие крылья с моторами взорвались.

Муртазаев же примерно в это время сделал разворот на предельно малой высоте. Ударная волна шмякнула истребитель, имевший и так приличный крен, и перевернула. Вот-вот самолет должен был поцеловаться с океаном. В самый последний момент я отвязался от троса.

И стал очень маленьким, очень легким по сравнению с действующими силами, большими и мощными; они, наверное, и не заметили меня вовсе.

Ударная волна, как довольно мягкая стена, успела погасить мою скорость, а до поверхности воды оставалась дистанция метров двадцать, не больше.

Вскоре после того, как я оказался в пространстве, заполненном ледяной жидкостью, сработал спасательный жилет, он надулся и выбросил меня на поверхность океана. А вскоре – невзирая на Деда Мороза, хватающего за каждую клеточку – я заметил оранжевое пятно, что болталось на волнах метрах в тридцати, то есть надувную лодку наемного пилота. Успел, значит, Муртазаев выполнить "бочку" и катапультироваться.

Через несколько минут я по-прежнему находился в открытом море, но уже на борту утлого суденышка. Наемный пилот имел достаточно разумности, чтобы не враждовать со мной посреди ледяного океана. Наверное, считал, что у меня еще где-нибудь мина припрятана. Но от нашей дружбы мало бы оказалось толку, если бы спустя два часа кое-что не отозвалось на сигнал СОС. Рядышком жутко приятной черной тушей всплыла ядерная подлодка и подобрала нас обоих. Я к тому времени оцепенел в ледяном коконе и почти не дышал, остатки тепла имелись разве что в районе мозга.

11. Краткие итоги

Пожалуй, Курт не был настоящим "белым ополченцем" – по-крайней мере, он работал на ФБР. Неважно, как он попался на крючок к правоохранительной инстанции – может, из-за того, что свистнул деньги из "общака" своей группировки, может, заложил кого-то из своих на допросе. Во всяком случае, хотя он был форменным нацистом, в отличие даже от собственных товарищей, однако в точности исполнял указания Ребекки Коэн.

А она посчитала, что лучше всего отправить меня в полет, не испрашивая согласия – для этого Курт и двинул по моей башке.

А потом ему пришлось послушаться мисс Коэн и самому залезть в тюк. Вдвоем мы должны были отыграть на совесть и страх, и нам, в натуре, это удалось. А вариант, чтоб отправить в последний рейс одну лишь мину с часовым механизмом, показался, наверное, Ребекке не слишком надежным. Взорвись самолет в небе над любимым Индостаном и не оберешься хлопот.

В Питтстаун я уже не вернулся. Провалялся в корабельном лазарете, а затем в госпитале на военно-морской базе в Ньюпорте целый месяц с пневмонией, ангиной, ринитом, нефритом, невралгией, простатитом и так далее. До конца дней будет слишком часто моргать глаз, чихать нос и писать пипирка. Потом еще на берегу, в Вашингтоне, надо было наплести много чего органам дознания, поизучали они и мой чип, которого я наконец лишился. Ну и в счастливом итоге дознаватели меня отпустили. А почему нет? Канадская-то полиция не дала на меня никаких запросов-вопросов.

Дэйв, как выяснилось, геройски погиб в бою около склада, а вот заложники на Кингсроуд были освобождены антитеррористической группой "Кобра-2", которой и в самом деле были переданы в помощь бойцы из русской "Альфы". Вместе с такой бабой как Бекки Коэн у команды спецназа все получилось. Кажется, для проникновения в здание бойцы использовали старый мусоропровод. Впрочем, особой сенсации из кингсроудского дела не получилось. Попросту говоря, его замяли – такое и в Америке нередко случается. Финучреждения потихоньку списали убытки, используя резервные фонды, ужесточили защиту операций по "ролл-он" и вообще своих компьютеров. Оставшихся в живых сектантов признали невменяемыми, лишили чипов и рассовали догнивать по психлечебницам. Эминов стрельнул сам себя в конце штурма. Доктор Деларю сбежал в джунгли Гватемалы. Мисс Федорчук сама или с чьей-то помощью пропала без вести. Оставшиеся

клерки или программисты из MCS не могли отвечать перед законом за свой небольшой и в общем-то невинный участок работы.

Между прочим, правый экстремист Чарли доставил Риту в Иерусалим. С родителями ей все-таки лучше, да и с оплатой психушечного лечения на святой земле тоже проще. А вот жить вместе с Маргаритой вряд ли мы будем, слишком многое нас развело. Она, кстати, утверждает, что Чарли совсем неплохой товарищ и антисемит поверхностный.

Сынишка пока с дедом-бабкой, но потом я его к себе возьму. Я нынче дома – в Тюменской области, на нефтекачке работаю.

И, между прочим, от Бекки Коэн письмецо получил. Там она извинялась за свои действия. Может, я когда-нибудь и повидаюсь с ней. Но вряд ли у нас получится что-нибудь большее. Я – работяга в стране периферийного капитализма. Она – высокооплачиваемый сотрудник уважаемой "фирмы". В какой-то степени высшее существо. Ради дела запросто может сунуть вас в пасть к Змею Горынычу, авось тот подавится. Так что, какая мы пара? Впрочем, если меня подвергнуть долгой полировке и шлифовке, а ее уволить без выходного пособия, то мы, возможно, и встретимся на одной палубе шикарного белого парохода. Если, конечно, меня раньше не свяжет узами браками девушка с широко расставленными светлыми глазами, которая работает у нас в столовке. А вот игры зарекся придумывать – мало кто сечет, из какого густого, темного и страшного леса я вышел.

январь 1996